

С. ГОРШЕНИНА

ГАЛИНА ПУГАЧЕНКОВА

*КУЛЬТУРА СРЕДНЕЙ АЗИИ В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ,
ДОКУМЕНТАХ И МАТЕРИАЛАХ*

PERSONALIA

ИНСТИТУТ ОТКРЫТОЕ ОБЩЕСТВО — УЗБЕКИСТАН

ГАЛИНА АНАТОЛЬЕВНА ПУТАЧЕНКОВА

С. ГОРШЕНИНА

ГАЛИНА ПУГАЧЕНКОВА

MEDIA LAND

Редакционная коллегия серии «Культура Средней Азии в письменных источниках, документах и материалах»

Б. Голендер, И. Маминава, Чика Обия (Япония),
Э. Ртвеладзе (председатель),
Р. Сулейманов, Винсент Фурнье (Франция).

Консультант — координатор программы «Искусство и культура» Института Открытое Общество — Узбекистан А. Джумаев

Серия «Культура Средней Азии в письменных источниках, документах и материалах» — оригинальный проект Института Открытое Общество — Узбекистан в рамках программы «Искусство и культура». В серии публикуются уникальные, не изданные ранее, забытые и не востребовавшие письменные источники, документы и материалы (мемуары, записки, дневники, эпистолярное наследие), имеющие отношение к истории культуры народов и цивилизаций Средней Азии, а также биографические очерки о жизни и деятельности отдельных выдающихся представителей культуры.
Книга С. Горшениной вторая в данной серии.

Ответственный редактор
доктор исторических наук, профессор,
академик АН РУз Э. Ртвеладзе.

ОТ РЕДАКТОРА

Галина Анатольевна Пугаченкова, о жизни и творчестве которой рассказывает эта книга, принадлежит к числу тех редких, по праву выдающихся ученых, чье имя навсегда останется в анналах мировой науки.

Ее данный от бога талант исследователя, ее великая работоспособность, ее новаторские поиски и идеи, умение ее мысли проникать в сокровенные тайны вещей и явлений, ее необычайно развитые способности - вот то главное, что в комплексе определяет личность Галины Анатольевны - как ученого-исследователя.

Я подчеркиваю - именно ученого-исследователя, так как люди, занимающиеся наукой или приближенные к ней, - весьма разные.

Согласно моей классификации они делятся на научных сотрудников, ученых и ученых-исследователей. Но и в последней когорте, несомненно, присутствует нижний, верхний и средний ряд, определяющийся достоинством ученого как исследователя.

Двадцатый век, особенно первая его половина, выдвинул немало незаурядных личностей в области изучения прошлого Средней Азии - В. Бартольд, М. Массон, С. Толстов, Б. Литвинский, А. Семенов, в ряду их и Галина Анатольевна Пугаченкова. И дело даже не в написанных и опубликованных ею научных трудах, а число их приближается к семистам, а в другом - в ее неустанном новаторстве во всех областях науки о прошлом Средней Азии, которыми она занималась - будь то, к примеру, история архитектуры или история искусства Средней Азии. Мне могут возразить, и резонно, - ведь и до Галины Анатольевны памятники архитектуры и искусства этого региона не только просто публиковались, но о них писались статьи и даже книги.

Но именно Галина Анатольевна историю художественной культуры Средней Азии из занимательных, интересных, но подчас лишенных достоверной научной основы очерков, преобразовала в строго научную дисциплину, в которой есть все, что отличает науку от литературы - периодизация, датировка, анализ, синтез - и все это основывалось на комплексе научных данных истории, археологии, нумизматики, а не просто на анализе стиля, что было принято, да и сейчас широко распространено среди искусствоведов и архитектуроведов.

Я знаю Галину Анатольевну более сорока лет. Наше первое знакомство произошло в Кисловодске в конце пятидесятых годов в бывшем дворце князя Юсупова, где Михаил Евгеньевич и Галина Анатольевна в течение многих лет снимали комнату¹. С той поры и до сегодняшнего времени я был ее студентом, участвовал с ней во многих экспедициях, выступал вместе с ней на международных конференциях, работал у нее в секторе истории искусств, а затем, по ее рекомендации, стал с 1985 года его заведующим. Мы написали много работ совместно с Галиной Анатольевной, и венцом этого творчества явилась наша книга «Северная Бакт-

рия - Тохаристан. Очерки по истории и культуре» (Ташкент, 1990), которая по моему (и не только по моему) мнению является одним из лучших научных изданий об историко-культурных областях Средней Азии. Я написал о Галине Анатольевне несколько биографических очерков и составил ряд библиографий ее научных работ, которые, начиная со студенческих лет, не просто прочитал, но и внимательно изучил.

Поэтому я вправе утверждать, что знаю научное творчество Галины Анатольевны лучше, чем кто-либо, и все написанное мною выше - это не просто дань уважения одному из двух своих Учителей, но и глубокое настоящее понимание научной значимости ее личности.

Отношение людей к Галине Анатольевне, как ко всякому незаурядному человеку, всегда было неоднозначным. С одной стороны - безусловное преклонение перед ее талантом, с другой - критика ее творчества, неприятие ее, граничащее порой с ревностью и завистью.

Особенно этим страдали некоторые ученые мужского пола - ведь затрагивалось самое сокровенное - мужское самолюбие. Как же: женщина по всем статьям опережает их (в глубине души они, вероятно, признавали превосходство Галины Анатольевны). Другой повод давала сама Галина Анатольевна. Подчас она вторгалась в те области науки, где знания ее были недостаточно фундаментальны. Это особенно касалось ее трактовки исторических процессов, хотя я, как историк, всегда понимал, что и здесь она была неизмеримо выше, чем ее коллеги-искусствоведы, которые зачастую пишут об историко-искусствоведческих проблемах с весьма слабыми познаниями в области истории как таковой.

О Галине Анатольевне написано много, но все это или сухие академические биографии, или газетные и журнальные очерки, по которым невозможно представить ее личность и ее жизнь во всем многообразии ее проявления. Насущная необходимость книги о ней была очевидна всем, но стало это возможным, после того, когда в Институте Открытое Общество (фонд Сороса), по инициативе координатора программы «Искусство и культура» Александра Джумаева была учреждена серия «Культура Средней Азии в письменных источниках, документах и материалах», специальный раздел которой составляют «Personalia». Уже вышла первая книга этой серии «Муталь Бурханов», написанная музыковедом Н. Янов-Яновской, которая была встречена с большим интересом всей общественностью Узбекистана.

Когда на заседании редколлегии стал вопрос об издании второй книги этой серии, то ни у кого не вызвало сомнения, что она должна быть посвящена Галине Анатольевне Пугаченковой. И она написана искусствоведом Светланой Горшениной, которая документально точно воспроизвела, благодаря магнитофонным записям с соответствующими комментариями, воспоминания Галины Анатольевны о времени, в котором она жила, о жизни и научном творчестве, сохранив ее живую, образную, неповторимо поэтическую речь.

Я всегда, еще со студенческих ее лет, симпатизировал Светлане за ее необычайное трудолюбие и пытливый исследовательский ум, хотя не разделял и не разделяю многие ее оценки советской действительности.

И вовсе не случайно, что написать книгу, посвященную самой незаурядной женщине XX в. Ташкента и не только его - Галине Анатольевне Пугаченковой, было поручено именно Светлане Горшениной, ибо мы не видели другой кандидатуры. И Светлана осуществила это. Она ходила почти каждый день к Галине Анатольевне, записывала ее воспоминания на магнитофон, что-то писала, черкала, дополняла. Результатом этих неустанных деяний стала книга, в которой перед читателем - впервые в столь широком временном периоде, от рождения до сегодняшнего дня - предстает жизнь и творчество великой труженицы науки, жены и матери троих детей, Галины Анатольевны Пугаченковой.

Когда я прочитал первый вариант этой книги, то уже тогда она мне понравилась, потому что образ Галины Анатольевны впервые предстал не в сухой академической справке, а в любви и страдании, муках творчества и переживаний, сомнений и неуклонном стремлении Галины Анатольевны идти вперед и только вперед. Живой образ красивой, любимой, чувствительной женщины, тонкой и всегда глубоко ощущавшей жизнь. Помнится, когда в 1968 году в Дальверзинском лагере, я сидел, склонившись над чертежами и дневниками уже не один час, вдруг распахивается дверь, буквально врывается Галина Анатольевна, и говорит мне: «Хватит, Эдик! Выйдете во двор, посмотрите, что творится в Бабатаге - сиреневые ущелья и красные верхушки гор». Мы с ней вышли во двор и долго любовались закатом, превратившим суровые горы в разноцветье сумасшедших красок.

С момента моего знакомства с Галиной Анатольевной и на протяжении всех сорока лет нашей дружбы и научного сотрудничества я всегда понимал, что внутренне Галина Анатольевна - глубоко романтическая натура, зачастую скрывающая это за сухой академической завесой.

Посмотрите на ее фотографию 1938 года, где она в пленительном изгибе фигуры стоит между двумя стариками-узбеками перед Джаркурганским минаретом. Черти пляшут у нее в глазах!

Мне кажется, что в структурном отношении С. Горшениной удалось скомпоновать эту книгу, в которой ее комментарии уместно дополняют речь самой Г. Пугаченковой, письма Л. Ремпеля, в полном соответствии с событиями, происходившими в бывшем Советском Союзе.

Считаю излишним пересказывать содержание книги или вмешиваться в авторский текст, но хотел бы высказать свои суждения по ряду принципиальных вопросов, которые в интерпретации С. Горшениной вызывают некоторые сомнения.

В частности, о том, создана ли Г. Пугаченковой своя научная школа. Этому важнейшему для каждого ученого вопросу посвящен специальный раздел книги, причем С. Горшенина, на мой взгляд, не совсем

правильно определяет понятие научной школы как таковой. Суть научной школы не в количестве учеников, как полагает С. Горшенина, приводя в пример разницу между советской научной школой, где понятие школы по ее мнению якобы определяется числом учеников, и французской, где научную школу могут составлять два человека - учитель и ученик, а совсем в ином. В первую очередь, это научные и нравственные принципы, положенные создателем школы в ее основу, своеобразие научной методики, область или области исследования, доминирующая роль основателя школы, научные задачи, составляющие сущность научной школы, направленность исследований учеников, даже если в чем-то они расходятся с основателем той или иной школы, и ряд других признаков.²

С. Горшенина права в одном. Г. Пугаченкова действительно не создала специальную искусствоведческую школу, как, к примеру, М. Массон археологическую - но ее научная школа шире - это школа истории художественной культуры Средней Азии, объединившая представителей различных научных дисциплин - архитектуроведов, искусствоведов, археологов. Все они в меру своих возможностей и способностей во многом следуют в научном поиске тем принципам, которые были заложены Г. Пугаченковой.

Влияние ее идей в научной среде всего мира по-прежнему велико, а многие ученые старшего и среднего поколения, а через них - и младшего поколения, считают ее своим Учителем. Это и есть признание созданной Г. Пугаченковой научной школы.

Можно было бы продолжить дискуссию по некоторым поднятым в книге вопросам, но это лучше делать не в рамках краткого предисловия, а в новой книге.

Пока же книга С. Горшениной первая, во многом пионерская. Она, я верю, является предвестником многих будущих книг о незаурядной личности, выдающемся исследователе и просто женщине - Галине Анатольевне Пугаченковой.

Эдвард Ртвеладзе.

Академик АН Республики Узбекистан

27 июля 2000 г.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

*Наука - богиня бессмертия...
Ф. Шиллер*

Наша первая встреча была на редкость банальна: всё, без единой погрешности, укладывалось в клише «молодой исследователь, с замиранием сердца впервые представший пред известным ученым». Много позже, просяживая долгие часы за книгами и разговорами в доме у Галины Анатольевны (как, впрочем, многие археологи и искусствоведы предшествующих поколений - домашняя библиотека М. Массона и Г. Пугаченковой, одно из самых крупных специализированных собраний в Узбекистане, всегда была открыта для их учеников), я поняла, что причиной моего внезапного онемения была исключительно моя собственная психика. Именно она сыграла со мной дурную шутку, не пережив того, что недосягаемое имя с обложек многочисленных книг по истории среднеазиатского искусства (для меня, в ту пору вчерашней студентки) вдруг обернулось реальным человеком. И если бы кто-нибудь сказал мне тогда, что через несколько лет мне придется быть её биографом!

Однако мое оцепенение было недолгим благодаря той же Галине Анатольевне. В умении слушать и слышать другого найдется не так уж много людей, кто смог бы сравниться с ней, всегда безошибочно находившей нужный регистр при общении с самыми разными людьми: коллегами, студентами, школьниками, дипломатами, государственными деятелями. Ее сияющие, широко распахнутые, вспыхивающие синим огнем глаза, живые, несмотря на годы, неизменно полные неподдельного интереса к собеседнику, создавали вокруг нее ауру доброжелательности. Они как бы подталкивали к разговору. Юные, светящиеся, смотрящие на собеседника и в то же время куда-то в пространство над ним, они контрастировали с седыми прядями всегда красиво уложенной прически и хрупкой фигуркой. Глаза не имели возраста, они были вне времени и видимо, обладая способностью проникать в иные исчезнувшие миры, вне замкнутого пространства «сегодня». Подстать им была и особая, «внебытовая» атмосфера, царившая в её всегда погруженной в сумерки квартире в знаменитом на весь Ташкент Доме специалистов на набережной Анхора. Здесь всё было настоящим - живые цветы в любое время года, старое черное пианино с канделябрами, картины, японские нецке, китайская керамика, туркменские ковры, изящное бюро конца прошлого века, увенчанное бронзовым Дон Кихотом, и повсюду - книги, книги, книги...

Украшенное многими научными регалиями имя Галины Анатольевны Пугаченковой - кандидата архитектуры, доктора искусствоведения, профессора, действительного члена Академии наук Республики Уз-

бекистан, почетного кавалера французских Академических пальм, почетного доктора Страсбургского университета, члена-корреспондента Германского археологического института и Итальянского института Среднего и Дальнего Востока, академика Международной Академии архитектуры стран Востока, заслуженного деятеля науки Республики Узбекистан, дважды лауреата государственных премий (Хамзы и Беруни), автора многих, ставших хрестоматийными, изданий, - давно стало нарицательным. Вокруг него сложились легенды, что кочуют от поколения к поколению, обрастая новыми деталями и трансформируясь в бесспорные утверждения о том, что день Пугаченковой начинается в пять утра и продолжается до полуночи, что «по количеству и научной значимости опубликованных исследований» ее имя якобы занесено в Книгу рекордов Гиннеса, что она не знает слез, кулинарных тонкостей, дамских сантиментов и не держит в доме домашних тапочек, неизменно предпочитая им туфли на высоком каблуке, что даже в родильном доме она вычитывала корректуру очередной книги, а в Институте искусствознания была одним из самых жестких поборников дисциплины, скрупулезно фиксируя каждую минуту опоздания, что... Но миф-Пугаченкова, живущий по своим законам, отличен от реально существующей Галины Анатольевны.

Картина стала бы яснее, если бы она сама, отложив в сторону научные труды, взялась бы за свое жизнеописание. Не я одна, многие обращались к Галине Анатольевне с вопросом: «Почему вы не напишите своих воспоминаний? Каждому возрасту свой жанр, а вы - целая эпоха в среднеазиатском искусствоведении!».

Но она отшучивалась. То ссылаясь на занятость и неотложность других дел. То говоря, что писание мемуаров - дело скорее политических деятелей с их армией ангажированных литературных секретарей, благодаря которым мемуары приобретают увлекательность изложения, а факты - требуемую окраску, и что ей не хочется повторять «подвиг» генсека с его «Малой землей» и «Целиной».

То вдруг, уже без улыбки, мотивировала свой отказ привычкой «не изливать душу».

Я никогда не вела дневники, потому и восстановить увиденное - слишком сложно... и это будут всего лишь вариации на тему моей жизни».

И снова, уже улыбаясь: Действительно хотите знать, почему я никогда не вела дневники? Когда мне было лет двенадцать, я решила вести дневник. В нем излагались эпизоды школьной жизни, беседы с подругами, впечатления от прочитанного с обязательным «мне понравилось и мне не понравилось». Было там и про некоего Юру. Он учился в старшем классе и, разумеется, не обращал на меня никакого внимания, встречая на переменах или на заседаниях школьного литературного кружка. И я, как и положено молодой романтической особе, описывала свои по этому поводу переживания! Моя мать, которая - увы! - часто вторгалась в мою

личную жизнь, обнаружила дневник, начались допросы - кто этот Юра и так далее ... Дневник я сожгла и уже больше никогда не вела.

Было и другое, - продолжала, согнав улыбку с лица, Галина Анатольевна. - В конце 20-х годов я дружила с Галей Воробьевой, старше меня года на три. Она появилась в Алма-Ате с матерью и братом, такая непохожая на наших провинциальных мещанских девочек, в комсомольской защитной форме с кожаным ремнем и портупеей, очень независимая в речах и поведении. Начиналась пора первых репрессий, пока еще сдержанных. Отец ее, бывший видным большевистским деятелем не то на Орловщине, не то в Курской области, был арестован, семья выслана в Алма-Ату. А в 1928 году к Воробьевым ночью нагрянули сотрудники ГПУ, произвели обыск. Галя рассказывала, как мучительно больно было ей, когда один из них извлек и читал вслух, посмеиваясь, ее дневник, полный мелких подробностей школьных романов. После этого я твердо решила никогда не записывать ничего из пережитого и пережитого, чтобы не упал на это заветное чужой, ханжеский, циничный взор.

Итак, дневников - наилучших помощников! - не было. Сил для написания мемуаров после перенесенного инсульта тоже. И тогда мы решили, что Галина Анатольевна просто будет мне рассказывать о себе, а я, вооружившись диктофоном, буду записывать ее воспоминания. Позже она передала мне свои немногочисленные дневниковые записи последних лет, наброски автобиографии, писавшиеся с перерывами в 1988-1990 годах, краткие командировочные заметки, личные письма, фотографии. Разбирая эти документальные свидетельства её жизни, слушая неторопливый, не всегда четкий голос, листая страницы старого, рассыпающегося японского альбома с фотографиями, я пыталась уловить решающие повороты ее судьбы и вычислить, что же сделало Пугаченкову Пугаченковой. В чем её загадка? Чему более она обязана, как археолог и искусствовед - удаче или своей компетенции, удивительной амплитуде своих научных устремлений - от античности до средних веков, времени, «что нужно в гигантах и породило их»? Перебирая мысленно возможные варианты ответов на эти вопросы, я вдруг увидела иную Галину Анатольевну. Не беря на себя смелость быть создателем еще одного мифа о «реальной» Пугаченковой (да и ни к чему это - «памятник нерукотворный» она создала себе сама), я лишь попыталась собрать из разрозненных осколков нечто целостное. Целостное - из осколков...

...Оглядываясь на свою долгую жизнь, я воспринимаю ее как мерцающие там и сям осколки мозаики, некогда создававшей целостное панно, или же, как черепки некогда целой керамической вазы или блюда. Наша память привычно сохраняет лишь несколько наиболее ярких событий нашей жизни на мутном фоне ее повседневности. Осколки жизни. Кусочки разбитой керамики...

В археологии существует понятие «археологическая культура», что характеризуется рядом признаков материальной деятельности че-

ловечества в определенных временных и территориальных рамках. Нередко археологическая культура зримо запечатлена в графических таблицах, включающих наиболее типичные образцы архитектурных сооружений и строительных конструкций, орудия труда и оружие, произведения искусства и монетного дела, изделий ремесла и предметов быта. Особое же место принадлежит массовой керамической утвари, встречающейся порой исключительно в виде черепков. Их профиль, однако, позволяет графически воссоздать первоначальную форму всего сосуда. Но - удивительно! - при всем изобилии черепков состав основных форм, даже с учетом их эволюционирования, оказывается весьма ограниченным для определенного временного и территориального отрезка.

И как керамический фрагмент, сохранивший часть венчика или стенки сосуда, дает возможность воссоздать первоначальную его форму и выявить весь ассортимент древнего мастера-керамиста, так и между строк воспоминаний былое иногда воскресает в его реконструированной цельности. В заметках о времени и о себе не только пунктирно намечена пройденная жизнь одного человека, но запечатлены черты целого поколения, с которым эта жизнь была сплетена. Как капля океанской воды таит в себе признаки всего океана, хотя и без его великолетия, грандиозности, мощи, так и человек - маленькая капелька человечества, запечатлевшая признаки, присущие человечеству в определенном отрезке пространства и времени. Людские судьбы - те же осколки, малые, порой бесформенные фрагменты, скупо обозначенные историей; иногда - очень редко! - великолепные античные вазы. Что важнее - «массовый керамический материал», что позволяет реконструировать и датировать «археологическую культуру» или высшие взлеты человеческого гения?

Историки об этом уже не спорят: бытийная «маленькая» история столь же важна, что и история «героев». Описание жизни рядового интеллигента? Почему бы и нет? В ней были встречи с интересными людьми, но не со знаменитостями; события порой драматические, но в те годы - обыденные; неустанный труд, но не высокие свершения. Вместе с тем, хотя эта жизнь, как всякая биография, индивидуальна, она отражает какие-то общие черты времени, места и действия. Время - дореволюционное, советское и постсоветское. Место - моя многострадальная страна (хотя теперь я иногда путаюсь - какая? но, наверное, все-таки родиной для меня остается Советский Союз). Действие - песчинка моего бытия в водовороте охвативших страну событий. И может быть, мой лаконичный рассказ о прожитом и пережитом сейчас, на закате столетия, окажется важнее, чем очередной анализ терракотовой статуэтки или описание архитектурных руин древности... А потому - включайте магнитофон!»

ПЕРЕБИРАЯ
ЖИЗНИ
ЧЕРЕПКИ ...

СЕМЬЯ

Она не ждала начала 2000 года, чтобы начать свои воспоминания эффектной фразой - «я родилась в начале прошлого века». Она могла бы сказать нечто подобное и сейчас. Что-то вроде - «я родилась в 1915 году, в разгар первой мировой войны, за два года до Октябрьской революции... Была свидетелем и участником событий сложной эпохи, застала вторую мировую войну, наблюдала расцвет и крах советской империи, рождение новых постсоветских государств на пороге XXI столетия...». Однако этой фразы не было, и по наклонной плоскости времени мы сразу же соскользнули в прошлый век, к ее предкам.

Свою генеалогию, как и многие советские люди, она знала неважно, лишь во втором, в лучшем случае - третьем от нее поколении. *«В детские и юные годы, - говорила Галина Анатольевна, - они меня не интересовали».* А потому не расспрашивала мать, а когда той хотелось поговорить о прошлом, говорила: *«Подумаешь, обыкновенные люди, обычная жизнь, вот если бы знаменитости!».* Но постепенно обрывки воспоминаний мелкими кристаллами обозначили две веточки ее рода: одну, идущую от польских графов и сибирских крепостных, и другую, выходящую из еврейского семейства с юга Украины.

14

ОТЕЦ: АНАТОЛИЙ ПУГАЧЕНКОВ.

Его дед, граф Титус Комаровский, польский аристократ и вольнодумец, за деятельное участие в польском восстании 1863 года был пожизненно сослан в Сибирь, в Благовещенск, где и женился на бывшей крепостной девушке. В семье было двое детей (может быть и больше, но в живых осталось только двое): сын (имени его память не сохранила) и дочь Женя (Евгения Титовна, моя бабушка). По-видимому, в меру возможностей граф постарался дать им образование. Комаровский-младший преуспевал: сначала на одном, а со временем и на нескольких судах Амурского пароходства он держал буфет, где богатые забайкальские купцы любили погулять на широкую ногу. Дочка же после гимназии выучилась на телеграфистку - в ту пору редкая для женщин специальность. Работала на строительстве Транссибирской железной дороги, где телеграфную связь тянули параллельно с прокладкой железнодорожного полотна. Здесь познакомилась с десятником стройки (сейчас таких именуют техник-строитель) Александром Пугаченковым и вскоре вышла за него замуж.

Бравый десятник был украинцем, приехавшим, как и многие, в Си-

бирь на заработки. Свою украинскую фамилию «Пугаченко» он русифицировал, добавив букву «в». Супруги жили во времянках или просто в вагонах, переезжая по мере завершения строительства от версты к версте, от станции к станции. Лишь с рождением первенца Анатолия в Чите (11 или по новому стилю 23 февраля 1890 года), за которым вскоре появилась и дочь Ольга, Евгения Титовна осела в Никольск-Уссурийском. Муж продолжал работать на стройке, много пил, что было в нравах того времени, и вскоре, страшно простудившись по пьянке, умер, оставив вдову с двумя малолетними детьми на руках. Евгения Титовна вторично вышла замуж, не столь по любви, сколь по нужде, и вновь за строителя-железнодорожника, некого Надхина. Семья переехала в Хабаровск, затем в Находку. Однако новый муж пил, как и прежний, и, подарив Евгении Титовне еще двоих детей - Федора и Антонину, скончался.

Семья бедствовала, и преуспевающий Комаровский-младший, дядя по матери, отметив недюжинные, особенно в математике, способности Анатолия, начавшего учебу в Никольск-Уссурийской железнодорожной школе, принял деятельное участие в его судьбе. Мальчика определили в Хабаровское реальное училище, где, в отличие от гимназии, упор делался на точные науки. Блестяще закончив его в июне 1907 году, Анатолий

Анатолий Александрович Пугаченков, отец Г. Пугаченковой. Студент Института электротехники и прикладной механики Нансйского Университета. Нанси, 1911 г. Фото М. Доминье, 10 x 14 см.

выказал желание продолжить образование и стать инженером. Однако обучение в политехнических институтах России было слишком накладно, и дядя, пообещав материальное содействие, посоветовал ехать за границу, где оплата была намного ниже, а языкового барьера для племянника не существовало - в последних классах училища Анатолий сумел самостоятельно настолько овладеть немецким и французским языками, что был в состоянии сдать на одном из них выпускные экзамены.

В 1908 году, получив от дяди скромную сумму, он отправился в Швейцарию, в Цюрих. Увы, выполняя на экзаменах письменную работу по физике, он допустил грубые ошибки в применении немецких вспомогательных глаголов и согласовании времен (сказалось отсутствие специальной языковой подготовки) и не прошел по конкурсу. Не отчаявшись, он перебрался на север Франции, в город Нанси. Усердно готовился, подрабатывая на жизнь чертежами, которые выполнял для студентов Политехнического института, куда и был принят через полгода, успешно выдержав все экзамены.

В Цюрихе он познакомился с моей будущей матерью. Вспыхнул горячий роман, и в Нанси они уже приехали супругами. Но теперь о ней.

МАТЬ: ЭСТЕР ВАЛЬДМАН

Моя мать, урожденная Эстер (Эсфирь) Вальдман, родилась в 1886 году в небогатой еврейской семье, в небольшом местечке на юге Украины, из тех, жизнь которых блестяще описал Шолом-Алейхем. Отец ее без особого успеха пытался заниматься мелкой торговлей и кустарным ремесленничеством. Его жена, красавица, слыла между соседями чрезвычайно образованной и умной женщиной. Однако она рано ушла из жизни, оставив свою пятилетнюю дочь на попечение бабушки. Неграмотная, но прекрасно умеющая готовить, та обучила внучку всем тайнам кулинарного искусства. Любовь же к русской литературе маленькой Эстерке привил появившийся в местечке школьный учитель.

К восемнадцати годам отец отвез ее в Одессу к своей сестре, где устроил в частную гимназию. Там Эстер увлеклась революционными идеями, посещала подпольный кружок, расклеивала по ночам прокламации, а когда кружок был раскрыт полицией, была арестована вместе с другими его членами. Пожурив за то, что она-де такая молодая и привлекательная, ввязалась в недостойное дело, одесский жандарм, видимо, учитывая её возраст и второстепенную роль в деятельности кружка, через месяц отпустил девушку на поруки.

*Эсфирь (в крещении Софья Петровна)
Вальдман, мать Г. А. Пугаченковой. Одесса,
1906 г. Фото Б. Эрмана, 8,5 x 13,5 см.*

Родственники тут же достали чужой паспорт, с которым неудавшаяся юная революционерка уехала за границу: Сначала в Вену, где провела год, потом в Швейцарию, в Цюрих. Там она посещала Высшие женские курсы, слушала лекции по философии (немецкий знала с детства) и одновременно зарабатывала на жизнь как массажистка. Поддерживала контакты с российскими эмигрантами, настроенными весьма демократически, посещала их собрания, где неоднократно выступал А. Луначарский, почитывала революционную литературу. В Цюрихе и состоялась её встреча с приехавшим из далекой Сибири Анатолием Пугаченковым, за которого через год она вышла замуж. Потом был переезд во Францию, в Нанси, где Анатолий в 1908 году поступил в Институт электротехники и прикладной механики Нансийского Университета, а Эсфирь сделалась слушательницей курсов французского языка.

РОДИТЕЛИ

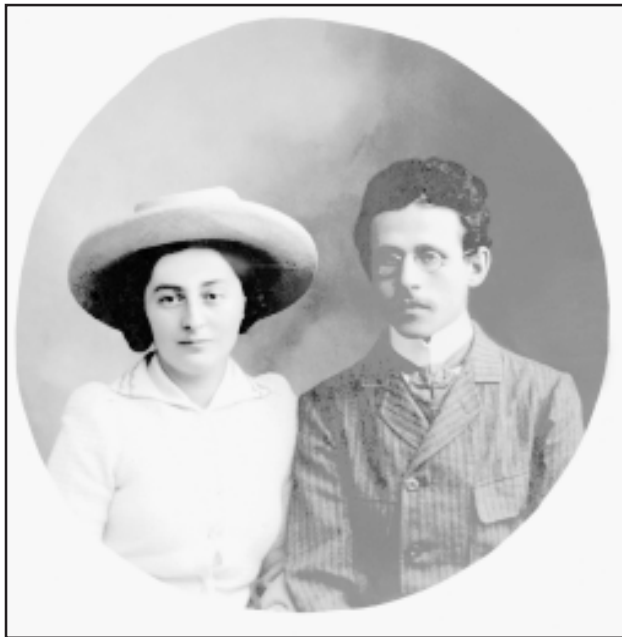
Жизнь в Нанси была насыщена и интересна, хотя и жили молодожены достаточно бедно. Материальной поддержки не было никакой, оба подрабатывали. Эсфирь - уроками и массажем. Анатолий - уроками

и чертежами, а на последнем курсе и дипломными проектами, которые он выполнял для более богатых сокурсников.

Несмотря на то, что Анатолий блестяще закончил Нансийский университет (по сумме баллов он был вторым из семнадцати выпускников!) и получил от своего профессора предложение остаться на кафедре для углубления специализации по строительству турбин, супруги решили вернуться в Россию, куда в течение всех четырех лет своей «французской» жизни они рвались всей душой.

Местом жительства был избран Киев, куда родители и прибыли в 1911 году. Здесь нужно было вновь официально зарегистрировать брак, заключенный за границей. Но брак с еврейкой был возможен только после ее перехода в православную веру. И хотя недавняя революционерка была убежденной атеисткой, пришлось совершить обряд крещения, в результате которого она превратилась из Эсфири в Софью Петровну. Родня была готова простить её «опрометчивое» замужество, но принятие христианства!!! Все родственные связи были оборваны навсегда...

Так как диплом заграничного университета не давал права работы на государственной службе в Российской империи, Анатолий Пугаченков поступил на последний курс Киевского политехнического института, сдав экстерном необходимые предметы, и 17 декабря 1912 году получил столь желанный диплом инженера. Однако первое место рабо-

С. Пугаченкова, А.
Пугаченков. Киев,
1912 г. 8,5 x 13,5 см.

ты на крохотной станции Казатин Юго-западной железной дороги его разочаровало. В начале 1913 года он начал хлопотать об устройстве на службу, которая давала бы возможность интересной работы и вместе с тем материальный достаток, тем более, что в семье вскоре должен был родиться первенец. Прекрасную перспективу в этом отношении сулил город Верный, бывший военный форт далекой азиатской окраины России. В разгар зимы 1913 года новоиспеченный инженер был зачислен на должность архитектора Семиреченской области, а весной отец с матерью и новорожденный Юрик прибыли в Верный.

Увы, вскоре по приезду младенец умер от менингита. А в 1915 году родилась я. Имя выбирали долго; так и не придя ни к какому решению, написали до десятка на бумажках и мать вытянула Галину. Была такая христианская мученица, которую утопили жестокие римляне, но вроде бы это печальная история на моей судьбе никак не отразилась.

Особый знак был скорее в другом. По приезде в Верный отец сблизился с областным инженером Андреем Павловичем Зенковым, чей великолепный собор легкого стремящегося ввысь силуэта до сих пор является лучшим украшением Алма-Аты. Он был моим крестным отцом и, возможно, именно это обстоятельство предопределило мой дальнейший выбор профессии.

В должности областного архитектора А. Пугаченков оставался

С. Пугаченкова с шестимесячной дочерью Галей. Верный, июль 1915 г. 10 x 14 см.

*А. Пугаченков, областной архитектор
Семиреченской области. Верный, 1914 г.
12 x 16 см.*

до 1919 года, потом вплоть до 1921 года был областным инженером Семиречья. Одновременно, судя по заполненной им самим анкете, в 1915-1917 годах заведовал телефонной сетью Верненской городской управы, а вьем был не могуч - уже с 1916 года у него появились первые признаки туберкулеза, перешедшего впоследствии в хроническую форму.

Год 1918 был годом семейного кризиса в семье Пугаченковых: отец развелся с матерью и женился на Е. Седовой, также покинувшей ради него семью. В 1921 году они уехали в Ташкент, где, по данным той же анкеты, отец заведовал последовательно главным дорожным отделом в Туркестанском комитете Государственных сооружений (май 1921-апрель 1922), техническим отделом и отделом предприятий и хозяйств Ташкентского уездного коммунального отдела (сентябрь 1922- октябрь 1923), а также год служил техническим специалистом Госплана (апрель 1923 - апрель 1924). В мае 1924 года, получив назначение на должность начальника Байрам-Алийской оросительной системы, он переезжает со всем семейством в поселок строителей Гиндукушской плотины. Его деятельность в этот период была высоко оценена М. Калининым, специально приезжавшим в 1925 году на приемку строительства Иолатанской гидроэлектростанции. По окончании торжества - ведь создание первой гидроэлектростанции было большим событием для Туркменской республики! - Михаил

Иванович отправился в гости к отцу, где их поджидал домашний обед и где они еще долго беседовали о перспективах дальнейшей электрификации Туркменистана. С 1925 года по 1927 год А. Пугаченков - начальник планового отдела Туркменводхоза в Ашхабаде. С 1927 года, обосновавшись в Самарканде (тогда столица УзССР), он становится председателем Главного техническо-строительного Комитета при СНК Уз ССР.

Но его карьера не была безоблачной. Тяжелый удар был нанесен отцу в феврале 1928 года. Тогда в СССР начались первые процессы инженеров, самым грозным из которых был «Процесс промпартии» с обвинением подсудимых в преднамеренном вредительстве народному хозяйству и суровыми приговорами. Подобный процесс был придуман и в Средней Азии - «Дело инженеров водного хозяйства», в который были вовлечены лучшие технические кадры ирригаторов, осуществлявшие столь необходимые здесь работы по проведению каналов и орошению обезвоженных земель. В это дело втянули и моего отца. Ему, как и другим двадцати трем ведущим специалистам Водхоза было предъявлено обвинение в «бесхозяйственности и злоупотреблении властью». Отцу было инкриминировано то, в чем он никак не был повинен. Хотя это были лишь первые отзвуки грядущих репрессий, приговор для всех был очень суров. А. Пугаченков был осужден на пять лет лишения свободы со строгой изоляцией, но без поражения в правах; остальные обвиняемые были приговорены к длительному заключению и отправлены на «исправление» на строительство Беломорканала. Но даже пять лет для человека больного туберкулезом были равносильны смертному приговору!

Жена его Евгения Григорьевна Пугаченкова (Седова), женщина энергичная, немедленно кинулась в Москву, на прием к М. Калинину (тогда у него существовал приемный день для простых граждан), напомнила ему о созданной отцом Иолантской гидростанции, рассказала о надуманном обвинении во вредительстве. «Всесоюзный староста» внял просьбе, и его личное вмешательство переломило ход событий. Перепроверка фактов (какое счастье, что тогда это было еще возможно!) не подтвердила обвинения, отец был полностью реабилитирован и освобожден. Но проведенные в заключении четыре месяца дали о себе знать новой вспышкой чахотки. Весь последующий 1929 год он провел в Самаре у родственников жены, где очень тосковал о солнце Средней Азии, которую любил всей душой. Я помню, как однажды он сказал: «Я мог бы повторить о Средней Азии слова Джека Лондона: «Кто побывал хоть раз на Гаити, тот непременно вернется сюда умирать». А потому, получив из Самарканда приглашение на должность заведующего техническим отделом в системе Уздортранса, он, стараясь забыть весь ужас недавнего ареста, прибыл в том же году в Узбекистан, где принялся со свойственной ему энергией за работу. Но ... туберкулезный процесс пожирал остатки легких. Через полгода, 15 мая 1930 года, отца не стало.

Хотя мне было всего три года, когда родители разошлись, и вплоть

до 1930 года я оставалась в Алма-Ате с матерью, моя любовь к отцу не была омрачена этим разрывом и, несомненно, он оказал большое влияние на мое формирование. Он поддерживал со мной живую переписку, присылал подарки, чаще всего книги, в 1923 году приезжал в Алма-Ату повидать меня, а я несколько раз летом гостила у него в Ташкенте, Самарканде и Самаре.

С отцом у меня связано одно из самых ранних (мне было около двух лет) воспоминаний. Облачив в длинную фланелевую рубашку, готовую ко сну, мама на руках вносит меня в комнату, где на столе раскинулось сверкающее чудо - в огоньках, игрушках и бумажных цепях. Ёлка! А

Инженер ирригации А. Пугаченков (второй слева) с товарищами по работе.
Полторацк, 1926 г. Фото М. Зейналова,
8,5 x 13,5 см.

рядом смеющееся лицо отца: «Нравится, детка?». Под ёлкой были мешочки с подарками, которые раздавались позже, когда уже были потушены свечи и закончились хороводы. С тех пор было много ёлок, но эта запомнилась по-особому. Жаль, что в двадцатые годы какому-то партийному функционеру пришло в голову отменить ёлку, как пережиток прошлого, порождающий «религиозный дурман» и «поповщину» в детских душах. Хотя, по сути, ёлка связана не только с рождеством. Её корни более глубоки - они уходят в языческий праздник дерева и огня, а для всех она символизировала календарное начало зимы и чудесный праздник. Слад-

кая детская истома, ощущение теплых рук матери и счастливая улыбка отца навсегда остались со мной...

А вот самое страшное воспоминание раннего детства. Отец играл на рояле; я, поджав под себя ноги, слушала. Неожиданно где-то поблизости загрохотала пушка - я испугалась и выбежала из комнаты. В другой раз мы проходили рядом с Троицкой церковью. Звучали вечерние колокола, косые лучи пробивались сквозь узорчатую листву деревьев, нежно дрожащую от благовеста и легкого ветерка... И вдруг вновь грянул пушечный залп. Связано ли это было с гражданской войной или революцией, ведь шел к исходу 1917 год, не знаю. Но с тех пор я ужасно боялась и

А. Пугаченков с двухлетней дочерью Галей.
Верный, 1917 г. Фото П. Лейбина,
9,2 x 14 см.

роялей, и Троицкой церкви. Страх окончательно проходил лишь тогда, когда отец брал меня на руки.

Талантливый он был человек! Очень начитанный - книги «глотал» одну за другой. Самоучкой научился отлично играть на гитаре; позднее, уже в пору материального благополучия, с удовольствием музицировал на рояле. Пел, танцевал, подбирал на слух музыкальные произведения, исполнял ведущие роли в любительских спектаклях (особенно любил гоголевского Хлестакова), был остроумен в общении, хорошо рисовал и великолепно чертил, отлично играл в шахматы, свободно владел четырьмя западноевропейскими языками. Его познания (как мне казалось тогда и в

чем я уверена до сегодняшнего дня) были чрезвычайно широки, как в точных науках, так и в литературе. Яркость натуры и пылкость темперамента он вносил и в работу и во все свои поступки. Трудолюбив был беспредельно и умел заставить трудиться всех вокруг себя.

К сожалению, мне удалось найти лишь официальные данные о служебном продвижении инженера А. Пугаченкова, а не указания на содержание его работ, что гораздо важнее. Знаю только, что им были построены одна из плотин на Мургабе и большой деревянный мост через Чирчик недалеко от Ташкента, выполненный по «французскому», как тогда говорили, способу (на системе шарнирных врубок, без металла). Мост этот действовал долгие годы и лишь в связи с развитием автотранспорта, когда его ширина перестала соответствовать все нарастающему потоку машин, был заменен металлическим. Вспоминается, как в Самарканде, во время летних каникул 1927 года, я рассматривала свитки матерчатой кальки отца с чертежами различных зданий - среди них мне почему-то запомнился проект бойни.

Осенью 1955 года, находясь в археологической разведке по южному Туркменистану, я проехала от Мары до Кушки. Дорога шла через Йолотань - городок утопал в золоте пожелтевших деревьев и этот золотой колорит сопровождал нас вдоль всего русла Мургаба, поросшего турангой. Дорога петляла вдоль изгибов реки, пересекая ее по дамбам и мостам, и вдруг привела вплотную к главной Гиндукушской плотине и гидроэлектростанции, построенной моим отцом. Конечно, они несравнимы с колоссами современной гидроэнергетики, но они служили и поныне служат людям в меру своих скромных сил. Меня глубоко взволновала эта встреча, словно отец посылал мне привет издалека, словно сгусток его душевной энергии и затраченных усилий сконцентрировался в этом энергоблоке, излучая свет - в прямом и переносном смысле - много лет спустя после того, как сам он покинул этот непрочный мир...».

* * *

Магнитофонная кассета закончилась. Тихий, то приглушенный, то несколько резковатый голос умолк... А мне подумалось: может быть, первый поворотный в судьбе Г. Пугаченковой момент связан именно с её отцом, подарившим ей дружеское расположение создателя главного алмаатинского собора А. Зенкова - её крестного отца? И, конечно же, свою любовь к музыке, литературе, театру? И что именно от него она унаследовала чисто мужские черты своего характера, прямоту, властность, умение беречь время и трудиться увлеченно, не покладая рук, отдавая всю себя, без остатка, любимому делу и заставляя других работать так же, не щадя сил и не поглядывая на часы? Тем более, что отец всегда был далек от нее - не связанный с повседневными бытовыми проблемами недостижимо-высокий образец для подражания... Однако, закончив привычные манипуляции с магнитофоном, я вновь возвращаюсь в 1919 год.

ДЕТСТВО

...Мы живем с мамой вдвоем. Она преподает на военных курсах русский язык, немного литературу, а, в основном, элементарную грамоту; в те годы многие не только солдаты, но и младшие командиры не умели ни читать, ни писать. Это был самый настоящий ликбез. Помимо символической зарплаты, исчисляемой тысячами, а потом и миллионами, на которые ничего нельзя было купить, - а считать их было ох как трудно! - мама получала продуктовой паек и одноразовое питание в солдатской столовой. Приводила туда и меня из детского сада. До чего же вкусной казалась мне густая каша и похлебка с капустой и костью, на которой можно было обгрызать всласть остатки мяса, а иной раз и высосать костный мозг, заедая всю эту роскошь вкуснейшим черным хлебом!

В те голодные годы алма-атинский рынок был изобилен. Из окрестных, тогда еще вполне зажиточных сел, казаики и украинки привозили муку, масло, свежее сало, мед, колбасу, рыбу. Однако деньги были не в ходу - повсюду господствовал натуральный обмен. Разруха, одна из примет постреволюционного времени, сказывалась все более ощутимо. Помню, зимой мы шли с мамой по улице. Она была в длинном мантии из каракуля, а за нами бежали трое мальчишек, которым уже успели внушить «классовое сознание», и, не останавливаясь ни на минуту, выкрикивали: «Буржуйка! Буржуйка!». Вскоре мантия исчезло. Возможно, из него сшили шапки, зато у нас появились мука и пишено. Вообще-то в 1919-1920 годах мы не голодали, но постепенно ушли из маленькой маминой шкапулки почти все золотые вещицы (сладостное воспоминание о Франции и совместной жизни с отцом), а из гардероба - добротная одежда. Помню, как однажды мы поехали в одно из окрестных сел, захватив с собой для обмена баул, набитый до отказа одеждой. Мы жили в крестьянском доме, где мне разрешалось собирать в саду упавшие - не более! - яблоки и только местный священник, узнав, что приехала бедная учительница, приглашал нас несколько раз к обеду, «на борщ». Он разводил пчел, и я до сих пор помню необыкновенный вкус медовых сот, которыми он меня угощал.

НОВАЯ ПЕДАГОГИЧЕС- КАЯ МЕТОДА

В городе мама каждое утро, спеша на работу, отводила меня в сад, что разместился в роскошном особняке губернатора Семиреченской области с прекрасным парком. Организаторами детсада были молодые комсомольцы, энтузиасты прогрессивных методов детского воспитания.

Возглавляла его выпускница Фребелевских курсов в Петрограде (там готовили «новометодных» руководителей детских садов и младших классов) Ольга Константиновна Муравьева. Я помню ее: высокая, стройная, с аккуратно убранными белокурыми волосами. Мама дружила с ней, а я - с ее сынишкой Игорем, чуть постарше меня. Я частенько оставалась ночевать у них, когда у матери были вечерние занятия. Отец Игоря нередко бывал в разъездах; воспитанием ребенка занималась мать, большая аккуратистка, требовавшая от сына, чтобы все его игрушки всегда были строго расставлены на положенных местах, кровать застлана без единой морщинки, а играть нам надлежало четко, чинно, без ссор и всевозможных криков.

Но когда Игорь приходил к нам - что творилось! Мы, задыхаясь от смеха, прыгали на маминой постели с металлической сеткой, которая подбрасывала нас, как в цирке; подушки летели на пол, вслед за ними там же оказывались все игрушки; мы сражались с помощью веника (меч) и тапика (щит); мяч летал по комнате, каким-то чудом не разбивая окон. Крик стоял невообразимый!

Однажды мы встретились с Игорем на улице. В ту пору в Алма-Ате ребятишки, как в деревне, могли безбоязненно сами ходить по улицам: на весь город был один-единственный автомобиль, в котором разъезжали бдительные чекисты в черных кожаных куртках, да иногда по улицам неспешно проезжал всадник или же грохочущая повозка. Мать поручила Игорю ответственное дело: навестить заболевшую воспитательницу и передать ей лекарства. Туда мы и отправились. По дороге он с заговорщицким видом сообщил, что помимо лекарств в мешочке есть еще кусок домашнего пирога и - величайшая редкость в те годы! - пара шоколадных конфет и четыре ириски. После некоторой паузы он задумчиво предложил отведать по ириске. Я охотно согласилась. Было необыкновенно вкусно, и Игорь достал пару других, которые постигла та же судьба. Затем он решил, что следовало бы за кампанию попробовать и шоколадные конфеты. Вкусно было невыразимо, и мы их как-то слишком быстро, не успев толком и распробовать, съели без остатка! Но, приближаясь к месту назначения, мой друг явно мрачнел и, в конце концов, предложил вместе зайти к маминой приятельнице. Больная была нам очень рада, поделила между обоими пирог, но есть его после конфет почему-то не хотелось. Домой Игорь шел понурый. Думаю, что его ждало суровое, но «справедливое» наказание по всем правилам педагогической науки - бедняга! - после нашего пиршества он дня три не появлялся в детском саду. Я ограничилась мамиными нравоучениями по поводу того, что нельзя лакомиться тем, что предназначено не тебе.

В мои школьные годы в губернаторском особняке был уже не детский сад, а детский дом для сирот. В 1930 годах там разместили какую-то канцелярию. Что-то в этом было символическое, отражающие эво-

люцию общественной идеологии: губернаторский дом - детсад - детдом - бюрократическое вместилище.

ВЫРАСТЕШЬ - СОЛДАТОМ БУДЕШЬ!

В 1920-1921 годах мама снимала комнату у какой-то зажиточной мещанской семьи. Во дворе несколько яблонь, грядки с овощами, вдоль забора огромные лопухи. Как было интересно прятаться в них от всего мира или, зарывшись в зеленые листья, переговариваться сквозь щели в заборе с соседской девочкой Гутей (Августой). У нее был братик Женечка. Мы иногда чинно водили его, держа за ручки, по улице, заходили по очереди «в гости» то к нам, то к ним, то в калитку расположенной неподалеку солдатской казармы. Пожилые солдаты были нам рады (вспоминали, вероятно, своих детей), давали по кусочку твердого рафинада - он казался нам в то время невиданным лакомством, так как сахар из России не поступал и дома был только мед, а ведь хочется всегда именно

*Галя Пугаченкова. Алма-Ата, 1923 г.
Фото А. Лейбина, 7,6 x 11,5 см*

того, чего нет! Не потому ли мы с такой охотой ели там и грубый ржаной хлеб - дома был только пшеничный. «Ешьте, детки, от этого хлеба сами скоро станете солдатами!» - шутил бородатый дядька в выцветшей гимнастерке. Я немного пугалась - неужели вырасту и стану такой же прокуренной и бородатой?

Иногда заходили в соседнюю церковь (в старом Верном их было немало, позднее многие снесли). Слушали торжественно-грустное пение, вдыхали сладкий аромат восковых свечей и ладана. Темные лики святых взирали на нас с икон - я их побаивалась и не любила; много лет прошло, пока поняла глубокую духовную красоту русской иконописи. А однажды мы пришли во время отпевания. В гробу лежала девочка лет десяти, блекло-желтое личико, бесцветные губки, на лбу ремешок с иконкой. Люди проходили и целовали ее. Мы с Гутей тоже приложились; Женечке было не достать. Ушла со странным чувством - я знала, что умирают старые люди, что на войне убивают солдат, но почему же маленькая девочка и смерть? Еще несколько дней мне было нестерпимо больно и тревожно, и я никак не могла отогнать от себя ощущение близкой смерти.

АЛМА-АТИНСКОЕ НАВОДНЕНИЕ

На грани смерти я действительно была в 1921 году, к счастью, сама об этом не подозревая.

Июльской ночью произошло знаменитое среди географов алма-атинское наводнение. В действительности же это был сель - чудовищной силы грязевой поток. Где-то высоко в горах был горный обвал, что преградил путь небольшой, бурной речушке, бравшей начало в подтаявшем леднике. Вода начала скапливаться, образовалось обширное озеро, которое стало подмывать затоп. И вдруг, прорвав дамбу обвала, могучим потоком, неся куски скал, камни, грязь, вырванные с корнем деревья, вода устремилась в ущелье, у подножия которого раскинулся город. Мне было шесть лет, и я отчетливо вижу все события той ночи.

В тот год мама заведовала школой первой ступени (до пятого класса). На лето для детей была организована дача в бывшей усадьбе купца Гаврилова в предгорной зоне. В центре обширного сада, в низине, стоял нарядный одноэтажный особняк - в нем устроили спальни, комнаты для занятий музыкой, рисованием, литературой - то была пора педагогических поисков и новаций. Дети провели здесь пять дней, и в субботу вечером родители забрали их домой на выходные. Остались мама со мной, сторожиха Лена и повариха Марфа, солдатская вдова, с дочкой Тоней и

малышом (имени не помню). Благодарение Богу, что наводнение произошло в ночь, когда все дети были в городе - страшно подумать, что было бы, останься они здесь, ведь их было несколько десятков!

В субботу с утра сияло солнце. Потом начался дождь. Длинные струи лили при солнечном свете, в них играли радужные отблески, а мы с Тоней и ее братишкой плясали в лужах, напевая «Дождик, дождик, пуце! Дадим тебе гуци!», пока матери не загнали нас в комнаты. А дождь все усиливался, крупные водяные жемчужины утратили свои многоцветными переливы, густые тучи закрыли небо. Две учительницы, дежурившие в тот день, - хорошенькая Верочка Войцеховская, преподававшая пение, и тощая старая дева Мария Михайловна Смирнова сказали маме, что остаются ночевать. Идти в город под таким ливнем было немыслимо. К тому же к Верочке пришел ее поклонник - молодой военный; в зале для музицирования слышался рояль и ее нежный голосок. Наша с мамой комната была в здании школы, Марфа с детьми жила при кухне, расположенной в саду на горке, а Лена уходила спать куда-то по соседству. Ночью Марфа застучала в окно: «Софья Петровна - беда! Воду с грязью несет, скорее к нам, кухня-то на холме, там повыше будет». Мать, схватив меня и одежду, выбежала наружу. Ноги по колено утопали в грязной жиже, и мы с трудом поднялись к крохотному, в две комнатки - собственно кухня с русской печью и каморка нашей кухарки - домику.

Печь была щедро протоплена: в субботу Марфа пекла хлеб на всю неделю (хлебозаводов в ту пору в Алма-Ате не существовало). А ведь русская печь очень долго хранит тепло. Как это было кстати! Селевой поток нес с собой куски льда, да и непрекращающийся ледяной ливень все более охлаждал воздух. И вот мы, оцепенелые от ужаса, сидим на печи - две женщины и трое малых детей. Полный мрак, за окном и запертой дверью что-то ревет, слышен вой ветра, какие-то удары, треск ломающихся деревьев - страшно! Малыш хнычет, Марфа сует ему и нам напеченные ею шанюшки. Мы жуем, прижавшись друг к другу. Тепло. И вдруг грохот, грязевая волна пробивает отнюдь не хлипкую дверь и устремляется в соседнюю комнатку, а оттуда, высадив стекла в паре окошек каморки, снова наружу. К счастью, печь высока, мы сидим внятером, тесно прижавшись друг к другу, на этом, рассекающем поток, ковчеге. Слава тебе русская печь, спасительница наша! Начинает светать, поток уже остановился, где-то далеко-далеко слышится срывающийся голос: «Верочка, Верочка!» У подножия печи - грязное месиво. Я засыпаю. Отважная Марфа, словно та некрасовская русская женщина, что «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет», спускается с печи, осторожно ступая, выглядывает наружу. Там среди грязи обвалившиеся стволы, переломанные ветви и многочисленные крутые валуны. По ним, опираясь на шест, смелая женщина отправляется на разведку. В окне дачи она видит скрюченную фигурку - это учительница Смирнова. Ночью, когда через окна

комнату начала заливать грязевая лава, пожилая дама попыталась выбраться, зависла на раме, которую заклинило камнем, да так и провисела до утра, почти потеряв сознание от ужаса и леденящего холода. Кое-как Марфа довела ее до кухни, водрузила на еще теплую печь и только здесь та истерически разрыдалась.

А Верочка? Поглощенные музыкой и беседой, она и ее воздыхатель не обратили внимания на глухой приближающийся шум, и лишь когда рев стихии приблизился, молодой человек подошел к окну. Едва он его раскрыв, как лава хлынула в комнату. Схватив девушку, он бросился в дверь, но их тут же накрыло новой волной, подхватило и понесло прочь от усадьбы, к высокой старой яблоне. Командир поднял Верочку на верхнюю ветвь - «Держитесь!», а сам поплыл, в надежде найти длинную веревку, к возвышавшейся на холме большой мельнице того же купца Гаврилова, где уже толпились люди. Веревку, однако, ему не дали, несмотря на угрозы, подкрепленные револьвером, да и разглядеть в кромешной тьме что-либо было невозможно. Тогда-то и слышали мы эти безумные крики «Верочка! Верочка!». Лишь с рассветом он разглядел свою возлюбленную в яблоневых ветвях, кинулся в грязную жижу и принес окоченевшую девушку на руках к мельнице. Между прочим, через год красавица вышла замуж за другого.

Утром люди из окрестных мест, расположенных выше, а потому не задетых селом, направились на помощь пострадавшим. Число жертв было огромно. Становились известны все новые и новые тяжёлые подробности. Разрушения были значительны даже в городе, где селевой поток подхватывал и уносил за собой, волоча и разбивая небольшие деревянные дома. Изувеченные трупы людей отвозили в городскую часовню, куда близкие ходили на опознание. Трое мужчин, пришедших с Марфой, перенесли нас в ближайшую избу. Хорошо помню, как мы вышли из кухни - нашей спасительницы - на дощатые, наспех настеленные, скользкие мостки и меня поразила коричневатая, бликующая на утреннем солнце всеми цветами радуги жижа, в которой повсюду плавали опавшие с деревьев румяные алма-атинские яблоки.

Мама горячо благодарила наших спасителей - трех мужиков (хотя спасительницей-то была Марфа): «А вы не могли бы принести мне мешочек с кольцами и жемчужной ниткой, он в шкафу наверху?». И далее, подробно, в какой комнате и где. «Ладно», - сказал мужичонка и ушел. Более он не появлялся. Мать очень горевала - это было то немногое, что сохранилось у нее от отца. Прочие драгоценности давно были обменены в голодные годы на муку. «Ничего, Софья Петровна, главное сами живы и Галочка жива!», - успокаивала ее русская женщина Марфа, привыкшая рассчитывать только на самую себя.

МОИ СНЫ

Очевидно алма-атинское наводнение глубоко отпечаталось в моем сознании, всплывая в разные годы с бесконечными вариациями в одном и том же повторяющемся сне: бурный разлив широкой реки, я тону, рвусь к берегу и в какой-то момент ускользаю от натиска воды... Но мне всегда снилась не ночь, а розовый день, не грязно-серая лава, а песчаные берега и светлые бурные воды. Когда-то, в молодые годы отец тонул в Амуре. Он был хорошим пловцом, но его подхватило течение и понесло к середине этой могучей реки. По счастью его заметили на проходившем мимо пароходе и спасли. Я знала эту историю от мамы, а позднее прочитала его письмо. Но откуда в моих снах такая четкость всей картины - бурные воды, высокие берега и ужас безысходности? Не запечатлелось ли это все в отцовских генах и через них отпечаталось в моем подсознании?

Вот еще один сон - единственный, но памятный - мне было лет восемь. Безбрежный горизонт, ночное небо с мерцающими зрачками звезд. И вдруг на нем засияла огромная, ярчайшая звезда и кто-то (кто?) произнес - «Это созвездие Молота». В моей душе восторг и страх одновременно. Я просыпаюсь и повторяю: «Это созвездие Молота». Откуда это у восьмилетней девочки? У нас никто не разговаривал об астрономии, и лишь изредка я перелистывала том «Вселенная и человечество». Там были черно-белые фотографии звездного неба, но почему и откуда несуществующее созвездие Молота и почему оно было так прекрасно?

3 1

Говорят, что сны, в которых человек летает вольно, как птица, снятся лишь в отроческие и юные годы, когда человек растет. Но я летала во сне лет до пятидесяти. Это дивное ощущение - сам полет, причем нередко спасающий от опасности. Отрада, дающая избавление от страха, который только что сжимал сердце. Полет! ...

Но этот сон ушел с наступлением пожилого возраста. Взамен пришли другие. Два из них - иногда порознь, иногда взаимодополняющие. В одном - поезда. Нужно куда-то срочно ехать. Я врываюсь в вагон - не тот. Ищу купе - нет, не то. А поезд уже мчится, воеет ветер, вагон пуст... Я выхожу - никого. Незнакомая местность, не вокзал, а разъезд в поле или маленькая станция. Где я? Сжимается сердце. Просыпаюсь.

Другой - я в чужой стране, в чужом городе, ищу - что? - что-то, что не могу назвать. Люди говорят на языке, который я не знаю. Это не французский и не английский. Меня никто не понимает. Мечусь по улицам, переулкам, площадям, попадаю в тупик, возвращаюсь. Передо мной прекрасная архитектура, но я ее не знаю, все чужое, не разу не виданное. Как вырваться отсюда? Что там, за аркой в глубине двора? Ах, вокзал! Я бегу к вагону, взбираюсь по лестнице, чужие купе... Начинается сон номер один...

Наверно эти сны - отблески моих многочисленных поездок по Сред-

ней Азии и в чужие страны. Но почему в них нет реальных Парижа, Рима, Лондона, Стамбула, Венеции, в которых я побывала? Почему это никогда не виданные даже в книгах архитектурные ансамбли и здания? Почему усталый мозг прокручивает не увиденное, а им самим придуманное?

Но вернемся от снов к реальности, к началу 1920-х, в мое отрочество.

ОТРОЧЕСТВО

Двадцатые годы беспокойного XX века для меня - это годы школьного детства и отрочества, годы моего формирования как личности.

Отец заразил меня широтой интересов - к книгам, искусству, шахматам, путешествиям. Хотелось все увидеть, охватить, узнать, испытать, успеть.

С матерью все было по-иному. Многое у меня шло в противостояние с ее жизненными принципами. В противовес присущей ей, как многим учителям, незыблемой убежденности в своей правоте возникало понимание многоликости истины и стремление прислушаться к иной точке зрения. Во мне бродили сомнения в непогрешимости тех догматов, что она провозглашала как истинные (или может это была только маска?). К счастью, я этого не высказывала вслух - в те годы достаточно было неосторожной фразы, чтобы оказаться в местах весьма отдаленных. С другой стороны, я, как и многие мои сверстники, не особенно задумывалась над их глубинным смыслом, безоговорочно принимая существующие правила политической игры и не думая подвергать их критике или полемизировать по этому поводу.

ПЕРВЫЕ КНИГИ

А еще были у меня книги. Как и в былые времена, именно они формировали в провинции русскую интеллигенцию. В Алма-Ате была богатая, дореволюционная в своей основе, библиотека. После революции ее серьезно дополнили экспропрированными частными собраниями. В ту пору в библиотеку приходили не только готовиться к экзаменам; она была всегда полна читателями, склонившимися над томиками стихов, сборниками рассказов или романами. Мне нравилось оставаться в читальном зале, погрузившись в старенькое, потертое кресло. А когда был создан кружок «Друзья книги», я стала его активным членом. Помогала расставлять книги на высоких стеллажах. Какое это было наслаждение, вскарабкавшись без стремянки - правая нога на одной полке, левая - на противоположной - и поставив на место переданную снизу книгу, быстро, пока не затекли ноги, просмотреть соседние, точно такого же раз-

мера, но совершенно иные по содержанию! Со временем «друзья книги» внесли такую путаницу в расстановку книг, что нас отстранили от этого дела.

Читать я начала с четырех лет. В дождливые или зимние дни, когда оставалась дома одна, перечитывала любимые сказки Андерсена, братьев Гримм, по многу раз «Крокодила» и «Конька-Горбунка», которых знала наизусть. К десяти годам пришел Жюль Верн, к двенадцати - Диккенс, потом многочисленные тома сочинений в библиотеке маминой школы, при которой мы жили. Я одолевала эти тома во время частых простуд - лежа в постели с перевязанным горлом, теплым питьем, обязательным малиновым вареньем и гоголь-моголем на столе. К Лидии Чарской, которая сейчас позабыта, но которой запойно зачитывались мои подружки, была равнодушна.

ТОМ СОЙЕР ИЛИ ПЕРВЫЙ, УВЫ, ПОТЕРЯННЫЙ КЛАД

Моим главным литературным героем стал Том Сойер. Отец прислал эту книгу к моему восьмилетию. Я проглотила ее, не отрываясь, забравшись на прогретый солнцем и пахнущий сосновой смолой чердак. Перечитывала потом десятки раз и каждый раз весело смеялась, вспоминая сентенцию некой учительки, сказавшей однажды с негодованием, что это - «очень вредная книга. В ней мальчишка целует девочку, курит, убегает от тетки, без конца врет!». Для меня эта книжка, приоткрывающая прекрасный, обворожительный мир детства, рассказывающая, как разнообразна и увлекательна жизнь, как важны в ней инициатива и действие, осталась лучшей на свете.

Попад под неотразимое обаяние марктовеновского героя, я во многом старалась ему подражать - поименовала себя Томом, подругу Веру - Геком, а Тамару - Бекки. Кажется, они не очень разделяли моего энтузиазма, предпочитая княжну Джаваху Лидии Чарской. Я попросила маму сшить мне трусы и короткую рубашку (с ними как-то не очень согласовывались две толстые косы ниже пояса - предмет моей детской гордости) и ... принялась искать клад, начав с многочисленных школьных подвалов. Мамина школа, при которой мы жили, размещалась в нескольких строениях, экспроприированных у какого-то богатого купца-татарина. Разумеется, все ценное уже давно было увезено; единственной моей «добычей» был ворох старых бумаг, исписанных каллиграфическим почерком с обязательным и прескучным «Милостивый государь!». Иногда попада-

лись длинные гербовые марки - я их отдирала для своей коллекции. Однако ничего, похожего на клад индейца Джо, не нашлось.

Тем больше было мое огорчение, когда однажды на чердак - на мой чердак, где я так часто бывала! - забрались за голубиными яйцами двое мальчишек. Один из них засунул руку в гнездо между стропил и вытащил, тряхивая голубиный помет, какой-то невзрачный мешочек. И - о радость! - в нем оказались золотые с камнями браслеты, кольца, цепочки, часы.

Все это сокровище (ну чем не пресловутый клад!) школьники принесли в учительскую. Позже, когда мама вызвала милицию, выяснилось, что когда купец с семейством покидал свое владение, кто-то припрятал на чердаке свои драгоценности, в надежде вскорости вернуться за ними (в прочность советской власти в 1918-1920-х годах не очень верилось). Слух облетел город. Какая-то пожилая татарка пришла с заверением, что это якобы ее драгоценности, но когда ей предложили их перечислить - понесла явное вранье. Золото отправили в банк, мои конкуренты ничего, кроме похвал, не получили. Хотя нет - одному из них подвыпивший родитель здорово поддал за то, что тот не принес мешочек с золотом домой. Но зато в школе они стали героями дня, и я им люто завидовала. Золото мне было ни к чему, но как хотелось славы!

Подумывала я также и о том, чтобы сходить на кладбище. Разумеется, без дохлой кошки, а просто так, чтобы перебороть страх перед этим вмещилищем мертвых. Летом мы с мамой и школьной уборщицей, жившей с детьми в одном из флигелей, спали на открытой террасе, на полу. Просыпаясь, я видела глубокое звездное небо (стоп, не отсюда ли «Созвездие Молота»? Нет, это было раньше, на другой квартире), залитые светом луны крыши домов и купы деревьев, вдали завывали на разные голоса дворовые псы (в эту пору они были почти при каждом доме), мягкий ветер веял с гор. Однажды я решилась - потихоньку оделась, открыла затворку калитки, вышла на пустынную улицу и было пошла. Но вдруг - спохватилась, что не знаю дорогу на кладбище, лежащее за городом, где и была-то всего раза два. Поразмыслив, вернулась. Видимо личный фраваш или ангел-хранитель остановили глупую девочку. Несколько раз такое было в жизни: что-то (или кто-то?) предостерегало от неверного шага, который мог бы все сломать. Но вообще-то я рано переборолла в себе боязнь ночи и темноты, которых так страшилась мои подружки. Спокойно ходила по темным классам и коридорам опустевшей школы, без робости спускалась в неосвещенные подвалы.

МАМИНА ШКОЛА

В ту пору мама была заведующей школой-девятилеткой, что первоначально располагалась в уже упомянутом обширном доме богатого купца, мало пригодном для этой цели; потом ее перевели в благоустроенное дореволюционное здание какого-то чиновного назначения, выстроенного в «кирпичном стиле» провинциальной русской архитектуры. Маме в том и другом случае была выделена прямо в школе комната для проживания. Рядом - хозяйственная каморка с примусом, где мама готовила еду, а в этом она была мастерица! Ей все время казалось, что я слишком худая и нуждаюсь в обильном питании, потому она столь усердствовала «на кулинарном фронте». Меня же привлекали лишь варенье, мед и чудесные алма-атинские яблоки...

Я нажала на «паузу», приостановив магнитофон. Кажется здесь еще один поворотный камешек. «Директорский» ребенок! Вот откуда оно, чувство собственной исключительности, свойственное всем учительским детям! Оно не исчезает с возрастом, перерастая чаще всего в сознание того, что ты - лидер и твои решения - правильны и оправданы.

В дворовом флигеле жили две уборщицы. Из них мне особенно запомнилась одна - Варвара. Было в ней - и во внешности, и в судьбе - что-то от классической русской литературы: в XIX веке о ней обязательно была бы написана повесть. Родом из-под Петрограда, она являла собой великолепный северо-славянский тип: высокая, с правильными чертами лица, пронзительно-голубыми глазами, дивными светло-золотистыми волосами (когда распускала их - они почти доходили до колен). В прежние годы работала по найму у состоятельного мужика, сын которого соблазнил наивную красавицу, а когда родился ребенок - ее тотчас и прогнали. Не помню, почему она приехала в Алма-Ату, вроде бы здесь жил кто-то из ее деревни. Здесь и родился ее сыночек, Коленька. Однако нужно было зарабатывать на жизнь, и она ходила убирать дома и квартиры, оставляя ребенка какой-то старой женищине. Старуха поила младенца отваром мака, по сути опиумом - чтоб не плакал; ребенок все время спал, слабел, физические силы и умственные способности его таяли день ото дня.

Но тут вмешалась судьба: его увидела жена одного из лучших алма-атинских фотографов, красивая, полная еврейка, которая не могла иметь детей. Варваре было предложено отдать им на усыновление Колю. Выбора не было - или ребенок погибнет, или будет жить в холе и доле. Но было поставлено строгое условие - и Варвара согласилась - ребенка не навещать, чтоб он не знал, что растет не у родных отца-матери.

Дом фотографа находился напротив школы, где мы жили, и я думаю, что несчастная Варвара неслучайно нанялась здесь уборщицей, оставив прежнюю, более выгодную работу. Нередко она подходила к дому

фотографа и заглядывала через щелочку забора во двор, когда там резвился белокурый Коля. Его приемная мать выходила, не раз делала ей замечания, однажды даже приходила по этому поводу к маме, которая тоже пыталась внушить Варваре, чтобы она этого не делала. Кончилось тем, что фотограф продал дом, и семья уехала в Ташкент. Ничто более не удерживало Варвару в Алма-Ате, и она отправилась в ленинградскую область, где уже не было никого из родственников, оставалось лишь чувство родных мест...

УЧИТЕЛЬСКАЯ ДАЧА

Я почти не запомнила свою учебу в начальной школе. Вероятно потому, что предметы давались легко, многое я узнала до прихода в класс, дома - от мамы или из книг. Зато в памяти остались два года летних каникул на «учительской даче», недалеко от уже тогда известного Медео. Однокомнатные бараки - деревянный каркас, обшивка берданами - с парой деревянных топчанов и грубо сбитым из досок столиком - казались землей обетованной, и учителя со всего города стекались сюда со своими, обычно небольшими, семьями, привозя с собой спальные принадлежности, минимум посуды и одежды.

Помню, как мы с мамой ехали на какой-то подводе, до верху загруженной тюками. Я, конечно, прихватила на дачу своего вернейшего друга - кота Мику, который каждый день провожал меня в школу, гордо, задрвав хвост, шествуя по забору, кивая напоследок и внезапно исчезая во дворе. Я посадила его в корзинку для бумаг, затащила сверху тряпкой. Бедный кот все пытался выскочить по дороге, остервенело мяукал и недовольно царапался. По прибытии, когда разложив вещи, мы его освободили, он пулей выскочил из барака и исчез. «Ну вот видишь, я же говорила, что не надо было его брать - теперь он удрал и не вернется!» - сказала мама. Я проливая горячие слезы - кот действительно исчез. Но на другой день, когда выйдя из барака, я стала без всякой надежды звать его, мой закадычный приятель вдруг появился. Жил он на даче припеваючи, ловил полевых мышей, нередко приносил очередную добычу в барак и прятал ее «про запас» возле моей кровати.

Как славно было на учительской даче! По утрам, у реки, - умывание холодной водой, затем - вкусный завтрак - парное молоко, купленное у крестьянок, и яичница. Потом - долгие прогулки со сверстниками (вернее, сверстницами - в этом возрасте предпочитают подруг) по горам, просто так и «по грибы», и конечно же, возле реки Батарейки, где можно было собирать малину и ежевику. А вечерами обитатели учительской дачи собирались, жгли костры и пели песни. Среди них было двое

учителей - запевалы, остальные подхватывали, в том числе и мы, дети. Пели песни русские и украинские; и те и другие запомнились навсегда. Не помню, чтобы пелись советские песни - в провинции они еще не вошли в оборот. Я начала их петь позже - в мои пионерские годы конца двадцатых.

ПЕРВЫЕ СТИХИ

Дачные впечатления, по возвращении домой, отлились в длинное стихотворение, начальные строки которого осели в памяти:

*Светает, но солнце горами закрыто,
Морозит немножко. Туман небольшой.
К реке Батарейке, пальтишком накрыта,
Бегу умываться студеной водой.*

*У речки прохладно. Высокие ёлки
Её сберегают прохладой своей.
И прыгает речка игриво и звонко,
И катится дальше скорей и скорей...*

В том же духе описывался весь мой день на фоне горного пейзажа. Я прочитала стихотворение своей подруге. Та похвалила и изрекла: «Гая у нас поэтесса!» Поэтессой я не стала, но стихи писала с детства. Первую тетрадку стихов поднесла маме, когда мне было семь лет. Та несколько язвительно поблагодарила, ибо все мои опусы были посвящены исключительно коту Мике. Однако с годами, постигнув подлинную поэзию, сама уже почти не писала, лишь иногда делала с подстрочных переводов восточных поэтов свои поэтические переложения - например, стихотворение Ахмеда ибн Вали о Самарканде.

Из поэзии в отроческие годы любила русских классиков - особенно М. Лермонтова. «Демона» и «Мцыри» знала наизусть. Потом появился А. Блок, а где-то в 1929 году - С. Есенин. Я ехала в телеге с одним девятиклассником (для меня тогда - человеком уже вполне взрослым) куда-то в пригородное село, и он назвал его имя. Но я была начеку - сказалось воздействие школы и прессы: «Есенин - представитель упадочной, «кулацкой» поэзии, далекой от наших идеалов коммунизма...» Мой спутник горячо возражал, а потом прочитал несколько лучших есенинских вещей. Они произвели на меня огромное впечатление, и по возвращении мне была обещана книжка его стихов. Для меня было откровением все - и лирика Есенина, и его «Москва кабацкая» и «Черный человек». В. Маяковского, особенно раннего, я открыла для себя уже в студенческие годы.

МУЗЫКА

В детстве пришла ко мне и классическая музыка, несмотря на то, что в те годы не было ни радио, ни телевидения, а Алма-Ата не могла похвастаться ни оркестром, ни консерваторией (все это появилось позднее). В маминей школе в общем зале стоял рояль. Я пробовала клавиши, и однажды получилось нечто связное. С этого времени - мне было лет шесть - стала подбирать мелодии. Мама решила, что мне нужно заниматься с учительницей. Эта была очень старомодная старая дева Людмила Драгутиновна. Увы, она не дала мне никакой школы, научив лишь разыгрывать гаммы, читать и играть по нотам. Позднее я многое наверстывала сама, дошла и до высокой классики - Бетховен, Шопен, позднее С. Рахманинов, А. Скрябин, С. Прокофьев... Но в общем-то осталась дилетантом. А между тем, в дальнейшем, музыка сыграла большую роль в моей личной жизни...

ШКОЛЬНЫЕ ДРУЗЬЯ

38

Школьные годы во «второй ступени» (с пятого по девятый класс, но в действительности я проучилась до восьмого, потом мы уехали) почему-то не запечатлелись никакими особенными событиями. Все предметы по-прежнему давались легко, особенно литература и математика. Пожалуй, наиболее важным для меня в эту пору была дружба с девочками-одноклассницами и соседками по дому.

Их облик сохранили многочисленные фотографии конца двадцатых годов. Галя Полумарчук - её ожидало неудачное замужество, отъезд из Алма-Аты, после чего я потеряла ее из виду. Галя Христич - красавица, высокая блондинка, сводившая с ума всех наших сверстников, рано ушедшая из жизни. Вера Чеботарева, добрые отношения с которой я поддерживала всю жизнь, вплоть до 1996 года, когда она скончалась в Алма-Ате. Её жизнь была надломлена в годы страшных репрессий. После школы, закончив алма-атинский Педагогический институт, позднее преобразованный в университет, она вышла замуж за своего однокурсника-казаха, родила ему дочь и сына. Но муж вскоре был обвинен в национализме, репрессирован и погиб. Вера мужественно работала - вела математику в школе, к концу жизни получила звание заслуженной учительницы Казахстана.

Но моей самой закадычной подругой была Злата. Она появилась в нашем классе примерно в 1927 году, когда её родители приехали с Украины. Прелестная украинка - кареглазая, с белоснежным лицом и темными волосами, иногда бурно веселая, иногда печальная, она охотно при-

Школьные подруги - Галя Пугаченкова и
Вера Чеботарева. Алма-Ата, 1930 г.
Артель «Фото Востока», 8,7 x 13,8 см.

нимала ухаживания одноклассников. Правда однажды один из самых пылких её поклонников Т. Курманбаев вдруг стал оказывать знаки повышенного внимания мне, её подруге. Но... я ждала и мечтала о прекрасном принце, умном, красивом, обязательно старше, чем я, и обязательно приехавшим издалека. Но он не появлялся и во всяком случае, меня не ждал и не искал. Хотя я даже фамилию ему придумала - Домбровский. Забавно, что много лет спустя, именно в Алма-Ате жил в ссылке Юрий Домбровский - автор «Факультета ненужных вещей» и «Хранителя древностей». В реальности же была славная дружба с Жорой Львовым. Со временем и по моей вине она оборвалась (слышала позднее, что он погиб на войне).

Итак, Злата. Мы с ней обе много читали, писали стихи, делились своими девичьими секретами. Её мать по сути была ей лишь родной теткой: после рождения Златы, чтобы спасти от позора свою младшую незамужнюю сестру, она взяла новорожденную к себе, записав её как дочь, тем более, что своих детей в семье не было. Злата уверяла, что похожа на свою настоящую мать, которая однажды приезжала к ним - но это была тайна, и Злата не знала, жива ли она. Её приемная худенькая маматя, врач по специальности, всегда была очень молчалива и сдержана. Отец - высокий, очень полный, работавший инженером, напротив был сверх-общителен.

АЛМА-АТА СТАНОВИТСЯ СТОЛИЦЕЙ

Теперь о событиях другого, уже не столь личного, порядка. Мой родной город был провинцией в классическом значении этого слова вплоть до 1927 года, когда сюда была перенесена из Кзыл-Орды столица Казахстана. В тот год приехало множество разнообразных людей, главным образом, связанных с административным управлением, но были среди них и, как говорили тогда, «нэпманы». Они щеголяли в неведомых в нашей провинции кепках, кашне и пиджаках; их женщины, подстриженные «под фокстрот» или «чарльстон», шокировали местную публику очень короткими платьями, оголявшими колени. Немало среди вновь прибывших было и сосланных. Как-то я встретила высланного на некоторое время в Алма-Ату Л. Троцкого - он гулял с собакой. А ведь еще в 1925 году в список нашего внеклассного чтения входили его записки «Туда и обратно» (о сибирской ссылке)! Контрасты жизни нарастали. Вскоре Троцкий исчез из города - уехал за границу, тогда еще это было возможно.

Жизнь Алма-Аты, в нравах которой еще многое оставалось от казачьей станицы - Верного, хоть и преобразованной в прошлом веке Семиреченской администрацией в город, заметно оживилась. Сюда стали приезжать на гастроли артисты и даже театры (вскоре возник собственный). Для меня наиболее впечатляющими были гастроли школы Айседоры Дункан. Классического балета я не знала - лишь единожды видела одиночное выступление балерины в «пачке», ритмически соподчиненной условным, механическим движениям на носках-пуантах, а потому была покорена естественностью танца прелестных девушек-босоножек, что были воплощением самой музыки, не столько в ее ритме, сколько в мелодии. Позднее созвучие своим мыслям я нашла в небольшой заметке М. Волошина: «Ее пальцы зацветают на концах рук, как стрельчатые завязи белых лилий, как на статуе Бернини пальцы Дафны, вспыхнувшие веточками лавра. Ее танец - танец цветка, который кружится в объятиях ветра и не может оторваться от тонкого стебля; это весенний танец мерцающих жучков; это лепесток розы, уносимый вихрем музыки». Прошло много-много лет, когда повидав немало классических балетов прославленных театральных трупп, я познала их богатство и многообразие. Но мне жаль, что непринужденное очарование танца, созданного Айседорой Дункан, улетучилось.

ШКОЛЬНЫЙ САТИРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

В те же годы при городской библиотеке был организован литературный кружок, собравший местных корреспондентов и самостоятельных литераторов. Приходили и мы - ученики старших классов. Я читала здесь свои пионерские стихи - их потом напечатали в газете (замечу в скобках, что я была завсегдатаем и школьного литкружка, организованного нашим новым учителем по литературе, который стремился привить школьникам любовь не только к русской, но и советской поэзии). Кружок этот посещала и недавно приехавшая (кажется не по своей воле - то было начало ссылок, вначале в провинцию, а затем - в лагерь) чета - вальяжный профессор Фатов и жена его Нина Серпинская. Она - седеющая и подстриженная по моде начала века, успевшая побывать в эмиграции в Париже, зачем-то вернувшаяся, читала свои стихотворные опусы «с завывом». Запомнилось одно - о том, как к лирической героине приходит её возлюбленный (он же идейный товарищ): «Строки Маркса подали ей в кровать...». Со временем оба были репрессированы и сосланы в лагерь.

Вдохновленные нашими «литературными успехами» мы со Златой подумали: а что если нам подготовить рукописный журнал, продернув в нем все школьные недостатки? Сказано - сделано. Несколько дней мы увлеченно занимались сочинительством, потом - перепиской. Тематика была разнообразная - с претензией на юмор: досталось и нерадивым ученикам, и длинноногому учителю пения, по ошибке забредшему на урок географии, и запущенному школьному двору, где рухнул сарай (к счастью ночью, без жертв). Но главное произведение, написанное в стиле лермонтовского «Сказа о купце Калашиникове», было посвящено новому завучу И. Успенскому, прибывшему из Кзыл-Орды. Оно начиналось так:

4 1

Ой ты гой еси, ты народ честной,
Да народ ты наш - народ школьничий!
Мы споем тебе песню новую
Про Ивана-свет Александровича,
Про учителя про Успенского.

Далее, в том же размеренном былинном духе, следовали примеры его уроков физики с вольными аналогиями - о законе инерции (хотите познакомиться с хорошенькой девочкой на катке, разгонитесь посильней и столкните её с восклицанием «Извините, это я по инерции!»); о законе тепла, что нарастает при энергичных объятиях; о силе трения, порожа-

Школьные подруги, 1930 г.

дающем электричество, что возникает при прикосновении двух тел (имеется в виду - разнополюх существ) и так далее. Не упустили мы и то, что нередко он перевирал, забывая, основные физические формулы и законы.

На одной из перемен наш рукописный журнал был выпущен на свободу. Все с удовольствием его читали, посмеивались. Но к концу дня его не стало. Оказывается младший брат И. Успенского, учившийся в одном классе с нами, передал его для ознакомления завучу. И вот началась история, весьма характерная для тех лет, когда набирала обороты борьба с любыми формами проявления вольномыслия.

В ту пору видный пост в Комитете просвещения занимала некая Васильева, жена секретаря компартии Казахстана (фамилии его не помню), недавно приехавшая из Сибири. Очень эффектная, средних лет женщина, она нередко бывала в школе у мамы, как-то раз пила у нас чай - я запомнила ее внешность русской красавицы, одетой по моде двадцатых годов.

И. Успенский, один из ее пламенных поклонников, обратился к ней с доносом о нашем журнале. Та дала делу ход и первой жертвой стала моя мама, которая в это время была на «хлебозаготовках» (так в ту пору борьбы с кулачеством называлась насильственная реквизиция зерна, «продразверстка» у «кулаков», и куда маму отправили как члена партии).

И вот в ее отсутствие Васильева устраивает в школе открытое партсобрание с участием всего персонала - от завуча до уборщицы. Зву-

чат грозные обвинения ... Нет, главным был не наш журнал (хотя о нем тоже не забыли), но тот факт, что С. Пугаченкова «приютила у себя в учительском коллективе чуждый элемент, который извращает ученические умы, внушая им классово-чуждую психологию». Речь шла об одной одинокой, интеллигентной учительнице, которая унаследовала от состоятельных родителей большой дом с участком при нем. Было сказано еще что-то... Итогом же стало обычное, но убийственное для тех лет - «исключить С. Пугаченкову из партии». Проголосовали послушно все (в ту пору можно было исключать в отсутствие обвиняемого), в том числе и беспартийные, хотя большинство с уважением относилось к своей коллеге-домовладелице. Мамино отчаяние, когда она вернулась домой, было беспредельно. Помчалась в обком, райком...

Но дело приняло неожиданный оборот. За маму вступился её знакомый старый большевик с еще дореволюционным стажем. Он, начав свое расследование с нашего журнала, выяснил что И. Успенский - завуч и преподаватель физики школы № 17 не имел никакого специального образования, а в Кзыл-Орде, откуда он прибыл, работал монтером-электриком. Дело начало раскручиваться в обратном направлении. Всплыло тщательно скрываемое социальное происхождение самой Васильевой (в годы начавшегося сталинизма этому придавалось большое значение - особенно для членов партии), отец которой был богатым сибирским золотопромышленником. В итоге Успенский был изгнан из школы, Васильеву исключили из партии и сняли с поста, как, впрочем, и ее мужа, по словам тех, с кем он работал, руководителя широкого республиканского масштаба, достойнейшего человека.

На этом фоне наш «подпольный журнал» стал расцениваться не как забава школьников-острословов, но как «проявление бдительности», к которой постоянно призывали пионеров и комсомольцев! А мы со Златой благополучно закончили школу - после седьмого класса она уехала вместе с родителями из Алма-Аты, а год спустя и я покинула мой родной город.

ПИОНЕРИЯ АЛМА-АТЫ

Подобные метаморфозы меня не очень удивляли. Благодаря моей матери, я была убежденной пионеркой, свято верившей в светлое будущее человечества при коммунизме, активно посещала пионерское звено (оно было не при школе, а по месту жительства), выступала на сборах, участвовала в выпуске стенгазеты. И конечно же, писала бодрые пионерские стихи. Вот часть одного из них, почему-то задержавшегося в памяти:

*День морозный, по-зимнему новый,
Ветер лихо свистит нам в упор,
Как всегда мы идем с звеньевой,
И в словах наших юный задор...*

*Мы идем, говорим о заботах,
О строительстве СССР,
О простой, повседневной работе,
Что обязан нести пионер.*

*И слова наши дышат задором,
И упруг наш уверенный шаг,
А покрывшийся снегом город
Одевается в белую шаль.*

Вспоминаю пионерлагерь, в котором была накануне нашего отъезда из Алма-Аты. Он располагался километров в пяти от города, за рекой Алма-атинкой, где находились многочисленные, когда-то частные, а теперь «реквизированные» сады. Один из них был отдан под пионерский лагерь.

4 4

Прогулок и экскурсий в близлежащие горы не было - пионервожатый побаивался осложнений. Но и в пределах нашей дачи нам было интересно. Днем - всевозможные игры, шахматы (однажды мы играли в соседней воинской части, я обыграла молодого офицера, чем тот был невероятно смущен), читали книги, слушали (к счастью, не часто) нравоучительные беседы «партизкрепленного», наезжавшего из города. По вечерам мы жгли обязательные пионерские костры, бывшие для нас символом самой пионерии. Навсегда запомнилась любимая в те годы песня о картошке, которую пели у костра:

*- Ах, картошка, объединение!
Пионеров идеал!
Тот не знает наслаждения -
Кто картошки не едал!*

Но пожалуй, одно из самых прекрасных, поэтических воспоминаний детских и отроческих лет - алма-атинские горы. Под небом - неприступные пики Тянь-Шаня, покрытые вечным снегом. Ниже - густая зелень тянь-шаньских елей (они отличаются от российских своей необычайной высотой при строго-вертикальной конической форме, подобной южному кипарису). Еще ниже - смешанный лес с изобилием густолиственных деревьев (особенно красивы они осенью - в ореоле желтой, оранжевой, багровой листвы) и затем отлогий спуск к долине, где возник и разросся

Слет пионеров. Отряд № 20. Галя Пугаченкова третья справа во втором ряду.
Алма-Ата, 1930 г. 16,5 x 22 см.

Верный - Алма-Ата. Кстати, это название - «Отец яблок» - связано с тем, что среди горной растительности было немало диких яблонь. На этих дичках первые верненские садоводы делали в своих садах прививки привезенных с Украины саженцев апорта, результатом чего стали крупные, полу-красные, знаменитые повсюду алма-атинские яблоки.

Как я любила прогулки в горы! Нелегкие подъемы и затем отдых на вершине, откуда открывался далекий-далекий вид. Вот одна из таких экскурсий с двумя приятелями. Все выше, все выше, все труднее. И наконец, мы наверху. Нет, перед нами еще одна вершина, а за ней - еще и еще... Дышать становится необыкновенно легко, возникает ощущение полета, появляется какое-то возвышенное настроение. Медицина объясняет это очень просто - причиной эйфории является разреженный горный воздух. Позднее я вспоминала об этом сказочном состоянии, читая новеллу О'Генри, где молодой американец испытывает это чувство, поднявшись на перевал в сопровождении красивой женщины, которая казалась ему там настоящей богиней, но когда они спустились вниз, превратилась в дешевую девицу из бара...

Итак, мы наверху. Воздух звенит в своей чистоте и прозрачности, взгляд уходит далеко-далеко, и вдруг выхватывает там густое обла-

ко. Пыль? Это идет строительство Турксиба - Туркестано-Сибирской железной дороги, которая свяжет Алма-Ату со всеми железнодорожными ветками страны. Пока дорога дошла лишь до станции Луговой. Уезжая из Алма-Аты в 1930 году, именно туда мы с мамой и добирались на подводе, груженной нашими пожитками. А дальше, сдав домашние вещи в багажный вагон, мы поездом отправились в Ташкент, в город, который я уже немного знала...

ПЕРВЫЙ РАЗ В ТАШКЕНТЕ И САМАРКАНДЕ

Впервые в Ташкенте, а затем в Самарканде, мы с мамой по приглашению ее знакомой побывали в 1924 году. Мне было девять лет. От Алма-Аты ехали в крытой по-цыгански подводе с узлами и чемоданами до Пишпека (ныне Бишкек, столица Киргизии). Запомнилась ярко-зеленая степь, перевал Курдай, где были мосты, построенные когда-то моим отцом. На пути - чистенькие селения немцев, их женщины приносили на продажу творог, масло, круглые головки сыра с дырочками и слезой.

46

Ташкентский вокзал 1924 года не был похож на нынешний. Тогда это было небольшое добротное здание «кирпичного стиля» конца XIX века, рядом подсобные строения, а впереди квадратный скверик, где под густыми деревьями сидели на скамеечках пассажиры, придерживая чемоданы. «Тащишки» навязчиво предлагали им свои услуги, ободранные мальчишки с ручными лотками продавали сомнительные ириски или «рассыпные папиросы»...

У выхода из вокзала нам встретилась некая дама с девочкой, очень полная, в облегающем, по моде тех лет, шелковом платье до колен с большим разрезом, приоткрывающим жирные ноги в шелковых чулках и лаковые туфли. Она была подстрижена «под фокстрот», на лице яркий грим, а какие на ней были кольца, браслеты, ожерелье, серьги! Девочка, в неопишимо красивом платье и шляпке до бровей, держала в руке изящный поводок - рядом с ней гордо вышагивал белоснежный щипц. И я вдруг почувствовала, какие мы с мамой по провинциальному немодные, убогие. Так встретил нас «нэповский» Ташкент, наглядно продемонстрировав контраст в облике нуворишей и «широких масс» (Боже, да и сейчас он не менее разителен!).

Не задержавшись в Ташкенте, мы с мамой в тот же день прибыли в Самарканд, погостить у давней маминой знакомой. Меня не выпускали за пределы большого, тенистого двора, а потому запомнилось лишь то, что я никогда не видела в Алма-Ате: раскидистые абрикосовые деревья, под которыми можно было подбирать крупные, сладчайшие, оранжевые

с розовой щечкой плоды, так непохожие на алма-атинский мелкий, горьковатый, горный урюк, и квадратный бассейн (хауз), куда вода поступала из арыка. Арыки были и у нас, в Алма-Ате, но хаузов не было. В нем обычно плескались две русские девочки, которые говорили «хоп» вместо «ладно» и «салям» вместо «здравствуй». Мне - увы! - купаться было строго-настрого запрещено: глубоко, и потом в воде могла оказаться ришта, что из просочившейся с водой личинки развивается в огромного червя, растущего под кожей (мама перед поездкой основательно освоила всю необходимую литературу о «путешествиях на Восток»).

ЕЩЕ РАЗ В САМАРКАНДЕ

Вторая поездка - в тринадцать лет, незадолго до кончины отца. Мама поручила меня какой-то женищине, та высадила маленькую путешественницу с чемоданами на вокзале Самарканда, а сама поехала дальше. Меня никто не встречал - отец сменил квартиру и мамина телеграмма его не нашла. К счастью, в моем блокноте был адрес знакомого еще по Алма-Ате доктора, и тот доставил меня к оторопевшему от удивления отцу.

А через некоторое время приехала из Ашхабада его жена, Евгения Григорьевна, два её сына от первого брака Костя и Саша Седовы - мои названные братья, и наша единокровная сестра Ниночка. Нина была прелестной девочкой-хохотушкой. Саша - рыжеватый в веснушках подросток-

Слева направо : Нина Пугаченкова, Костя Седов, Галя Пугаченкова, Саша Седов.
Самарканд, 1928 г. 10 x 14,5 см.

ток, уже тогда могучего сложения (мать говорила, что он в прадеда, который гнул пятаки в ладони). Костя - худой сероглазый юноша с остреньким лицом, всегда практичный, с чувством превосходства и покровительства по отношению к нам. Как хорошо нам было вчетвером! Разница в возрасте не играла никакой роли. Увы, судьба не пощадила ни одного из них. Мои названные братья погибли на войне, а Ниночка умерла от тяжелой болезни мозга.

«РУССКИЙ» И «ТУЗЕМНЫЙ» ГОРОД

Вчетвером мы много бродили по Самарканду. Из «русского города» (тогда он еще резко отделялся от старгородской застройки), по улицам, над которыми смыкались сводами посаженные вдоль тротуаров деревья, выходили на Абрамовский бульвар (ныне Университет хиебони) и сразу попадали в мир средневекового Востока.

Улица резко сужается. Посреди нее встречный поток огромных колесных арб, извозчицких пролеток, ишачков, на которых либо восседает увесистый дядька в халате, либо громоздится такая поклажа, из-под которой видны только уши да ножки животного. По обе стороны запруженной и голосащей на все лады улицы - пешеходные полосы, и вдоль них лавки, лавки, лавки. А там - горы ярких плодов и сушеных фруктов, изделий медников и гончаров, лепешки и сладости, кипы разноцветных тканей и окрашенная пряжа, какая-то хозяйственная мелочь - стиральное мыло, керосинки, веники, лопаты - пока все в небольшом количестве, так как главные базары впереди.

Вдоль этих лавочек, где движется встречный муравейник людей - навесы из ткани или циновки, которые дают тень в жаркие часы. Время от времени поливальщик освежает путь пешеходов, разбрызгивая из ведра воду, нередко - по ногам зазевавшихся.

И вот мы у Регистана. Его величественные порталы, купола, минареты блистают яркостью изразцов над гуцей лавок, мест для стоянки арб и выюченных животных, чайханами с пятivedерными самоварами, дымящимися ошханами, где готовят шурпу и плов. Здесь лавки побогаче, чем на маленьких улочках. Обширный купол - тим полон роскошных шелковых тканей, вышивок-сюзане в мелкий цветок или наоборот, в солнцеподобных узорах, расшитых тюбетеек (у нас они давно на головах - коврового шитья у мальчиков, белые в ярких цветах у меня с Ниной). А по другую сторону - «серебряные ряды»: маленькие мастерские, где чеканщики изготавливают изящные орнаментированные сосуды, а ювелиры - звонкую россыпь ожерелий, ажурные серьги, массивные перстни и браслеты.

Еще дальше, почти у границы густой застройки старого города, за которым поднимается безжизненный холм Афросиаба, вид базара иной. На открытом пространстве, а часто под навесами, огромный привоз - мешки и россыпи зерна, риса, гороха, горы арбузов и дынь, плоские плетенки с виноградом, пирамидки персиков, яблок, инжира, а вокруг гвалт толпы, рев ослов, скрип повозок. И над этой пестротой красок и звуков вздымаются руины древней мечети Биби-Ханым - могучие устои с башнями на углах, остатки рухнувшего портала, массивы зданий с полуобрушившимися куполами.

Мы пробираемся к главному из них, в глубине, где под остатками голубого, в разрывах трещин купола мечутся стрижи и парят голуби - здесь их гнездовища. Наши мальчики - они уже здесь бывали - уверенно идут к одному из устоев, вокруг которого винтовая лестница. Нина - трусишка, ее оставляем внизу, а я, поклонница Тома Сойера, рвусь к приключениям. Подъем по выщербленным ступенькам, все выше, выше, вот вход - ступенек уже нет, просто кирпичи выступающих кладок. Цепляюсь, поднимаясь под слепящим солнцем - в те годы я не знала, что такое головокружение, но все равно - неверный шаг, поскользнешься и в бездонность, вниз!

- Если бы папа знал, вот попало бы всем!, - но это не угрозыenia совести, наоборот, мы переполнены гордостью «Ай да мы!». И, наконец, все трое на неровной верхней площадке.

... Какая неоглядная даль. В ней проступает город, бесконечная зелень загородных садов, выжженное солнцем плато Афросиаба, подобный хребту дракона отрог Чупан-аты, увенчанный небольшим мавзолеем, синеющая кромка гор на горизонте и все это устремлено ввысь к голубому, в трепещущем мареве летнего зноя, небу. И твоя душа словно воспаряет к нему, вместе с царственными руинами зданий, вздымающимися над базаром, который кипит у подножия.

МАССОН - ЭТО МАСОН?

В другой раз мы посередине Гур-Эмира. Среди окружавших мавзолеей густых деревьев, возле дворика с обвитым виноградом трельяжем возвышается торжественный рубчатый купол. Мы прошли через полутемную галерею в усыпальницу, где мерцающая позолотой чаша купола осеняла строгий ряд надгробий за узорчатой решеткой. «Вот под этой черной плитой погребен сам Тему́р», - объяснил Костя. Я не знала, кто такой Тему́р, но стало вдруг жутковато. Когда уходили, я заметила в галерее небольшую витрину, в ней - брошюры о памятниках Самарканда. Автор некоторых из них - М. Массон. «Какая необычная фамилия, - подумалось мне. - Может быть его предок был масоном, как Пьер Безухов?»

(к тому времени я уже прочитала «Войну и мир»). Двойному «с» в фамилии я значения не придавала.

Дома, делаясь с отцом впечатлениями, я упомянула о брошюре. «Какжется, - сказал он, - у меня что-то есть», и порывшись, отыскал среди книг одну брошюру, на которой значилось: М. Массон, «Соборная мечеть Темура, известная под именем мечети Биби-Ханым». Я тут же принялась за чтение. Ее открывал эпиграф: «Ее купол был бы единственным, если бы небо не было его повторением; единственной была бы арка, когда бы Млечный Путь не оказался ей парой...» Как это было прекрасно, как отвечало тому настроению, с которым я утром увидела памятник! Теперь, прочитав, я узнала его подлинную историю, связанную с индийским походом Темура, который жестоко разгромил страну, увезя рабов и слонов, увозя массу сокровищ, и все это награбленное добро передал на возведение в Самарканде мечети, «самой большой в мире». И еще были легенды о его прекрасной жене Биби-Ханым, в которую без ума влюбился главный архитектор мечети, добился права ее поцеловать, а потом сделал себе крылья, улетел, спасаясь от разъяренного мужа...

Я уезжала, увозя с собой навсегда немеркнувшее восхищение памятниками самаркандского зодчества. И еще - почему-то запашиую в память фамилию - Массон.

Могла ли я тогда подумать, что в ней затаена моя судьба?

ЮНОСТЬ

Окончательно в Ташкент мы переехали в 1930 году. Перед тем мама здесь побывала, договорилась о работе, и мы стали готовиться в путь. Я не очень-то задумывалась, почему она решила покинуть наш чистенький городок и упорядоченное житье-бытье. Теперь понимаю: мама думала о ВУЗе для меня. В Алма-Ате в ту пору было всего два недавно открытых института - педагогический и ветеринарный. Оба явно мне не подходили, тем более, что я уже заявила о своем желании «стать архитектором». Кончилось мое отрочество, начиналась юность.

В Ташкенте нас вначале приютила семья маминых друзей - учителей Блак, которые имели маленький домик. Чуть погода мама подыскала частную квартиру, причем проходную. Хозяева и двое их чад то и дело шмыгали через нее во двор. Кровать - одну на двоих - мама огородила матерчатой занавеской, все остальное было на виду. Впрочем, «остального» было немного: стол для еды и занятий, два стула, какая-то этажерка для посуды и книг. Еду готовили в общей прихожей, на примусе. Тогда многие так жили. Удивительно, но меня ничуть не угнетал этот убогий быт - за этим столом, не обращая внимания на пробежавших детей, я даже умудрялась сочинять стихи!

АРХИТЕКТУРНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СРЕДНЕАЗИАТ- СКОГО ИНДУСТРИАЛЬ- НОГО ИНСТИТУТА

Год нашего переезда в Ташкент был годом очередной перестройки советской школы. Девятилетка была упразднена, оставлена семилетка, после которой предполагался техникум, или же, для работающих, рабфак (рабочий факультет). Их окончание давало право на поступление в ВУЗ. Окончив восемь классов, я оказалась между двух стульев - без аттестата о девятилетке и без рабфака. Как же быть? В ВУЗ поступить я тогда не могла - не столь из-за своего восьмиклассного образования, сколь потому, что мне было всего пятнадцать лет. Чтобы не терять год, решено было поступать в какой-нибудь техникум. Им оказался, не знаю почему, электротехникум. Хотя к электричеству, да и вообще к физике, я никакого интереса не питала. Тем не менее, проучившись там год, выполнила программу девятилетки, сдав математику и еле натянув основы электромеханики.

5 1

Сегодня не в чести хвалить советскую власть. Еще до развала СССР прессу захлестнул поток острокритических материалов о драматических событиях, постигших страну за семьдесят лет после Октябрьской революции. Теперь же за советским периодом прочно укрепилось определение «колониальный», подразумевающее исключительно негативную оценку. Но в этом свете мне вспомнилась пьеса Юрия Олеши «Список благодетелей», когда-то поставленная Вс. Мейерхольдом и вскоре после того запрещенная к показу. Я дважды смотрела ее в 1932 году во время гастролей, проходивших в Ташкенте в театре имени Свердлова. В ней шла речь о судьбе выдающейся советской актрисы (ее блистательно играла Зинаида Райх), которая видела и перенесла немало трудностей и несправедливостей в своей стране, а прибыв в Париж, о котором она мечтала, попала в сети провокации. Многие испытав, она вела особый «список благодетелей Советской власти», дававших людям тех лет мужество не падать духом и стремиться к воплощению идей, в которые они безоговорочно верили и которые, добавлю, были так опорочены впоследствии.

Думаю, что в такого рода «список благодетелей» следует внести организацию высшего образования в Средней Азии. До аннексии Туркес-

тана здесь господствовало исключительно религиозное образование, сводимое к преподаванию канонов мусульманской теологии. Впоследствии русскими был открыт ряд гимназий, туземных школ, специализированных курсов и даже была сделана попытка создания Туркестанского института. Однако, традиции высшей школы утвердились в Туркестане только в 1920 году. Тогда, в пору разрухи и голода, в Ташкент был направлен из Москвы поезд с оснащением для создаваемого здесь Среднеазиатского государственного университета - САГУ и с большой группой молодых профессоров и доцентов, в большинстве туркестанцев по происхождению или связанных кругом своих научных интересов со Средней Азией - В. Благоевский, И. Райкова, М. Орлов, Г. Булгаков, Е. Коровин. Этот бескорыстный созидательный порыв людей, поверивших в Идею, был сродни мифотворчеству русского авангардизма и «архитектурным фантазиям» конструктивизма.

В САГУ было несколько факультетов, и из них на рубеже двадцатых-тридцатых годов начали отпочковываться самостоятельные институты - медицинский, сельскохозяйственный, ирригационный и другие. Одним из таких стал в 1929 году САСИ - Среднеазиатский строительный институт. Через три или четыре года началось укрупнение, возник САИИ - Среднеазиатский индустриальный институт (позднее Ташкентский Политехнический институт, ныне Ташкентский Политехнический Университет), где были объединены уже существовавшие или вновь созданные факультеты: строительный, горный, энергетический, химический.

Я поступала в 1931 году в САСИ, где было два отделения - строительное и архитектурное. Институт помещался тогда в реквизированном одноэтажном доме с пристройками, но год спустя его перевели в капитальное здание на Асакинской улице-там и поныне находится один из факультетов Ташкентского Политехнического Университета.

Вступительных экзаменов в ту пору не было. Нужна была только справка об окончании девяти классов или рабфака, но решающим было «социальное происхождение». На первом месте стояли представители рабочей среды, затем - бедняцко-средняцкое крестьянство, далее дети инженерно-технических работников (ИТР), а затем уже служащие, включая всю интеллигенцию и беспартийное чиновничество. Кажется, в том же ряду стояло и военное сословие. Прочие, за малым исключением, в ВУЗы не принимались, как классово-чуждые элементы; разве лишь те, кто публично отрекался от родителей. Существенную роль играла партийность - она давала зеленую улицу поступающему. Существовала и «внекатегорийная» категория - дети партийно-государственной номенклатуры, которых принимали вне разрядки, но мы об этом как-то не знали.

Я попадала под категорию ИТР. Бедный мой папа уже скончался, но справка о том, что я - дочь инженерно-технического работника, пошла (мать, как педагог, числилась в «служащих», и этот разряд не

оставлял никаких надежд на поступление в ВУЗ). Но если бы отец остался осужденным, то для меня, как для дочери «врага народа», не было бы перспектив получения высшего образования. В список тридцати человек, зачисленных в архитектурную группу, меня внесли последней.

Подавляющее большинство группы составляли рабфаковцы, имевшие рабочий стаж - почти всем им было за тридцать, многие были обременены семьями. Я была самой юной, а потому всегда ревниво отстаивала право на «взрослость» - мне все время ужасно хотелось выглядеть такой бывалой и самостоятельной. В конце 1931 или начале 1932 года мы проходили производственную практику. Работали на строительстве Дома правительства, точнее в его подвалах, затирали цементные полы. Все мои сокурсники курили - даже не папиросы (в ту пору слово «сигареты» еще не употребляли), но чаще «козьи ножки» с махоркой, которые сворачивали из клочка газеты. Я требовала того же себе. Но так как запах махорки был мне неприятен, то я смачивала «ножку» одеколоном и закуривала. В подвале разносился приторно-вонючий дым, и меня вместе с окурками тут же выпроваживали прочь.

В тот год в ВУЗах, как и в школах, преподавание велось «активно-плановым» методом. Лекции преподавателям читать не полагалось, они должны были лишь «давать консультации», а студентам надлежало самим постигать предмет по конспектам и учебникам. Некоторых педагогов это ставило в тупик, другие умудрялись преподавать свой предмет. Вспоминаю молодого доцента Шульгина, который вел высшую математику. Придя в аудиторию он объявлял: «Сегодня даю консультацию по разделу бесконечно малых величин», - после чего вооружался мелом и читал превосходную лекцию, иллюстрируя её на доске примерами.

«Прорабатывать» предмет должны были подгруппами - по пять человек: вместе готовить и сдавать единое задание, затем зачеты и экзамены. При этом отвечать мог кто-нибудь один, прочие поддакивали и вставляли реплики. В моей подгруппе обычно за всех отвечала я - шестнадцатилетняя девчонка среди четырех «дядей». Отметку выставляли всем единую - «вуд» (весьма удовлетворительно), «уд» (удовлетворительно), «неуд» (неудовлетворительно), впрочем последнюю педагоги почти никогда не ставили. По счастью, эта система в следующем году была отменена. Немолодым рабфаковцам, лишенным прочной теоретической подготовки и уже утратившим свежесть восприятия, было трудно осваивать такие предметы, как дифференциальное и интегральное исчисление или статика сооружений, в курсах истории архитектуры и искусства запоминать названия памятников, их даты, имена зодчих и художников, обрабатывать отмывкой архитектурные чертежи, строить линейную перспективу и делать реконструкции в акварели. И был отсев - вначале в группе осталось восемнадцать человек, а закончили (в 1937 году) лишь тринадцать.

В первый год я оказалась под угрозой отчисления. В конце первого

семестра замещавший декана парторг С. Асцатуров - невероятно худой и желчный - занялся проверкой состава студентов. Дойдя до моей фамилии и увидев год рождения 1915, он рассвирипел:

- Что это такое - у нас не детский сад! Отчислить!

Я, разумеется, в слезы. Заступился за меня наш старший товарищ Петросян, которому я частенько помогала по нескольким предметам. Все в его основательном облике - сапоги, китель, прическа, густые усы, трубка - было явно «под Сталина». Партийность придавала его словам особый вес, а ему - особое положение; к его мнению дирекция неизменно прислушивалась. Я, как и многие, воспринимала это, как нечто само собой разумеющееся, без внутреннего отторжения.

- Пусть закончит первый курс, а там посмотрим, - весомо пробашил Петросян.

И когда я со сплошными «вудами» одолела этот курс, судьба моя была решена - не отчислили. Много лет спустя, когда отмечалось мое шестидесятилетие в Союзе архитекторов, пришел старенький С. Асцатуров. Свое поздравление, в качестве почетного заместителя председателя Союза архитекторов, начал так:

- Когда-то я чуть было не совершил грубейшей ошибки, хотел отчислить из института ту, которой мы сегодня гордимся...

Вспомнил-таки!

ИНСТИТУТСКИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Архитектурные предметы читали в основном приезжие профессора, за исключением профессора Л. Воронина. В приглашении их активную роль сыграл наш декан И. Маркевич. Обрусевший румын (возможно, из военнопленных, депортированных в Туркестан в 1915 году), он был архитектором в Ташкенте еще до революции и успел запроектировать и построить несколько объектов. Например, отличное по архитектуре здание Биржи, которое в советское время использовали под Музей искусств, но потом зачем-то снесли, заменив его унылым серо-желтым кубом современного музея. К нашей группе он проявлял особое внимание, ибо в ней учился его сын Федя, а уж для своего единственного и горячо опекаемого дитяти Иван Антонович шел на все, потому мы между собой и называли его «папа-декан». В отличие от других выпусков, наша группа училась не пять, а шесть лет. Преподавание на факультете сам И. Маркевич не вел, но он старался расширять состав наших преподавателей, приглашая для проведения отдельных спецкурсов видных специалистов из Москвы, Ленинграда, Киева. Позднее эта практика была отменена.

Преподаватели строительных дисциплин были из ташкентской до-революционной инженерной среды. Особенно памятен профессор Нерон - большой знаток предмета «железобетонные конструкции». Это был добрейший человек, снисходительный к студентам, иногда игравший на студенческих вечерах на скрипке.

Были и инженеры уже советской формации. Из них особо хочу выделить всеобщего любимца Семена Макаровича Суханова. Выходец из городских низов - сын простого возчика (он сам любил подчеркивать это), одаренный живым умом и большими способностями, он по окончании университета стал преподавать, а так как в те годы звания в ВУЗах давались по занимаемой должности, а не по наличию ученых степеней, вскоре стал профессором. И по заслугам. Это был блестящий лектор, свои суховато-теоретические курсы - статику сооружений и сопромат, испещренные сложными математическими выкладками (до сих пор помню «теорему трех моментов», «формулу Эйлера»), умел преподнести доходчиво даже для тугодумов. Любил шутку, студенты его обожали. Большой, мускулистый, цветущий (в молодости увлекался футболом), он внезапно умер от инфаркта, едва переступив за пятьдесят.

Назову любимых учителей, готовивших нас по архитектуре. Профессор Леонид Николаевич Воронин - прибыл в Ташкент еще до революции из старорусского города Владимира. Кое-что успел здесь построить, в частности то здание, куда волею судьбы впоследствии попал архитектурный факультет ташкентского «политеха». Читал курс истории архитектуры. Увлечись, углубленно занялся изучением архитектуры Средней Азии, написал и опубликовал ряд статей. Когда-то на Памире он повредил позвоночник, из-за этого держался напряженно, не поворачивая головы, это отразилось и на его голосе. Голос был глуховатый, сам худенький, рано поседевший. Было в нем что-то очень старинное - не стариковское, а именно старинное, словно он сошел со старорусских икон. Предмет свой знал глубоко, а так как в те годы почти не было пособий по истории архитектуры, лишь кое-какие книги в архитектурном кабинете, он требовал, чтобы мы выполняли в альбомах рисунки зданий, ордеров, деталей, а на экзамене полагалось на память рисовать их мелом на доске. Это был мудрый принцип закрепления в памяти не одних лишь названий и дат, но самих архитектурных объектов.

Профессор Степан Митрофанович Колотов-большой, по-медвежьи неуклюжий, с крупным добрым лицом. Приехал из Киева, где вел курс начертательной геометрии, подготовил учебник со многими новыми позициями, который, кажется, так и не был издан. Преподавал основы композиции и проектирование с начальных до дипломных проектов. Попытался ввести курс психологии творчества и творческого восприятия (как современно это звучит!), провел его в нашей группе, но ни в дирекции, ни среди студентов поддержки не получил. Это был подлинный профессор:

с широким кругом духовных интересов - любил классическую музыку и литературу, многое знал о законах природы, психологии, медицине, в наших работах поддерживал все неординарное, но был терпим и к студентам-середнякам. Консультации его были вдумчивы, подробны, начинались обычно двумя междометиями «гм, кха». Партийная когорта относилась к нему со снисходительным пренебрежением - «беспартийный». Тем не менее в 1937 году почему-то именно ему поручили выступать на общем собрании, где громили врагов народа. Он сказал несколько общих фраз, в которых два-три раза прозвучало «наши славные наркомвнудельцы», тогда так полагалось осуждать одних и восхвалять других; в общем, не оправдал «возложенного доверия». В конце 1930-х годов покинул Ташкент. Степан Митрофанович был одним из двух моих любимых преподавателей.

Другим был художник Иван Семенович Казаков. Преподавал рисунок и акварель. Его биография могла бы стать сюжетом для романа в духе классической русской литературы. Сын деревенского сапожника, из многодетной семьи; обучаясь в сельской школе, привлек внимание местного мецената своими отличными рисунками. Тот помог ему поехать в Петербург, посещать студию, а затем поступить в Академию художеств в класс В. Маковского. Иван Семенович получил хорошую профессиональную школу передвижнического направления, его дипломная работа «В сельской больнице» (я еще видела ее в 1939 году в экспозиции Русского музея, но позднее она была убрана в запасники) была удостоена награды, а он - поездки в Италию. По возвращении, окрыленный молодой художник погрузился в новые темы, встретил девушку своей мечты, намечалась свадьба. Было это в 1905- 1906 годах И. Казаков участвовал в подпольном революционном кружке, что было нередко среди творческой молодежи, рисовал антимонархические плакаты, был схвачен, судим, отправлен в ссылку в Туркестан. Невеста от него отреклась. Прибыв в Ташкент, с трудом устроился учителем рисования в реальном училище. Стал пить - запойно. Живописью занимался мало, но сделал ряд пейзажей, портретов, виды памятников Самарканда. Какие живые краски, какое тонкое ощущение природы края! Но там, где он - художник-передвижник - избирал тематические сюжеты, в них много грусти... На занятиях Иван Семенович ставил модель и время от времени делал редкие замечания. Но как интересно было с ним беседовать вне учебных часов! Как он умел не по-книжному рассказывать о творениях Микеланджело и Тициана, об Академии художеств и своих учителях - Маковском и Чистякове. Когда он умер, пришло очень много народу, мы поставили гроб в Институте, откуда все двинулись на кладбище. Предчувствуя кончину, он написал: «Венков на могилу не возлагать - не было лавров при жизни, не нужны они и после смерти». Но могила его стала почти пирамидой от цветов и венков...

Образы остальных преподавателей - хороших преподавателей, воз-

никают в памяти как далекие тени, в большинстве даже не помню имени-отчества. Профессор Евтихьев, наезжавший по приглашению из Москвы на три-четыре месяца и преподававший градостроительство. Прекрасно читал лекции, пересыпая их тонкими остротами и поражая знанием колоссального материала о городах, площадях, парках всего мирового градостроительного наследия.

Потом эту дисциплину стал вести архитектор Тарасюк, приглашенный из Киева. Милейший был человек! Круглолицый, румяный, полненький (студенты за глаза иной раз называли его Поросюк). Но любил выпить. Конец его был печален - хронический алкоголик, он был изгнан из института, у всех кланчил деньги «в долг», тут же их пропивал. Однажды, вернувшись из экспедиции, я услышала от матери, что заходил он и к нам (узнал где-то адрес), был галантен, расхваливал меня, представился как мой руководитель, хотя я не встречала его уже несколько лет, потом попросил с извинениями в долг, сочинив какую-то историю. Мать он очаровал, деньги она дала. Вскоре Тарасюк покинул Ташкент навсегда.

Вспоминаю колоритную фигуру Густавсона, который был приглашен на один сезон из Ленинграда. Его «выписали» специально для того, чтобы обучать Федю Маркевича акварели, которой Густавсон владел поистине виртуозно. Он был весьма пожилой человек из знатной петербургской семьи. Родители определили его в аристократический корпус, готовивший кавалергардов, каковым он и стал. Но обладая художественным дарованием, стал посещать Академию художеств, по окончании которой получил, если не ошибаюсь, звание «академика». Был он статный, седовласый и седоусый, аристократически картавивший говорун, с удовольствием пересказывавший старинные, вполне пристойные анекдоты. Через год он отбыл.

Помню еще блистательную, хотя и чересчур сложную для нас, тогдашних студентов, лекцию профессора Ф. Шмита, специалиста по истории византийского искусства, создателя теории прогрессивного развития искусства. Он был сослан в Ташкент в феврале 1935 года, а в декабре 1937 его расстреляли...

Было на факультете и несколько молодых архитекторов, приехавших в Ташкент из центра после окончания институтов. Они вели проектирование, внося идеи, определившиеся тогда в советской архитектуре. Это Брилевич из Москвы, Дудин и Райкин из Ленинграда, упомянутый Тарасюк из Киева.

МОИ ОДНОКУРСНИКИ

Мои однокурсники. Смотрю на единственную фотографию нашей группы. Из тех, кто представлен на ней, доживаю свой век только я. Все они были старше меня, одни на несколько, другие на много лет, и все относились ко мне с братской заботой и добротой.

Однако, друзей, духовная близость с которыми сохраняется на долгие годы, у меня в группе по существу было двое. Один - Дима. Но о нем особо. Второй - Борис Марковский. В те до-акселератные годы мужчины были в массе своей невысокие - очевидно сказались голодноватое детство и юность. У нас в группе исключение составляли два Бориса. Борис Марковский унаследовал от своей матери-латышки великолепный нордический тип - высокий, хорошо сложенный блондин с серо-стальными глазами. Был он старше меня года на четыре, и у него уже был трудовой стаж - после школы отец-инженер пристроил его у себя в чертежной мастерской, где он освоил приемы черчения. Энергичный, остроумный, не всегда усердный в учебе (на предпоследнем курсе застрял на год), с несомненным даром организатора, который ему, как беспартийному и даже не комсомольцу, в институте реализовать не удалось (зато он с лихвой проявился в годы военной и позднее гражданской службы). В первый год учебы у нас завязался не роман, нет, скорее легкий флирт, с прогулками по вечерам и поцелуями. Но потом личная жизнь потекла в разных руслах и у меня, и у него.

Глубокое чувство пришло к нему позднее, с появлением в младшей группе роковой красавицы Ирины Рачинской, которая, как и положено роковой красавице, в один прекрасный день, когда на ее горизонте образовался некий ленинградский архитектор, покинула Бориса. Впрочем, архитектор также оставил свою семью; и там, и там это переживалась, как большая драма. Затем их связь распалась, архитектор вернулся с покаянием к родному очагу, Ирина вышла замуж за своего давнего поклонника Е. Слонима, а Борис ушел на войну.

На фронте был офицером саперных войск - вначале сооружал дороги из Ирана в Среднюю Азию, по которым поступали военные грузы, потом, когда наши войска двинулись на запад, был переброшен на Украину, наводил мосты на Днепре и дальше. Там в военной части встретил юную связистку Раечку, хорошенькую, зеленоглазую, как русалочка, и после демобилизации прибыл в Ригу с молодой женой. В Ташкент возвращаться не захотел, лишь один раз прилетал на могилу умершей в военные годы матери. В Риге изучил латышский язык, пользовался большим уважением, работал по делам городского благоустройства в Совете Министров. Но где-то после пятидесяти у него открылась тяжелейшая болезнь Паркинсона, и через несколько лет его не стало. Отдыхая в Дзинтари, я наве-

*Студенты архитектурного отделения
строительного факультета
Среднеазиатского индустриального
института (ныне Ташкентский
политехнический Университет). Слева
направо стоят : А. Зайнутдинов, Б.
Марковский, Г. Пугаченкова, Б. Трофимов,
А. Тарасов, Д. Кривопапов ;
сидят : Х. Юлдашев, Ф. Харламов, И.С.
Казаков (преподаватель живописи,
художник), Г. Чеверноженко, Бабаджанов
(преподаватель философии), Н. Дубровин.
Ташкент, 1933 г. 16,5 х 23,5 см.*

щала его - какое это было грустное зрелище - скованная поза, дрожащие конечности, затрудненная речь - он по-прежнему старался шутить, и я напряженно смеялась, пытаюсь показать, что все пройдет, что все, как прежде...

Борис Трофимов - такой синеглазый русский добрый молодец, прекрасно сложенный, спортсмен, идеально хорош собой. Отличный рисовальщик, вдумчивый проектировщик. Профессор Колотов предложил ему остаться в аспирантуре - отказался, его призванием было живое архитектурное творчество. Но проявить себя в архитектуре не успел: обнаружилась язва желудка. На фронт не попал по болезни. Работал в Военпроекте над объектами, которые не давали простора архитектурным

взлетам. Но все же сумел реализовать проект административного здания на бывшей улице Ленина, выдержанного в монументальных формах и благородных пропорциях неоклассицизма. Умер, не выдержав операции. Вспоминаю, как в нашей группе медсестра брала кровь на анализ по поводу малярии - когда ударила иголкой в палец Бориса, он побледнел и начал терять сознание. Я не раз замечала, что цветущие атлеты не переносят физического страдания, в то время как хилые, много болевшие люди, оказываются очень стойкими.

Леонид Бойченко. Пришел в институт уже имея стаж работы в инженерно-ирригационном строительстве; его отец тоже был ирригатором - погиб в ходе процессов против инженеров двадцатых-тридцатых годов. Лено хотели было отчислить, но опять же заступился Петросян. Из него сформировался хороший специалист, участник архитектурной разработки ирригационных сооружений. Наиболее значительные из них - Большой Андижанский гидроузел (1967-1968), за который он был удостоен звания заслуженного архитектора Узбекистана, и гидроузел на Зеравшане (1976-1977)-в составе группы участников отмечен Государственной премией Совета Министров СССР.

Федор Маркевич. Сын нашего декана Ивана Антоновича, по существу ставший жертвой деспотизма отца и обожания матери. Очевидно перекормленный еще в детстве, он был слишком грузен для своих лет, медлительный, обладал задатками хорошего рисовальщика, иногда позволял себе выдать карикатуру, но все его «вольности» жестко пресекались. Когда мы задерживались до позднего вечера над натянутыми на щитах чертежами, которые домой не возьмешь, то часам к шести-семи появлялись Федины родители - тучный, вельможный папа и пухленькая, робкая мама - она несла судки со снедью. Оба затем удалялись, а Федя принимался есть - сосредоточенно и обильно. Аппетитные ароматы разносились по аудитории, щекотали наши носы и будили гастрономические фантазии: в те голодные годы такое изобилие еды было непривычно. Закончив свою одинокую трапезу, он собирал судки и вновь возвращался к чертежам. Мы не протестовали.

Летом весь наш мужской состав проходил военные сборы где-то в Самаркандской области. Феде аккуратно посылали из дома посылки со снедью. Он, как водится, никогда никого не угощал, потихоньку ночью извлекая еду из коробки и с чавканьем поедая её. Однажды ребята решили его проучить. Незаметно опустошили очередную посылку, и бедняга полночи в полном смятении тщетно шарил по коробке, шуриша засунутыми туда мятыми газетами.

Как ни странно, но при своей тучности Федя любил теннис. Однако отец считал, что эта блажь отвлекает его от занятий, и сжег его ракетку. Федя достал другую; где-то в шкафу, в аудитории прятал её и время от времени убегал на стадион, бросив на ходу: «Не говорите Ивану Антоновичу!». Как правило, вскоре появлялся декан: «Федик где?». Мы

уверяли, что он вышел ненадолго за газировкой или по нужде. Но все же однажды Федя был настигнут на полпути к стадиону, вторая ракетка была реквизирована, а запрет ужесточен. Тогда Федя принес из физкультурного зала штангу и с тех пор несколько раз на дню с нею упражнялся. По-моему от этого он еще больше погрузнел.

Где-то на третьем курсе Федя впервые стал встречаться с девушкой, с первокурсницей Леной А. Живая, общительная, по-видимому она была инициатором их сближения. Но вскоре об этом проведаль папа-декан и тут же принял меры. Он узнал, что покойный отец Лены был крестившимся евреем и даже имел какой-то духовный сан. И несмотря на то, что он давно умер и четырех детей поднимала на ноги его вдова - школьная учительница, Иван Антонович тем не менее доложил начальству, что в Институт проникли «классово-чуждые элементы». Елена была включена в списки на исключение. Вступились за нее старший брат - видный специалист по хлопководству, и все тот же Петросян. Но с тех пор никаких знакомств с прекрасным полом у Феди не возникало. Представляю, какие темные желания бродили годами в этом грузном теле!

Учился средне, но отец добивался для него от преподавателей повышенных оценок. По окончании института я его потеряла из вида. Скоропостижно скончался Маркевич-старший. Говорили, что Федя сразу же женился, но жена его через несколько месяцев покинула. На фронт не попал - врачи установили у него психическое заболевание, после войны работал оформителем витрин в магазинах, потом на выдаче спортивного инвентаря на стадионе и вскоре ушел из жизни. Быть может, не следовало бы так подробно об этом вспоминать, но для меня его судьба-наглядный урок, как нельзя любящим родителям подавлять волю своих детей!

Меньше контактов у меня сложилось с теми, кто пришел в институт с производства и после рабфака; сказывалась разница возраста и круга интересов. Из нашего «пролетарского контингента» не без труда дотянули до диплома лишь четверо, почти все были в годах. Дмитрий Криволапов (обращались к нему все без имени-отчества - просто Криволапов) - убежденный фанатик-партиец, погиб на фронте. Александр Тарасов («отец») - тоже погиб на фронте, Николай Дубровин - этот остался жив, но Ташкент покинул.

Интересной фигурой был Федор Харламов. Худоцавый, смуглый цыган с выразительными черными глазами. Младенцем попал в детдом, где и вырос. Там неплохо учился, живым умом схватывая все на лету. Проработав на строительстве и пройдя рабфак, избрал архитектурное отделение. Его увлекали журналы с фотографиями дворцов эпохи Возрождения и небоскребов далекой Америки. Был партторгом группы и членом институтского парткома. Ему не хватало общей культуры, он это понимал, иногда хватался за книги, но недоставало усидчивости, чтобы их одолеть. Свой темперамент он обратил на общественную работу, а

это в те времена ценилось едва ли не больше, чем глубина специальных знаний. По окончании института попал в проектную мастерскую. С первых дней войны был на фронте, его часть попала в окружение, из которого выбрались немногие. Спасаясь, зарыл где-то под деревом свои документы, в том числе партбилет. Всех, кто выбрался, долго проверяли «особисты». Лагеря он избежал, но из партии был исключен. Вернулся в Ташкент морально раздавленным, где-то работал и вскоре умер - ему было немногим за сорок.

Был еще у нас Герман Андреевич Чеверноженко. Плутоватый малоросс, словно персонаж из «Вечеров на хуторе близ Диканьки», но в костюме хозяйственника тридцатых годов - сапоги и защитного цвета китель. Отец семейства (жена, двое детей), был каким-то мелким завом, посещал вечером рабфак. Вступление в партию для него было основным атрибутом карьеры. Поступив в институт, стал заведующим хозяйственной институтской фотографии, за ним так и закрепилось прозвище «заведующий». Он почти не научился рисовать и чертить, в теоретических дисциплинах был слаб, но какими-то путями все-таки дотянул до диплома. Был общителен, добродушен, любил поговорить в студенческой компании, посещал наши совместные встречи в соседнем ли с институтом парке или на дому (этих было немного - жили все тесно). По окончании влился в административно-бюрократическую среду, вскоре перебрался в Москву. Лишь много лет спустя я поняла, что он был осведомителем, приглядывавшим за нашей группой, да, очевидно, и за другими тоже.

В предвоенные годы национальные кадры поступали на инженерные факультеты редко, хотя при приеме была им открыта «зеленая улица». Положение это постепенно изменилось лишь в послевоенные годы. А тогда у нас их было трое - узбек Абид Зайнутдинов, таджик Хикмат Юлдашев и татарин Халим Айтыкин. Последний все годы был у нас старостой группы. Усердный, но посредственный в архитектурных дисциплинах, он понимал, что в проектировании вряд ли чего достигнет и поэтому после окончания института стал преподавателем техникума.

Абид Зайнутдинов - родом из кишлака на окраине Ташкента. По-русски говорил неважно, но математику и прочие теоретические дисциплины схватывал без труда, овладел графикой, работой со справочниками. После окончания института работал в органах охраны и реставрации памятников, его ценили и уважали народные мастера, осуществлявшие реставрационные работы, получил звание заслуженного деятеля культуры, вырастил десять детей и до конца дней сохранил любовь к земле - виноградник и розы у здания Союза архитекторов Узбекистана посажены и выращены им.

Хикмат Юлдашев была полная ему противоположность. Иной была и его судьба. На первом курсе он еще плохо владел русским языком, но всегда имел при себе небольшой словарь и блокнот, куда записы-

вал незнакомые слова и обороты. Из года в год повышал свой общекультурный уровень, много читал и уже на третьем курсе мог свободно излагать высказывания Белинского и Энгельса, Виолле-ле-Дюка и Корбюзье, не говоря о широком знании классической поэзии Востока. После окончания института уехал в Душанбе, где его, второго по счету таджикского архитектора, с радостью приняли. Предоставили ответственный пост, а когда в послевоенные годы была создана Академия наук Таджикской ССР, он вдруг стал академиком, хотя не был даже кандидатом наук. Дальнейшая его судьба - показатель того, как развращает людей власть и внезапно обретенное высокое положение. Х. Юлдашев методично отправлял по кишлакам республики группы по изучению народного таджикского зодчества, а затем опубликовал под своим именем роскошный альбом, даже не упомянув подлинных исполнителей. Научная нечистоплотность была под стать беспутному образу жизни, приведшему в конце концов к преступлению. Выйдя из заключения, забытый, доживал свои дни. Такие вот непохожие характеры и судьбы - Абид и Хикмат!

РЕПРЕССИИ

«Сороковые роковые» - такими словами закрепил поэт в нашей памяти военные и первые послевоенные годы. Ну, а тридцатые - какая рифма к ним? «Тридцатые усатые», как образ деспота, истребившего в те годы не меньше своих подданных, чем это сделала война? Для меня они тоже едва не стали роковыми. Почему-то вдруг вспомнилась картина М. Чюрлениса «Зеленый луг», где розовый младенец перебирает ручками траву и над ним нависает огромная злоеющая черная птица с полуопущенными крыльями. В те годы она дважды задевала меня своим крылом, но пролетела мимо...

Первый раз, когда арестовали отца по делу «инженеров водного хозяйства», я не особо сильно ощутила ее смердящее дыхание - была мала, да и слишком далеко от меня разворачивались трагические события. К тому же отец был вскоре оправдан, и я не успела в полной мере осознать весь трагизм ситуации. Его официальное оправдание не только способствовало сохранению моего душевного равновесия, но и определило на ближайшие годы мою судьбу. Когда в 1931 году я подавала документы на архитектурно-строительный факультет, отец уже не был «врагом народа», а я, соответственно, «членом семьи осужденного лица», потому-то я и стала студенткой... Так меня миновали когти черной птицы.

Второй раз она пронеслась над самой моей головой. Когда я поступала в институт, мне было шестнадцать лет. В детстве и отрочестве я много читала, а потому воображала, что «знаю жизнь». Вместе с тем, не без влияния той же самой литературы я жила иллюзиями, ожи-

дая всепоглощающего, чистого и искреннего чувства (беглые увлечения с жаркими поцелуями были не в счет). Так было три первых года моего студенчества. Одна из сокурсниц, уже успевшая выйти замуж, как-то не без язвительности заметила: «Все ждешь заморского принца? Не приедет!».

Но он приехал.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Как-то весенним вечером 1934 года мы бродили по городу с Рафаилом Энкером, его курс был на год старше моего

- Послушай, - сказал он, - зайдем-ка вот в этот дом, узнаем, когда возвращается Димка Сукин.

- Уф, какая неблагозвучная фамилия! А кто он такой?

- Наши студент, недавно вернулся с родителями из Китая, там учился. Его определили в нашу группу, но у него что-то с легкими. Он конькобежец. Как-то разгорячившись на катке, упал, да так, что кровь хлынула горлом. Это случилось незадолго до отъезда из Китая. Вроде бы был какой-то опасный разрыв легкого, но не туберкулез и не пневмония, ну его и отправили на лечение в Крым, к родственникам.

Мы зашли в тесную квартирку, где две женщины - старая и пожилая - бабушка и мать - радостно выложили нам последние новости:

- Лечение идет успешно, но врач советует продлить его до осени. Тогда Дима и приедет.

- Значит придется ему наверняка перейти в группу Галины, он ведь отстанет от нас более чем на полгода! - предположил Рафаил.

Это и был мой долгожданный принц.

Как-то в начале ноября, накануне празднования годовщины октябрьской революции, я заглянула в большой зал, где проходили конференции, студенческие вечера самодеятельности, партийные и комсомольские собрания. Зал был пуст, но у стены стоял натянутый на подрамник огромный холст, на котором незнакомый мне студент писал портрет Сталина. Рядом с этой махиной усатого «вождя всех времен и народов» он был невелик, но динамичен и элегантен, то и дело отступал, чтобы проверить правильность линий и общей моделировки.

- Может, покажете мне мое творение с расстояния?

- Нет, лучше я поиграю, чтобы развеселить Вас.

Я села за пианино, стоящее на сцене, играла Бетховена и Шопена.

- Еще, пожалуйста, - просил он, и я снова что-то играла из моего относительно скудного репертуара.

Так состоялось наше знакомство под звуки классической музыки

на фоне портрета вождя, сыгравшего столь роковую роль в судьбе изобразившего его молодого художника и всей его семьи.

Кстати, о семье. Отец Вадима - Александр Тимофеевич Сукин, родом из оренбургского казачества, учился в том самом Петроградском кавалерийском училище, где когда-то учился М. Лермонтов и где свирепствовал утвердившийся здесь «цуг» (в наши дни «дедовщина»). По окончании учебы молодой офицер был направлен в Туркестанский край, встретил здесь, в Ташкенте, свою избранницу, тоже из военной среды. Отец Лидии Павловны был поляк, мать - из украинского дворянского рода Кантемиров. Через год после свадьбы родился Вадим (в семье его звали Димой), а еще через год грянула первая мировая война, и молодой офицер был тут же отправлен на театр военных действий. Для его юной жены это было таким потрясением, что она на какое-то время потеряла зрение. Впрочем, оно вскоре снова восстановилось, но с тех пор она не расставалась с сигаретами. За четыре года войны Александр Тимофеевич прошел путь от подполковника до генерала. Революция застала его в Екатеринбурге, где он вступил в армию Колчака, с которой затем прошел всю Сибирь, был назначен министром иностранных дел. Следом двинулись жена, теща, маленький Дима. Как и большая часть этой армии и следовавших с ней русских семейств, А. Сукин перешел русско-китайскую границу и обосновался в Харбине. Профессиональный военный-кавалерист не мог найти себе применения на новой родине, а потому первый

Галина Пугаченкова,
студентка
архитектурного
отделения
строительного
факультета
Среднеазиатского
индустриального
института, Ташкент,
1937 г. 15,2 x 16,2 см.

год подрабатывал как мог - например, выкладывал печи (этому обучился в детстве на казачьей станице). Затем поступил на службу в систему Китайско-восточной железной дороги (КВЖД). Когда в Китае воцарились японцы, они нередко обращались к нему за консультациями и с практическими поручениями. Между тем, в жизни Александра Тимофеевича произошел коренной, хотя внешне ничем не выраженный перелом.

Однажды с ним тайно встретился некто, близкий к Блюхеру (или, быть, может к Якиру?). Незнакомец говорил, что белое движение давно уже потерпело крах, что восстановление царского режима нереально, что Россия вступила на новый путь, но осталась Россией, и что он, А. Сукин, был и остается ее верным сыном и почему бы ему не служить этой новой России, чтобы однажды вернуться в нее со своей семьей? Этой службой могла бы быть информация о вражеских намерениях против молодого советского государства со стороны не столько деградирующей-де русской эмиграции, сколько японских империалистов, вторгшихся в Китай потомков тех японцев, которые некогда покрыли позором русскую армию в русско-японской войне... Посланец затронул самую болевую - патриотическую - струну в душе бывшего белого генерала, и тот вскоре ответил согласием.

В самых общих чертах Александр Тимофеевич посвятил в эти новые обстоятельства своей жизни обеих женицин, чтобы они были ко многому готовы («У нас постоянно, - вспоминала Нина Николаевна, бабушка, - топились колонка в ванной, чтобы можно было срочно сжечь какой-нибудь компрометирующий документ»); косвенно знал об этом и сын. Деятельность по сбору информации впоследствии была расширена - в нее были вовлечены, в том числе, два Диминых товарища (оба постарше его) - Ваня и Лёня Глазырины. В 1932-1933 годах японцы что-то заподозрили. Положение становилось опасным. «Семье придется срочно уехать», - таково было решение центра. Под предлогом переезда на новую квартиру упаковали чемоданы, и следующей ночью все четверо были погружены в советский товарный вагон, надежно забитый снаружи.

При предварительных переговорах - куда перебазировать беглецов - Александру Тимофеевичу был предложен любой выбор - кроме Москвы и Ленинграда. Он выбрал Ташкент: с ним были связаны годы молодости, и здесь был архитектурный факультет, где бы мог продолжать свои занятия Дима, чьи таланты (прекрасно рисовал, играл на скрипке и на рояле, в совершенстве знал английский, великолепно разбирался в технике) требовали дальнейшего развития.

В те годы здесь, возле центрального сквера, располагался в двух старинных кирпичных зданиях бывших мужской и женской гимназий Среднеазиатский государственный университет (САГУ). А рядом, в недавно отстроенном в духе конструктивизма серо-бетонном здании - Среднеазиатский коммунистический университет (САКУ). В нем-то во главе военной кафедры и был поставлен бывший царский генерал и колчаковский

министр иностранных дел А. Сукин, который энергично занялся ее организацией. По-видимому, была у него и другая, негласная и вне САКУ, работа консультанта по делам разведки - как я это понимаю теперь.

Глубокой осенью того же 1934 года весь наш институт (и не только наш) был занят очисткой курака. Объясню. Осень настала раньше обычного - холодная и дождливая, и потому хлопок - главное богатство республики, не успев созреть, в значительной части был собран нераскрывшимися бутонами - это и есть курак. Многие тонны его были привезены в город, где предстояло вручную очистить все коробочки хлопка, извлекая третьесортное волокно с семенами. Курак занимал все аудитории нашего института, и несколько дней все студенты занимались его очисткой. Чтобы скрасить это нудное занятие, Дима принес из дома радиолу с пластинками, и мы очищали курак под звуки классической музыки. Вдруг отворилась дверь, вошел наш парторг, объявив, что всем надлежит срочно идти в большой зал. Там нам было объявлено об убийстве С. Кирова - «злодейской акции врагов народа, вызывавшей к бдительности»... Это был первый вестник надвигавшихся репрессий, разразившихся с особой силой три года спустя... Когда мы возвратились в аудиторию, Дима поставил пластинку с сонатой Шопена, где прозвучал знаменитый траурный марш.

Наши чувства были светлы, полны нежностью и любовью по отношению друг к другу, общностью духовных интересов. Увлекались классической музыкой, не пропуская ни одного концерта (в Ташкент в те годы приезжали такие виртуозы, как Оборин, Гинзбург, Сафроничкий, Зак, Флиер), театром (в драмтеатре им. Горького был отличный актерский состав), историей искусства (в Ташкенте, а летом в Москве Дима скупал у букинистов великолепные монографии по истории искусств - у меня, увы! - на это почти не было денег), ну и конечно нашей профессией - архитектурой. По окончании института собирались пожениться, будущее рисовалось светлым и безмятежным. Увы...

Заканчивали мы факультет в июне 1937 года. Дипломные проекты - у Димы великолепный театр в классическом стиле, у меня - Дворец молодежи в духе тогда еще не ошельмованного конструктивизма - были уже почти готовы. И вот однажды он пришел взволнованный - «Арестован отец». А еще через две недели его самого вызвали в НКВД. Там был жесткий (и кажется жестокий, с применением физического насилия) допрос - я никогда не видела его таким растерянным; рассказывать ему что-либо было запрещено. А когда пришла к нему домой (жили они в одноэтажном трехкомнатном домике среди других подобных, предназначенных для военных), то увидела, что все вещи вынесены, на них сидят мать и бабушка, уже две ночи все спят под открытым небом, а в дом вселилась долговая девица из соответствующего ведомства, которая прежде иногда посещала Сукина-отца. Дима метался по Ташкенту в поисках квартиры. Как-то раз и я поехала с ним к одному из наших сокурсников в район Тезиковой дачи, где было расположено множество частных домов. Но тот

был явно растерян и постарался нас поскорее выпроводить. В конечном счете удалось снять маленькую, полутемную комнатку в старом городе у старика-узбека за безумные деньги. А еще через пару дней ко мне зашла жена Лени Глазырина. «Дима и Лидия Павловна арестованы», - сказала она и разрыдалась, - «И Лёня с Ваней тоже»...

Так надломилась моя жизнь, в которой все казалось таким ясным и замечательным. Черная птица вновь проищуриала надо мной своими смертоносными крыльями, но не захватила когтями...

Вкратце о дальнейшей судьбе Вадима, о которой я узнала уже многие годы спустя. Отец его в том же 1937 году был расстрелян. Мать отправлена в лагерь, где вскоре умерла. Дима был приговорен к десяти годам лагерей, выслан на север Урала, где он надорвался на черной работе, отморозил ногу, попал в больницу. Здесь в разговоре с врачом упомянул о своей архитектурной профессии. Об этом тут же было доложено лагерному начальству, и его перевели в строительную контору, поручив подготовить проекты лагерных строений - складов, мастерских, жилых домов для персонала. Там он и «отмотал» весь свой лагерный срок. Пришло освобождение, но он все равно оставался на стройке. В ту пору началось строительство Краснотуринской атомной станции, и Вадим был одним из ее главных архитекторов. Затем переехал в Свердловск, где стал работать в архитектурной мастерской. Вскоре женился, родился сын... Пришел XX съезд, а с ним и полная реабилитация - как собственная, так и отца - на свой запрос получил свидетельство о полной его невиновности и наоборот, о больших заслугах перед советской властью... Позднее Вадиму пришло сообщение о том, что он признан почетным гражданином Краснотуринска за возведение в этом городе атомной электростанции.

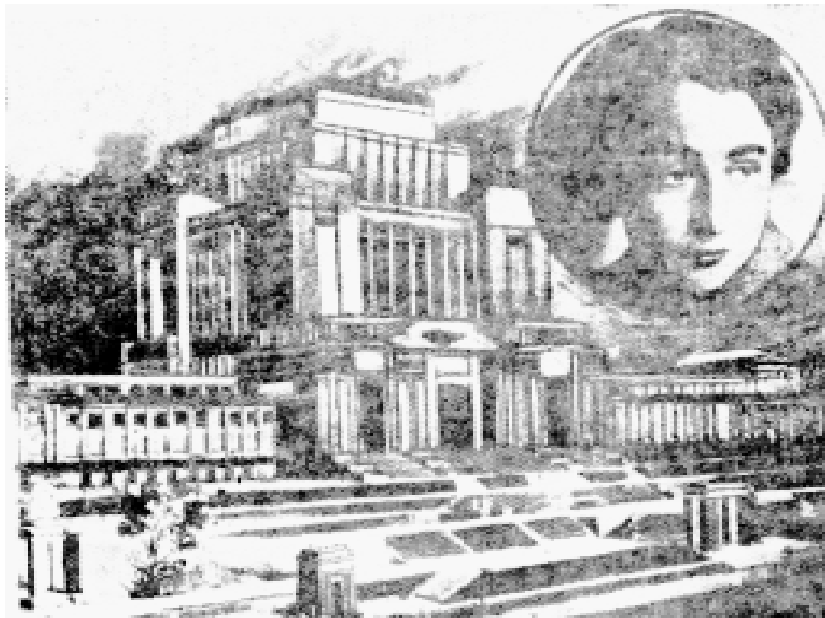
После этого кошмара мы с Вадимом встретились только в 1975 году, потом еще раз; между нами завязалась переписка. У каждого из нас за эти года пролегла своя жизненная дорога. Возврата к прошлому уже не было, хотя до сих пор с нежностью храню у себя несколько его прекрасных рисунков на темы «Фауста».

ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ! НО НЕ АРХИТЕКТУРА...

Ну а я? К счастью репрессии меня не коснулись, хотя все знали, что я была невестой «врага народа» - случай более чем редкий для 1937 года! Я закончила институт, получила «диплом с отличием», задумала

поступить в аспирантуру по специальности «История архитектуры Средней Азии», к чему меня активно подталкивали мои преподаватели и больше всех профессор Л. Воронин.

Однако подобное решение несказанно огорчило мою мать. У меня были отличные оценки по теории сооружений, строительным конструкциям, архитектурному проектированию, мой дипломный проект «Дворец молодежи», поддержанный профессором С. Колотовым, привлек внимание в ЦК комсомола. Через две-три недели после его защиты меня вызвали к первому секретарю ЦК комсомола УзССР. Таковой оказалась женщина (фамилии не помню) в традиционной униформе высокопостав-

Дипломный проект студентки Галины Пугаченковой, Комсомолец Узбекистана, 1937.

ленных чиновников - костюме с прямым жакетом и прямой юбкой. Проект уже был у нее в кабинете, и я принялась долго объяснять «что к чему». Ушла окрыленная обещанием «воплотить его в жизнь». Вскоре проект был опубликован в газете «Комсомолец Узбекистана», но, разумеется, ничего в реальности выполнено не было.

Со смешанным чувством перечитываю бравурный текст той небольшой газетной заметки: «В канун 20-летия Октябрьской социалистической революции Среднеазиатский индустриальный институт дал стра-

не прекрасный подарок. Из стен высшего учебного заведения, окончив учебу, вышли 33 инженера и архитектора. На днях все выпускники сдавали дипломные работы. Высшую оценку получила комсомолка Галина Пугаченкова. Её проект получил лестную оценку профессоров. Проф. Воронин пишет: «Автор имеет все данные в своих реальных проектировках пойти по пути усовершенствования мастерства, поскольку выполненная им дипломная работа не оставляет сомнений в его прекрасной вооруженности по архитектурному проектированию во всем охвате этой нелегкой специальности в свете задач, выставляемых перед архитекторами нашей великой эпохи».

Теперь, задним числом, понимаю, что столь грандиозный проект для Ташкента в то время был нереален, да и степень его оригинальности вызывает сегодня все большие сомнения. Но тогда всеобщее внимание окрыляло! И после всего этого, вдруг, уход в «дебри прошлого»! «Ты должна работать в проектной организации!» - восклицала в сердцах моя мама. Однако, правота осталась за мною - я нашла свое призвание, а мои товарищи выпуска 1937 года, связанные заданиями усредненного массового проектирования тех лет, ничего «эпохального» так и не создали.

Из тринадцати окончивших наше отделение творчески реализовать себя в дальнейшем удалось немногим. Большинство попало в мясорубку войны, которая у одних вырвала годы жизни, у других саму жизнь. С другой стороны, конец тридцатых-сороковые годы в архитектуре Узбекистана были почти бесплодны. Строилось крайне мало. Проектирование было сосредоточено в руках единиц, но и они не смогли полностью воплотить свои замыслы в практическом строительстве. Мне повезло: я ушла в науку - вначале в архитектуроведение, позднее в археологию и историю художественной культуры - здесь многое зависело от самого человека, от активности мысли и собственной инициативы. Те, кто пошел в проектные организации, за исключением Б. Трофимова и Л. Бойченко, создать что-либо значительное так и не смогли. А ведь были трудолюбивы, любили избранную специальность, прошли неплохую школу и были отнюдь не бесталанны!

Я опять прервала магнитофон. Вот оно - решение, предопределившие судьбу Г. Пугаченковой! Этот удивительный дар - интуитивно найти в сложной ситуации наиболее оптимальный выход - всегда был присущ Галине Анатольевне. Возможно, этот талант просчитывать варианты развития событий и находить наиболее продуктивную комбинацию из них обусловлен в какой-то степени увлечением шахматами, которые в юные годы занимали немалое место в жизни Г. Пугаченковой? Но так или иначе, в первый год обучения Пугаченкова стала свидетелем одного события, которое, быть может, даже и не оцененное тогда в полной мере, сыграло решающую роль в выборе дальнейшего пути.

На центральной площади Ташкента, ныне площади Независимости, а ранее Соборной, взорвали ташкентский собор. Юная студентка, по-

чти девочка, видела, как на месте величавого здания образовалось в одночасье бесформенная груда покореженных стройматериалов, как глыбы первоклассного кирпича на высокопрочном известковом растворе долго, с трудом разбивали кайлом и ломом и увозили прочь. Борьба с религией была в самом разгаре. Взрывались храмы (то было в порядке вещей!) и взамен возводили невыразительные, примитивные коробки.

Взорванный ташкентский собор символизировал начало того бесплодного периода, когда единственным полем деятельности архитекторов стало пунктуальное исполнение получаемых сверху служебных заданий, когда возможность экспериментаторства была сведена до нуля, когда во всей советской архитектуре господствовал диктат «возврата к классике», под которым подразумевалось традиционное сочетание объемов, портики с дорическими или коринфскими колоннами, профилированные тяги и карнизы. То было начало формирования «сталинского ампира», помпезного имперского стиля, безраздельно господствовавшего в советской архитектуре от Москвы до Сахалина вплоть до конца 1950-х годов. Правда, среди ташкентских архитекторов были попытки обращения к среднеазиатскому архитектурному наследию, но исключительно в виде заимствования отдельных деталей - стрельчатых арок, панжара, гирихов, деревянных резных колонн или их каменных, а то и гипсовых имитаций. Результатом же, как правило, была псевдоориентальная эклектика. Хотя, нелишне отметить, что «сталинский ампир» в Ташкенте был не столь помпезен и холоден, как в Москве и Ленинграде, и зачастую его отличали камерность и рафинированность пропорций, но скорее это было исключение, чем правило (Полупанов, Караш, Розенблюм).

То был выбор, предложенный временем. Или - коробки «сталинского ампира», пусть даже и украшенные в провинциально-помпезном «ориентализирующем» стиле. Или - изучение зодчества исчезнувших цивилизаций. Первое не сулило ничего иного, кроме творческого фиаско вне зависимости от таланта и общей подготовленности - архитектурный Ренессанс советскими директивами не был предусмотрен. Второе было сродни «бумажной» архитектуре XVII века, когда, не имея реального выхода, творческая мысль воплощалась в идеальные города Леду или романтические руины Пиронезе, остававшиеся на бумаге. История архитектуры сулила свободу творчества. Реальная архитектура предлагала унылый стандарт. Интуиция не подвела будущего ученого - предпочтение было отдано «бумажной» архитектуре реконструкций исчезнувших или полуразрушенных памятников прошлого.

Прием в аспирантуру был только осенью следующего, 1938 года, и она, чтобы приобрести необходимый «рабочий стаж», успела немного поработать в Институте в «архитектурном кабинете».

ПЕРВЫЕ САМОСТОЯТЕЛЬ- НЫЕ ШАГИ: УЗБЕКИСТАН- СКИЙ КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ МУЗЕЕВ И ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ ИСКУССТВА И СТАРИНЫ

72

Работа в «архитектурном кабинете» не занимала много времени, да и была далека от избранных научных интересов, а потому вчерашняя студентка попыталась найти себе занятие «для души» в Узкомстарисе, или, расшифровывая эту аббревиатуру первых десятилетий советской власти, в Узбекистанском комитете по делам музеев и охране памятников искусства и старины (ранее Туркестанском, с 1924 года - Среднеазиатском, позже - Узбекистанском), чья история заслуживает дополнительного внимания.

Появление Туркомстариса-Средазкомстариса-Узкомстариса вскоре после Октябрьской революции было вызвано скорее политическими, а не научными потребностями. Революционное правительство было поставлено перед необходимостью создания новых структур, которые были бы способны заниматься спасением памятников архитектуры, отведя от молодой советской власти обвинения в варварстве и пренебрежительном отношении к культурному наследию. А потому в январе 1920 года Комиссия ВЦИК по делам Туркестана (В. Куйбышев, Я. Рудзутак, М. Фрунзе, М. Элиава) поручила Главному управляющему Центрального управления по архивным делам Д. Нечкину организовать в Туркестане дело охраны памятников старины и искусства.

Однако вскоре решено было создать самостоятельную специальную местную организацию, максимально компетентную, профессиональную и мобильную, коей и стал Туркомстарис, состоящий из секций музейной, реставрации и охраны памятников старины и искусства, археологической. В соответствии с декретом Совнаркома Туркесреспублики № 127 от 23.05.1921 года главными задачами Туркомстариса было заведение всеми музеями; регистрация всех памятников старины и искусства;

их охрана, ремонт и реставрация, а также собирание и научная обработка материалов, относящихся к сфере научных интересов Туркомстариса.

Однако приоритетной областью для Туркомстариса-Средазкомстариса на многие годы оставалось среднеазиатское зодчество. Д. Нечкин в письмах к В. Куйбышеву, А. Луначарскому и Г. Чичерину неоднократно обосновывал необходимость скорейших финансовых дотаций для поддержания и изучения памятников среднеазиатского зодчества, которые «для мусульман Средней Азии являются своеобразной Меккой», тем более, «что у туркестанских народностей почти нет других видов памятников... Крайняя бедность в памятниках литературы, музыки и других видов искусства заставляет чрезвычайно чутко и болезненно относиться к судьбе самого дорогого, самого ценного, что осталось, чем богаты народы Туркесреспублики. Гибель их явится поистине народным несчастьем. И на наших плечах лежит тяжкая ответственность. Мы позволяем себе открыто заявить, что, может быть, лучше было с самого начала Октябрьской революции вовсе не коснуться этого больного места, но сейчас, после того, что мы, представители и доверенные советской власти, взяли на себя охрану от гибели этих памятников, мы не можем, видя приближающуюся катастрофу, умыть руки и, сославшись на отсутствие средств, отойти в сторону. Средства должны быть найдены. Это, кроме всех прочих мотивов, - вопрос чести советской республики, и гибель (их) будет поставлена мусульманами в тяжёлую вину советской власти, а также вызовет злорадство на Западе»³.

Таким образом, именно практическая сторона дела - регистрация, учёт, охрана и реставрация памятников, а не абстрактное изучение истории и теории архитектуры - были главной задачей Туркомстариса-Средазкомстариса. Соответственно и первые мероприятия лежали именно в плоскости конкретных действий: постановлениями ЦИК и Совнаркома были взяты на учёт и под государственную охрану первоначально сорок девять памятников (впоследствии этот список был расширен⁴), а так же было запрещено проведение любого капитального ремонта без ведома Комитета⁵.

В 1928 году, когда центробежные силы и местнические амбиции возобладали, комитет, среднеазиатский статус которого Д. Нечкину удалось отстоять при национальном размежевании Туркесреспублики в 1924 году, был упразднён⁶. Его ликвидация и создание изолированных национальных Комитетов, которые «в лучшем случае сложились к 1932 году»⁷, вкуче с нарастанием волны политических репрессий (в той или иной степени были подвергнуты административному взысканию как «буржуазные националисты», допустившие «существенные идеологические извращения», Н. Брюллова-Шаскольская, Д. Нечкин, М. Массон, Е. Пешерева, И. Янковский, а им на смену, согласно директивному распоряжению, были приняты «рабочие лица из коренного населения»⁸), серьёзно ослабили интеллектуальный потенциал местных исследователей, лишённых единого координирующего центра, и способствовали нарастанию изоляцио-

нистских тенденций. На рубеже двадцатых-тридцатых годов научные контакты между учёными среднеазиатских республик сходят на нет, и только «некоторая связь поддерживалась в индивидуальном порядке между отдельными работниками»⁹.

К сожалению, вновь организованный Узкомстарис, образованный при Наркомпросе УзССР по отделу научных учреждений¹⁰, не стал правопреемником ликвидированного Средазкомстариса; более того, некоторое время Средазкомстарис и Узкомстарис сосуществовали как параллельные структуры¹¹. Вновь созданный Комитет не унаследовал от Средазкомстариса ни его научного архива, ни его имущества, несмотря на неоднократные распоряжения советских и партийных органов по этому вопросу¹².

По причине нехватки средств и межведомственных неурядиц¹³ Узкомстарис на первых порах продолжал только «ремонтно-реставрационные и исследовательско-археологические работы» бывшей Самаркандской комиссии Средазкомстариса¹⁴, формально придав им республиканский статус. Положение постепенно стало исправляться ко второй половине 1930-х годов, когда был расширен список памятников, взятых на учёт и под охрану и организованы дополнительные региональные подразделения Узкомстариса¹⁵.

К тому времени, как Г. Пугаченкова впервые переступила порог Узкомстариса, период его тяжелых реорганизаций уже был в прошлом, и Узбекистанский комитет, как когда-то Туркомстарис-Средазкомстарис, выступал одним из крупных специализированных центров по изучению художественного наследия Узбекистана, а о политической подоплеке его создания уже никто и не вспоминал.

Узкомстарис располагался в трех комнатах трехэтажного здания Комитета наук, - продолжала Галина Анатольевна, - в них размещались сотрудники, научный архив, библиотека, археологические находки. Даже не зная к кому бы я могла обратиться, я отправилась в Узкомстарис. И очень приветливо была встречена там главным архитектором Борисом Николаевичем Засыпкиным, который руководил работой архитектурной секции.

Ранее он работал по охране и изучению памятников в Москве, где «сорвался» на том, что воспротивился вместе с другими московскими архитекторами сносу Сухаревой башни, что «мешала» тогдашним градостроителям Москвы. Ему было предложено немедленно покинуть Москву, уехав в какой-нибудь дальний город не выше районного значения. Он избрал Бухару, где ему довелось побывать еще в конце 1920-х годов, изучая ее зодчество. Здесь он некоторое время был сотрудником Узкомстариса, но вскоре власти, поняв, что специалист такого уровня нужнее в столице, разрешили ему переезд в Ташкент, где он показал себя не только как истый знаток предмета, но и как способный организатор, сумевший привлечь к делу молодых сотрудников, многие из которых впоследствии

внесли свой вклад в изучение и реставрацию памятников архитектуры Средней Азии. Но волна террора не утихла, и вскоре Б. Засыпкин вновь был выслан из столицы, но теперь уже в Самарканд...

А тогда я, вчерашняя студентка, попросила Б. Засыпкина разрешить мне выполнить какую-либо работу для Узкомстариса. Он задумался. Потом сказал:

- Знаете что? Нашему археологическому сектору нужно выполнить несколько графических работ. Подойдите к Массону!

«Массон!» - в памяти всплыло это имя, поразившее когда-то меня, тринадцатилетнюю, «проглотившую» взхлеб его брошюру о мечети Биби-Ханым.

- Приходите завтра! - любезно закончил Б. Засыпкин.

Так вот он, еще один поворотный момент её биографии! Ведь в Узкомстарисе работало несколько секций, и историей архитектуры занимались не одни только археологи! Ведь сам Б. Засыпкин был прекрасным педагогом, вдумчивым исследователем среднеазиатского зодчества, воспитал ни одного историка архитектуры, но только архитектуры. Кто знает, как бы сложилась судьба Галины Пугаченковой, не переадресуй он вчерашнюю студентку М. Массону!

Назавтра, - вновь слышится из магнитофона знакомый голос, - я снова была в Узкомстарисе.

- Придется немного подождать, - сказал Борис Николаевич. Села, рассеянно просматривая картотеку и вполглаза наблюдая за сотрудниками, склонившимися за столами и над чертежными досками. И вдруг раздался красивый, рокочуций баритон. Вошли, оживленно беседуя, двое, уселись у окна.

- Это археологи - Максимилиан Эммануилович Воронец и Михаил Евгеньевич Массон! - прошептал мой сосед.

Так вот он какой, Массон! Я стала украдкой его рассматривать.

Выразительное у него было лицо: крупный нос («Бургундский, от французских предков» - позднее полушутя говорил он), ярко-голубые глаза под круглыми очками, рыжевато-серые усы (в ту пору немодные - мужчины начисто их сбрасывали), твердый раздвоенный подбородок, волосы прикрыты черной шапочкой, как на портретах некоторых старых академиков (он ссылаясь, что-де шапочка защищает его от головных болей, но на самом деле то было простительное в общем-то стремление выделиться среди других). Широкоплечий, стройный, с мускулистыми ногами («это от моих горных шотландских предков») в шерстяных гольфах. Был ли он красив? Нет, пожалуй, это не то; скорее - от него исходила особая эманация мужественности, которая столь неотразимо действовала и на мужчин, и на женщин. И в добавление ко всему - удивительный тембр голоса - баритон, то рокочуций, то бархатистый, с богатыми модуляциями, передававшими настроение и темперамент.

Таким он был в те далекие годы. Лишь после шестидесяти - увя! -

его стан погрузнел, ссутулится, голос перешел на более высокий регистр. Старость никого не щадит!

- Вот, знакомьтесь, Галина Пугаченкова. Она могла бы сделать для вас чертежи архитектурных деталей, доставленных ТАКЭ.

- Вот и отлично! А то увезут их в Термез, и тогда чертежей не дождешься. Все находки - в Музее, на выставке! Вам их покажет Всеволод Данилович Жуков.

Уже на пороге Б. Засыпкин придержал меня за локоть:

- Гала, хотите поехать в археологическую экспедицию в Термез? Займетесь архитектурными обмерами, посмотрите памятники, а заодно и поближе познакомитесь с археологами? - спросил Борис Николаевич.

- Конечно!

- Но тогда, смотрите, не оплошайте!

В. Жуков, нескладный, худой, длиннолицый, церемонно-манерный в обращении с дамами, что в те годы казалось таким старомодным и немного смешным, тут же попросил для начала сделать для него прорисовку изображений небольших стеклянных медальонов XII века из дворца термезских правителей. А потом мы вместе направились с ним в Музей искусств, где была временная выставка археологических находок из Старого Термеза, в том числе, каменные базы аттического профиля, куски композитной капители с волютами, акантными листьями и полуотбитой фигуркой между ними, фрагменты профилированных карнизов... Все такое знакомое по греко-римским ордерам, но в чем-то (в чем?) явно иное.

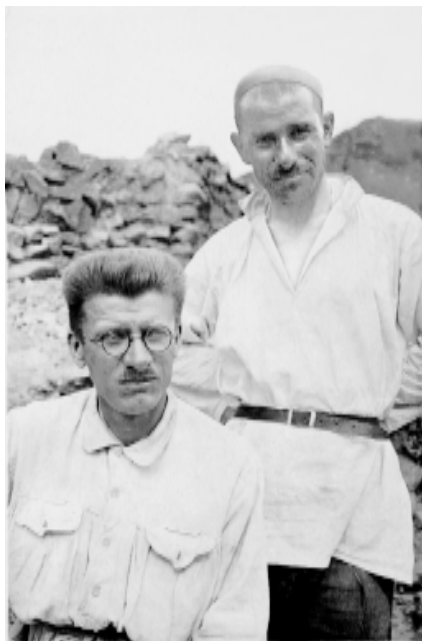
Я деятельно занялась их обмерами, а дома быстро приготовила прорисовку одного из медальонов. Расплывшийся оттиск на нем передавал всадника с ловчей птицей в руке на мерно шествующем коне и растительными завитками по свободному полю.

Через несколько дней я принесла рисунок В. Жукову, и он передал его сидевшему поодаль М. Массону, который, даже не взглядев в мою сторону, стал сравнивать его с подлинником.

- Все не то! - услышала я рокошующий голос, - Здесь, здесь и здесь. Никакой точности!

Смущенный Жуков молча вернул мне мое художество. Я сидела подавленная, едва сдерживая слезы - ведь так старалась! Но позднее сама убедилась: не так широк завиток, не так передано копыто, не так круто опущен у птицы хвост...

Предельная точность передачи факта - это был принцип, которого М. Массон строго придерживался сам и неукоснительно требовал от других - будь то чертеж, или описание, или сопоставление деталей. Мне был преподан строгий урок. И как же я старалась, занявшись обмерами баз и капителей! На двух листах ватмана сделала чертежи с тонкой обводкой контуров, с мягкой отмывкой тушью объемов и теней. Чертежи - мне казалось, великолепные! - лежали наготове на окне, но мне сказали, что Массон простудился и слег, просмотрит позднее.

“Кан-и Мансур”. М. Массон и
сотрудник Музея истории в Ташкенте Т.
Миргиязов. 1929 г. 5,6 x 8,6 см

В те годы электричество в Ташкенте нередко отключалось и у всех наготове были керосиновые лампы. Была такая и у нас на окне... Заправляя ее, мама, не заметив, пролила керосин, и он подтек под сверток чертежей. Когда я его развернула - о, ужас! - жирные пятна проступали в нескольких местах. Я разревелась, мое отчаяние было беспредельным; мамино - не меньшим. Но нужно отдать дань ее энергии - она кинулась на химический факультет, рассказала о нашей беде. Химики ей посодействовали, дали бутылочку эфира. Два дня мы протирали с оборота жирные места, и эфир все очистил. В комнате же два дня пахло, как в операционной.

Мне сообщили: Михаил Евгеньевич еще лежит, но собирает у себя всю экспедиционную группу. И вот мы на улице 9-го января в Доме специалистов: археологи В. Шишкин, В. Жуков и младший состав (Михаил Евгеньевич именовал их по-геологически - «коллекторами») - А. Кахаров, Р. Набиев (востоковеды), студенты исторического факультета О. Соосновский и Г. Савельев и я - архитектор. Михаил Евгеньевич - в постели (простуда еще не прошла). Разъяснил задачи предстоящих работ, назначил сроки. Когда все было закончено, я, робая, развернула чертежи. Он внимательно посмотрел, улыбнулся:

- Ну что же, хорошо. Готовьтесь к отъезду.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ КРЕЩЕНИЕ: ТЕРМЕЗСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЛЕКСНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Археологическое крещение Г. Пугаченковой практически совпало с начальными этапами «Великих археологических открытий» в Средней Азии. До ТАКЭ, не считая единичных археологических раскопок и разведок, большей частью проходивших под патронажем Туркестанского кружка любителей археологии, в Туркестане работали только экспедиции Московского музея восточных культур, возглавляемые Б. Денике.

Что же до древностей Старого Термеза, то они привлекали к себе внимание русских и западноевропейских исследователей еще со второй половины 1860-х годов¹⁶. Однако целенаправленное изучение древнего городища началось лишь с середины 1920-х годов. В 1925 году Средазкомстарисом была осуществлена первая фиксация его развалин, а в 1926-1928 годах здесь совместно со Средазкомстарисом (Б. Засыпкин) и В. Вяткиным развернули работы сотрудники экспедиции Московского Музея восточных культур, среди которых насчитывалось уже четыре профессиональных искусствоведа (Б. Денике и его молодые коллеги, только вчера покинувшие студенческую скамью Б. Веймарн, В. Чепелев и В. Згура).

Ещё в начале 1920-х годов Б. Денике одним из первых выдвинул в качестве самостоятельной темы научного исследования изучение «искусства народов советского Востока» и выработал ряд ценных в методологическом отношении принципов исследования¹⁷. В их основе лежало не только научное описание конкретного памятника и определение его места в широком кругу восточного искусства, но и обязательная постановка на обнаруженном материале какой-либо обобщающей искусствоведческой проблемы. При этом, по мысли Б. Денике, главным был поиск и опубликование «доселе не изученного материала»¹⁸, а потому столь широк был ареал работ его миссии¹⁹.

Искусствоведческий профиль экспедиции определил ее преимущественное внимание к памятникам архитектуры²⁰. Результатом предпринятых работ стало не только открытие новых памятников художественной культуры Средней Азии, но и постановка вопросов генезиса мусульманс-

ких памятников, построения архитектурного орнамента и хронологии памятников древнего Термеза.

Впоследствии в исследованиях термезского городища наступает пауза, хотя именно в эту пору был создан термезский краеведческий музей во главе с археологом Г. Парфеновым.

Вновь древности приамударьинского района привлекли к себе внимание благодаря случайности. В октябре 1932 года катер «Октябренок» пристал к берегу Амударьи возле урочища Айртам, и с его борта старшина И. Ряслов заметил в воде крупные каменные плиты, украшенные скульптурой. На следующий год экспедиция Узкомстариса в составе М. Массона, Я. Гулямова, Т. Миргиязова и кинооператора И. Завалина обнаружила здесь остатки древнего города с буддийским святилищем и восемь плит скульптурного фриза (его-то и пришлось чертить в качестве «испытательного задания» Галине Пугаченковой!). Находка произвела огромное впечатление во время III Международного конгресса иранского искусства и археологии в 1934 году в Эрмитаже не только своими бесспорными художественными качествами, но и потому, что это было по сути уникальное в то время и бесспорное свидетельство существования буддизма и особого рода античной культуры на территории Бактрии-Тохаристана и присутствия кушан в Средней Азии.

Проблема эллинистических традиций в искусстве Средней Азии впервые обрела право на существование. Стало ясно - необходимо проведение дальнейших археологических исследований по правобережью Амударьи от Хатын-Рабата до Старого Термеза в более крупных масштабах и на более крупном объекте. В качестве такового был избран Старый Термез. После перехода М. Массона на постоянную работу из Геолкома в Узкомстарис была создана специальная Термезская археологическая комплексная экспедиция, работавшая на этом городище в течение трех полевых сезонов (1936, 1937, 1938). Тогда - самая большая, первая подобного рода экспедиция в Средней Азии.

В те годы профессиональных археологов было очень мало. Умер В. Вяткин; в созданную при Республиканском комитете наук (позднее - Академия наук Узбекистана) археологическую группу входили археолог-консультант М. Массон, прибывший с Украины М. Воронец, начинавший свое вхождение в археологию Я. Гулямов, а также востоковеды В. Шишкин и В. Жуков. Практически тот же состав был и в Узкомстарисе. В первый состав ТАКЭ были включены В. Шишкин, В. Жуков, приехавший из Эрмитажа Б. Пиотровский, В. Кесаев и самаркандский археолог И. Сухарев. В полевом сезоне 1937 года участвовали В. Шишкин, В. Жуков, А. Кахаров, а из приезжих - Е. Пчелина (Москва) и М. Вязьмитина (Киев).

Работы 1936-1937 годов были сосредоточены на выяснении общей исторической топографии Старого Термеза. Были определены и нанесены на план крепостные стены древнего и средневекового города, выделе-

ны основные всхолмления, наиболее перспективные для дальнейших вскрытий, особое внимание уделялось изучению цитадели-калы - первоначального ядра будущего города. На холме Чингизтепа было раскопано несколько помещений крупного здания кушанского времени; в ансамбле средневековых дворцовых строений был вскрыт тронный зал, украшенный резным шtukом, а также начаты многообещающие раскопки наземной части буддийского монастыря на холме Каратепа с уходящими вглубь его пещерными отделами.

В 1938 году ТАКЭ проводила свой третий и последний в силу ряда причин полевой сезон. Для Галины Пугаченковой он был первым и во многом решающим. Я вновь включила магнитофон.

ПРИНЦИП КОМПЛЕКСНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЙ

Дальнейшие перспективы раскопок, которые М. Массон очертил перед нами, третьим поколением такинцев, как и его энтузиазм - захватывали. Мы жили его идеями, преисполненные гордостью за ТАКЭ.

80

Особенностью же этой экспедиции был принцип комплексности, положенный в основу всех исследований. Традиционно все археологические экспедиции включали группу археологов и лаборантов, иногда топографа или архитектора, который осуществлял не только топосъемку и обмер архитектурных объектов, но также выполнял планы и разрезы археологических вскрытий, ибо далеко не все археологи умели составлять детальный стратиграфический разрез. Здесь же «комплексность» подразумевала участие в полевых и последующих камеральных работах, помимо археологов, специалистов тех смежных дисциплин в области гуманитарных и естественных наук, знания которых могли быть востребованы самой спецификой археологических исследований. Со стороны некоторых профессиональных археологов это вызывало скептическое отношение. «Ведь и мы привлекаем топографа для съемки планов, архитектора для получения нужного чертежа, минеролога для определения каменных пород!» - возражали они. М. Массон подходил к делу иначе. Его не устраивала роль специалистов в качестве «обмерщиков» и «определяльчиков», он требовал их участия, как полноценных исследователей, которые подойдут к археологическим объектам с позиций своих специальных знаний: архитекторы смогут проявить себя при изучении архитектурных руин, ботаники - при выявлении остатков древней флоры, знатоки древних языков - при обнаружении эпиграфических памятников или монет, реставраторы могли бы не только проводить первичное закрепление хрупких структур, но и изучать методы древней техноло-

гии. Так, к примеру, в полевом сезоне ТАКЭ 1937 году участвовал Д. Букинич - знаток проблем древней ирригации, а изучение архитектурных руин в Сурхандарьинской части Термеза осуществлял Н. Бачинский.

Большое значение М. Массон придавал наблюдениям над сочетанием археологических факторов и природных остатков, затаённых во вскрываемых культурных слоях. Во многом разбирался и сам. По-видимому, это было заложено в нем еще с детских лет, когда он помогал отцу в уходе за садом, где были сотни видов цветов, кустарников, деревьев, и когда он, вместе с другим семьи врачом Павлом Андреевичем Благовеценским (братом известного в Туркестане натуралиста Василия Андреевича Благовеценского) уходил за город составлять коллекции бабочек и жуков. Любовь к энтомологии М. Массон сохранил и в ту пору, когда стал заведовать Самаркандским краеведческим музеем, где он вел регулярные наблюдения (книги записей сохранились там и поныне) и составил интересную коллекцию насекомых Самаркандской области, в том числе, и уникальную коллекцию клопов (у многих это слово ассоциируется лишь с домашними кровососами). В начале 30-х годов, работая в Средазгеолкоме, он приобщился к геологии, особенно четвертичного периода, прекрасно разбирался в горных породах и в разнообразии ископаемых моллюсков. Уже тогда у него сложилось твердое убеждение в том, что когда-нибудь живая природа, отложившаяся в археологических слоях, способна дать богатейшую историческую информацию, нужно лишь суметь понять её.

Открывая работы ТАКЭ на городище Старого Термеза ранней весной 1936 года (проводить их летом в этой самой жаркой точке Советского Союза было бы невозможно!), он обратил внимание, что над оплывами бывших строений ранняя растительность, так называемые эфемеры, которые завершают свой жизненный цикл за две-три недели, концентрируются очень неравномерно. Одни виды как бы оконтуривают бывшие стены, произрастая на их пристенной основе, другие (их больше) - в промежутках, на более мягкой земле. Подумалось - а не очерчивают ли они планы погребенных строений, которые в Средней Азии издревле возводились из глиняных материалов - сырца, пахсы, а потому, будучи заброшенными, вскоре сливались с окружающей лессовой почвой? Следуя нежно-зеленым контурам, Михаилу Евгеньевичу удалось составить довольно четкий план одной из построек Каратепа, где пограничники обнаружили полусасыпанные лазы, и наличие которого затем было подтверждено при раскопках Е. Пчелиной. При содействии ботаника П. Архангельского был также собран и отправлен на более детальное определение гербарий самих растений. К слову сказать, десять лет спустя, уже в послевоенные годы, Е. Пчелиной была опубликована статья об этих раскопках с детальным описанием метода опознания стен по растительному покрову, однако, ни М. Массон, ни П. Архангельский там не были упомянуты ни единым словом...

Но я отвлеклась. Другая интересная идея была связана с насекомыми. В Средней Азии нередко в археологических слоях встречаются то шарики жуков-навозников, то сухие личинки других насекомых, а то и иссохшие соты ос. Так вот, энтомологии известно, что шарики с навозом - питанием личинок - скарабей закладывает в рыхлой слой земли над плотным грунтом максимум на 30 сантиметров. Значит, если в археологическом слое найден такой шарик, археолог, будь начеку, ищи тридцатью сантиметрами ниже пол древнего здания или слой уплотненного горизонта! Какой-либо другой жук прячет свои личинки на иную, от дневной поверхности, глубину, зная которую, легко вычислить, прибавив определенное количество сантиметров, уровень дневной поверхности прошлых веков. Вероятно, я излагаю все это не очень точно, но идея ясна. У М. Массона таких данных было очень много. У нас в квартире висела коллекция жуков, составленная им полвека тому назад (некоторые рассыпались, или подточены молью). Но это были не просто жуки, а именно те пресловутые археологические жуки-индикаторы.

Обо всем этом и многом другом М. Массон оживленно рассказывал археологам и студентам. Как-то раз М. Дьяконов воскликнул: «Михаил Евгеньевич, напишите об этом! Это так нужно для археологии!»

Увы, так и не написал. Почему? Предпочитал щедро делиться богатым запасом знаний, но не мог заставить себя засесть за обобщение, подготовку монографии? Или слишком много времени отнимали работа на кафедре и руководство организованными им археологическими экспедициями? Не знаю. Но, к сожалению, неоконченные книги и статьи о природных индикаторах в археологии, как и работы по нумизматике, так и ушли вместе с ним. Но эти мысли пришли ко мне спустя много-много лет. Тогда же он казался мне полубогом. Он был выше обыденного, как бы на пьедестале. Внимательно просматривал мои чертежи, делал краткие, очень сухие замечания, вел лишь общие беседы за столом.

ЖИЗНЬ В ТАКЭ

Так получилось, что в Термезскую экспедицию 1938 года я смогла выехать лишь через неделю после отъезда основного состава. В Термезе отыскала местный музей. Его директор Г. Парфенов помог на следующий день с оформлением пропуска (городища Старого Термеза расположены прямо у погранзаставы) и отправил в археологический лагерь, устроив в кузове полувоенного грузовика. В те годы гражданские машины были здесь редки, ими располагали, в основном, пограничники. Из обсаженного деревьями города мы выехали на пустынную, высохшую под солнцем равнину, вдоль дороги тянулись столбики с колючей проволокой. Но вот вдали показались какие-то всхолмления и оплывшие глинобитные сте-

ны - это простиралось обширное городище древнего и средневекового Термеза. Машина затормозила. Рядом с самой дорогой вел раскопки раннесредневековой мечети В. Шишкин. Я спрыгнула, участники раскопок поприветствовали меня, потом долговязый красавец Олег Сосновский подхватил мой чемодан, и мы двинулись, весело болтая, в экспедиционный лагерь за пределы колючей проволоки.

Полевой лагерь располагался вовсе не в палатках, как я предполагала, а в просторном зале ханаки XII века Хаким-и ат-Термизи, возвышавшегося над могилой этого ученого богослова. Высокий купол с оконцами для проветривания, под которым некогда принимали странствующих дервишей, сохранял прохладу даже в жаркие дневные часы. Посредине стоял длинный стол для трапезы и работы, наскоро сбитые из досок скамьи, столики для обработки материалов, ящики с этими самыми материалами, а в глубине - ряд кроватей, покрытых, как старинные колыбели, марлевыми полотнищами - пашахона - защита от свирепых комаров, орды которых на закате слетались в лагерь с Амударьи. Каждый вечер мы собирались у входа в ханаку, ужинали, потом представляли короткие доклады о проделанной за день работе и, как только солнце уходило на закат, спешили побыстрее под пашахону, в тщетной надежде укрыться от нещадных комаров-злодеев.

Насколько же несравнимы условия экспедиций тех лет и нашего времени, когда в распоряжении археологов электричество, землевозы, машины и даже авиация! У нас же единственным транспортом была подвода. Связь с внешним миром обеспечивал термезский житель - обладатель коня и телеги. Он приезжал в субботу, забирал желающих приобщиться к прелестям «городской жизни» - главным образом к бане - и увозил их в Термез, а в воскресенье, запасившись на неделю хлебом, купив на скудном рынке лук, помидоры, немного картофеля (очень дорогого) и захватив в музее газеты и почту, все возвращались назад. Еще в конце XIX века русскими военными на месте небольшого кишлака Патта-Гисар был разбит городок с прямыми улицами, обсаженными деревьями. Жизнь здесь и в тридцатые годы текла по старинке: в парке вечерами играл военный духовой оркестр, других развлечений - даже кино - в те годы еще не было. Мне запомнилось более всего одно наше запоздалое возвращение в лагерь. Время было уже позднее, светила луна, небо было усеяно такими яркими звездами, какие бывают только на юге, стояла удивительная тишина, кусты и холмы отбрасывали плавные синие тени. Оказалось, что возчик наш бывлой моряк, побывав у экватора, потом работал в Амударьинском пароходстве, а теперь был не у дел. По пути он время от времени поднимал кнут и называл созвездия или планеты, среди которых выделялся багровый Марс. Как мирно было под этим бархатно-черным небом на этой древней земле, которую бдительно охраняли невидимые нами пограничники, и какие удивительные, большие и яркие звезды сияли тогда над Термезом!

Михаилу Евгеньевичу хватало организационных забот. Вначале

нужно было отрегулировать «территориальные» вопросы - ведь вся приамударьинская зона была «границей на замке», а на городище Старого Термеза находилась одна из застав. Командный состав предыдущих лет в большинстве своем был репрессирован в роковом 1937 году, а строгости все нарастали (это была одна из причин, почему экспедиция не могла продолжать работу в 1939 году). Для экспедиции был установлен строгий режим: ходить по городищу разрешалось исключительно в пределах пунктов основных раскопок, только после полного рассвета и лишь до наступления сумерек, при этом все мы были объектами пристального наблюдения. Идешь по безбрежным всхолмлениям древнего города - тишина, ни души, а ведь каждый твой шаг откуда-то просматривается. Однажды, не помню уж кто из молодых сотрудников увлекся сбором черепков, которыми усеяны некоторые участки городища, и весьма заметно припозднился. Ох и попало же нашему шефу, а от него и всем нам за это нарушение «приграничного режима»!

Проблемой было в те голодные годы и обеспечение экспедиционной группы питанием. Используя свои геологические связи, Михаил Евгеньевич сумел запастись в Ташкенте перловой крупой, макаронами, мясными консервами, сгущенным молоком, чаем и сахаром. Первое время мы были без поварихи, готовили по очереди. Число возможных комбинаций для трехразовой еды было ограниченным: крупа или макароны с тушенкой в виде супа или густого месива. Многие годы после ТАКЭ меня мучило при одном лишь запахе консервированного мяса. Но тогда все это было почти роскошью (ведь и дома выбирать не приходилось!), да как-то никто не придавал особого значения однообразию еды, а физический труд на свежем воздухе порождал, по крайней мере у многих, завидный аппетит.

Землекопы к нам приезжали на осликах из пограничного кишлака. Состав их был очень пестрый: таджики, узбеки, афганцы. Этническая пестрота издревле была типична для приамударьинских районов; к северу проживали еще туркмены, потом карлукские узбеки и каракалпаки.

Воды на городище не было, канал в эту зону провели уже в послевоенные годы. Один из рабочих предоставлял своего ишака и Ахат-Султан Кахаров, подвесив пару бочек, в определенное время спускался к Амударье (место, время и личность Ахат-Султана были согласованы в погранотряде). Однажды он что-то задержался и пришел, покатываясь от смеха. Оказывается, пока он наполнял бочки, осел, как обычно, подошел к краю берега, чтобы напиться. И вдруг - дикий рев! осел стоит, как вкопанный, ногами наполовину в воде и ревет трубным голосом, безумев от ужаса, а из воды ему в ноги тычет мордой огромный сом. Стукнув рыбину палкой («Жалко, ушла!») Ахат-Султан никак не мог оттащить перепуганное животное назад; бедный ослик еще долго дрожал, поднимаясь вверх с наполненными бочками.

Вставали рано, работали часов пять, потом в самые жаркие часы передышки пили чай в прохладной ханаке, приводили в порядок записи и

чертежи и снова шли на раскопки. М. Массон внимательно следил за ходом раскопочных работ, педантично обходя все раскопочные площадки (а находились они на значительном расстоянии), размеренно шествуя под огромным полотняным зонтиком, что нередко используют при работе топографы (за этот зонтик мальчишки прозвали его «дяденька с парашютом»). Ложились тоже рано - зажигать огонь не полагалось, да и комары с остервенением набрасывались на нас. Единственное спасение - скорее под пашахону! Лежали, тихо беседовали с соседями, но сон смаивал быстро. А с восходом солнца слышали бодрый голос начальника «Доброе утро, Такинцы!»

Нашего полку постепенно все прибывало: сначала появилась повариха - могучая русская тетка. Потом, уехав как-то в Термез, Михаил Евгеньевич вернулся с геологом П. Князевым. А вскоре прибыла приглашенная из Ленинграда чета молодоженов - археолог А. Окладников и художница В. Запорожская - для них поставили пару кроватей с пологам в дальнем углу.

ТАКИНЦЫ

Наверное следует рассказать об участниках экспедиции, какими они были в ту пору. Начну со старших.

Василий Афанасьевич Шишкин. Рыжеволосый вятич, которого судьба забросила с севера России в знойный Туркестан, уже в годах. В Ташкенте он закончил восточный факультет САГУ. По окончании работал несколько лет уполномоченным Узкомстариса в Бухаре, реальным результатом чего стала его книжка «Архитектурные памятники Бухары» (Ташкент, 1938). Вскоре он возвратился в Ташкент, став сотрудником археологической группы Комитета наук. Приобщение к археологии началось для него с участия в работе ТАКЭ, куда его привлек М. Массон. Был он медлительно-обстоятелен - качество в археологии очень ценное, обеспечивающее документальную надежность наблюдений и фиксации фактов, педантичность проведения раскопок. При осмыслении же результатов помогало знание восточных языков, владение восточными первоисточниками. Как-то однажды он обронил:

- Завидую вам, Михаил Евгеньевич, что вы так рано начали заниматься археологией!

- Не надо, зависть - недостойное чувство, лучше наверстывайте упущенное, - ответил тот.

Шишкин несколько обиделся, хотя многому научился именно у Массона. Отношения между ними были прохладными, а впоследствии почти прервались. Между тем именно Михаил Евгеньевич поручил ему на следующий год раскопки на городище Варахша, которые принесли открытие дворца, украшенного прекрасной живописью и резным ганчем. По-

зднее Василий Афанасьевич перешел на работу в Узбекский филиал АН СССР, продолжил раскопки на Варахше, занимался изучением Афросиаба. А в 1938 году ему были поручены в ТАКЭ раскопки двух рядом стоящих объектов - остатков мечети Чор-Сутун и вблизи холма «Кургон», с погребенным в нем раннесредневековым зданием.

Как и в работе, он был аккуратен в быту, все у него было расположено в определенном порядке. Появляясь за обеденным столом, он восклицал: «А где мой Плевкевич?» Дело в том, что у него была ложка старинной польской фирмы Плевкевича, чья фамилия была на ней оттиснута. Почему-то она породила у всех негативное отношение к этому господину. Однажды я занялась подготовкой стенгазеты и решила изложить в ней историю Плевкевича, предложив каждому участнику ТАКЭ, независимо друг от друга, сочинить какой-либо эпизод из его жизни. Каких только неблагоприятных поступков ему не приписали! Соединив вместе всю эту черную клевету на мифического Плевкевича, я создала потрясающее до глубины души жизнеописание отборного негодяя и мерзавца, который закончил свои дни на дне Амударьи...

Мне довелось работать с В. Шишкиным. Сначала я выполняла обмеры упомянутой выше мечети Чор-Сутун, а в конце сезона мы выехали с ним вдвоем в Джар-Курган, где он изучал надписи на минарете, а я осуществляла его обмер (куда-то он исчез из архива бывшего Узкомстарица, как и некоторые другие мои чертежи).

Всеволод Данилович Жуков также закончил восточный факультет. Был он из семьи купца первой гильдии, о чем говорил не без гордости, хотя в те годы такая генеалогия рассматривалась как классово-чуждая и говорить о ней вслух не стоило. Мать его когда-то была актрисой в Петербурге. Тощий, как йог, он почти ничего не ел, но поглощал в огромном количестве чай. Мы, молодежь, подсмеивались над ним за это пристрастие (Боже, как он был беззащитен против наших насмешек!), между тем, это облегчало ему хронические боли. Когда-то он мучился тяжелой болезнью - амёбной дизентерией (выпил в Бухаре воду из хауза). И хотя знаменитый впоследствии хирург - иеромонах В. Войно-Ясенецкий спас его от этой напасти, боли в кишечнике сопровождали его на протяжении всей жизни.

В. Жуков являл собой традиционный тип русского интеллигента - образованный, начитанный, деликатный, меланхоличный, чуточку заикающийся, во всем сомневающийся и в общем несчастный человек. Жена его покинула, оставив сына, который рос в семье его брата. Обладая тонким критическим чутьем и хорошим запасом знаний, в науке он однако ничего весомого так и не сделал, возможно потому, что в научной среде всегда был оттеснен на задний план. В 1937 году вел раскопки дворца термезских правителей XI-XII веков, а в 1938 году продолжал изучение Калы Старого Термеза, заложив глубокий шурф.

Об Алексее Павловиче Окладникове, который впоследствии стал

академиком, выдающимся специалистом по палеолиту с мировым именем, автором многочисленных трудов, рассказывать нет необходимости - ему посвящены сборники и множество статей. Но в 1938 году это был еще молодой археолог из Сибири, с которым Михаил Евгеньевич познакомился в Ленинграде, где Окладников учился, затем стал сотрудником Института истории материальной культуры. Массон сразу его оценил и пригласил работать в ТАКЭ. В Узбекистане своего специалиста по археологии каменного века не было, хотя уже знали о находках кремневых орудий в Сурхандарьинской области. Живой, румяный как мальчик, он отличался добрым характером, простотой общения и способностью иступленно, без усталости работать на разведке ли, на раскопе, за письменным столом. Термез дал А. Окладникову лишь единичные кремни. Но триумф ожидал его позднее: по окончании сезона он выехал по рекомендации Михаила Евгеньевича на разведку грота Тешик-Таи, на раскопках которого обнаружил орудия каменного века и часть черепа неандертальского мальчика. Это было сенсацией - впервые в среднеазиатском регионе были обнаружены останки неандертальца! Однако его поездка в Тешик-Таи проходила в атмосфере неприкрытого недоброжелательства со стороны директора Термезского краеведческого музея, который потребовал оставить все находки на месте. Кажется Алексей Павлович передал ему весь костяк, утаив, однако, череп, с которого М. Герасимовым был сделан знаменитый портрет. Впоследствии за монографию о Тешик-Таше А. Окладников был удостоен Сталинской премии.

Жена его Вера Дмитриевна Запорожская, художница, была замешана на других, но тоже сибирских дрожжах. Замкнутая, властная, энергичная, многие годы она участвовала в экспедициях своего мужа, держала хозяйственные и экономические бразды, вместе с тем выполняла огромную работу по зарисовке бесчисленных каменных орудий и наскальных писаний. Но это в будущем, а пока это была пара воркующих голубков, дружно трудившихся в совершенно непривычной для северян обстановке среднеазиатского юга.

А теперь о младших сотрудниках экспедиции.

Ахат-Султан Кахаров - ему было около сорока, долговязый, нескладный, он был немного тронутый. В двадцатые годы участвовал в гражданской войне. Однажды лунной ночью на пустой равнине завязался конный бой. Свистели пули, всадники налетали друг на друга с саблями наголо. Ахат-Султан сбил с коня одного врага и хватил саблей другого. Жуткое зрелище истекающего кровью разрубленного человека при безразлично-холодном свете луны потрясло его психику. Долгие годы, особенно в периоды летних полнолуний его преследовали кошмарные видения кровавых битв и мертвых тел. Он поступил было на восточный факультет, но не закончил. Читал много мусульманских книг, зная с детства арабский язык и письменность.

Был добр, иногда наивен, как дитя, но мог вспыхнуть из-за пустя-

ка, тоже как ребенок. Так, однажды он явился, держа за хвост огромного дохлого варана (так называемый пустынный крокодил), и рассказал, что тот мирно грелся под полуденным солнцем, когда Ахат-Султан подкрался сзади и схватил его резким рывком за хвост, варан вздрогнул и издох. Михаил Евгеньевич объявил, что это был «вараний» инфаркт. Вера Дмитриевна нарисовала карикатуру - Ахат-Султан с повисшим в руке вараном, внизу какая-то смешная подпись. Он безумно обиделся, но не за свое изображение и не за подпись, а за две заплаты, которые художница нарисовала на коленях его выдавшего виды галифе, - ведь у него их не было! (Замечу в скобках, что меня Вера Дмитриевна изобразила с повязкой на глазах, циркулем в одной руке и моделью памятника в другой - мол, может выполнить обмеры, даже и не глядя на памятник).

Археология его не увлекала - с большей охотой он просто бродил по городищу, наблюдая за живой природой. После экспедиции он отошел не только от археологии, но и от всякой внешней деятельности вообще - жил в ташкентском пригороде, возделывал свой небольшой участок. Мы с Олегом Сосновским иногда навещали его, он был рад. Но сам из своей усадьбы почти никуда не выходил, так и жил отшельником и спустя немного времени умер.

Петр Иванович Князев - маленький человек с опухшим лицом, с мягким характером и тонкой душой, ценитель поэзии, знающий геолог и горький пьяница. По-видимому выпивать он начал в студенческие годы (в геологических экспедициях много пили), но запойным стал, женившись на полуграмотной девке, которая ему хамила, изменяла и, наконец, бросила. Михаил Евгеньевич знал Князева еще по Геолкому. Отыскал, поговорил по душам, вроде бы убедил, что пора одуматься, взять себя в руки, и зачислил в состав ТАКЭ, поручив геологические наблюдения в стратиграфических шурфах и изучение квартала средневековых металлургов. Человек со дня на день буквально преображался на глазах. В город, куда мы иногда наезжали по субботам, строгий начальник экспедиции его не пускал, чтобы он не сорвался, в лагере же царил сухой закон. Однако и это не помогло - однажды у кого-то из землекопов он приобрел спиртное и три дня был в омерзительном состоянии. Вернувшись в Ташкент, он подготовил детальный отчет, написал статью для «Трудов ТАКЭ». А потом снова беспробудная пьянка, от которой вскоре и погиб.

Рашид Набиев - самаркандский «узбеко-таджик», одинаково владевший обоими местными языками, был начинающим историком-востоковедом, незадолго до этого закончил университет. Любопытный, сдержанный в манерах, он с детства воспринял особую, характерную черту восточной культуры - внимание к окружающим. В экспедицию приехал из любопытности, но археология его не увлекла. В дальнейшем работал в УзФАН, стал член-корреспондентом АН УзССР. Много болел, но успел закончить свой основной труд по изучению истории Кокандского ханства. К Михаилу Евгеньевичу, который от АН УзССР был отлу-

чен, навсегда сохранил глубокое уважение, иногда навещал, даря очередную из своих в общем-то немногочисленных работ.

Были среди такинцев и студенты М. Массона - Олег Сосновский и Геннадий Савельев. Прослушав курс «Введение в общую археологию» (читался как общеобразовательный на IV курсе, кафедры археологии Средней Азии в ту пору еще не было), прочитанный Михаилом Евгеньевичем, они загорелись приобщиться к «науке лордов» на практике.

Гена Савельев в Ташкент приехал из какого-то провинциального городка. Был он из простой семьи, отец - горький пьяница, который и сына втягивал в хмельные загулы, но в экспедиции Геннадий себе этого не позволял. Внешность у него была простовата, речь примитивная, исторические факты и даты запоминал не без труда. Но археологией был захвачен до самозабвения, вернувшись с раскопа мог подолгу рассказывать о каждом черепке или сделанном наблюдении. К сожалению, Геннадий погиб в первые же месяцы войны.

С Олегом же Сосновским мы работали в паре: его прикрепили ко мне помощником в производстве архитектурных обмеров (видимо учитывая его рост и спортивную подготовку): он взбираясь на верх сводов, натягивал рулетку, чтобы я могла снять вертикальные размеры памятников. Ну и, разумеется, мы не переставая болтали - о прочитанных книгах, знакомых людях, о происходящих в то время или весьма отдаленных в истории событиях. Особо весело работа шла в полутемных, а зачастую абсолютно темных - брали с собой мощный фонарь - пещерах буддийского монастыря в толще холма Каратепа. Для меня это было своего рода отдушиной, позволяло убежать хоть на время от непрерывно терзавшей мысли о трагедии прошлого года; для него - началом глубокого чувства.

Он был очень красив - высокий, длинноногий, с правильными чертами благородного лица (возможно, сказалась кровь польских панов), в модных тогда брюках клеи и желтой, под замшу, куртке, сшитой ему по заграничной модели матерью. Одна из сотрудниц Музея искусств, встретив нас осенью, потихоньку меня спросила: «Кто этот Аполлон?» Однако красивая внешность его не испортила - то было время строгих нравов. С детства он любил читать исторические романы - Вальтера Скотта, Дюма, Гюго, потому и пошел на исторический факультет. У него была феноменальная память - мог цитировать целые куски из «Айвенго» или «Трех мушкетеров». Гуманитарные науки давались ему легко - достаточно было раз прочитать, чтобы отвечать экзаменатору как по писанному, будь то экономика, история Руси или Западной Европы средних веков, которые он особенно любил. Его очень увлекала событийная сторона истории - сражения, смена династий, революционные потрясения. Археология его в общем-то не интересовала, так же как и духовная сторона событий легко оставлялась им за скобками.

И завершая эту портретную галерею, скажу о моих непосредствен-

ных обязанностях в экспедиции. Я должна была осуществлять обмеры архитектурных объектов - наземных или выявленных археологами. В числе последних были внутрискальные помещения буддийского монастыря Каратепа (впоследствии исследования были продолжены Б. Стависким) и мечеть Чор-Сутун (объект В. Шишкина). Последняя в начале нашего столетия была разобрана ради превосходного кирпича и дошла до наших дней в виде бесформенных бугров. Вскрытие выявило неизвестный ранее тип мечети квадратного плана с девятью небольшими куполками и своеобразным михрабом подковообразной формы. В последующие десятилетия были обнаружены еще две мечети того же типа - Дигодарон у кишлака Хазара в Бухарской области и Ну-Гумбед на окраине Балха. Из наземных объектов мной были выполнены уточненный план архитектурного комплекса Хаким-и ат-Термизи и план и разрез первоначального мавзолея в ансамбле Султан-Саодат.

И все же не эти превосходные памятники привлекали меня в ту пору. Гораздо интересней представлялись домусульманские древности. На городище Старого Термеза мое особое внимание привлекли буддийские памятники - ступа, именуемая «башия Зурмала» и монастырь Каратепа. В нем мне были поручены обмеры затаенных в скале и более или менее доступных пещерных отделов. Проникать в три из них приходилось от разрушенных входов ползком, но внутри это были высокие, вытесанные в скале сводчатые коридоры и отдельные камеры. Олег держал фонарь и конец рулетки, а я наносила на чертеж контуры и записывала размеры. В четвертую пещеру можно было проникнуть не сгибаясь, но когда мы туда вошли в первый раз, с потолка сорвались десятки летучих мышей. Они летали, задевая нас крыльями и цепкими лапками, испуганные внезапным светом и приходом людей в их дневное убежище, которое они покидали лишь с наступлением ночи...

Таких вот непохожих людей с разными судьбами объединяла ТАКЭ. Никого из них уже нет, я тоже скоро уйду в последний путь... А тогда мы были молоды, полны стремлений и сил, которые объединял организаторский талант М. Массона. Он умел создавать атмосферу, исключавшую мелкие столкновения характеров и амбиций. Каждый имел свое поле действий, за которое отвечал, а Михаил Евгеньевич щедро откликался консультациями по любому вопросу и никогда не претендовал на прodelанное сотрудниками.

Высокая научная порядочность в отношении хотя бы самого скромного вклада, притом не только профессиональных ученых, но и любителей-краеведов была одним из жизненных принципов М. Массона. Я вспоминаю слова высокоуважаемого мною А. Якубовского: «Михаил Евгеньевич, ну для чего ссылаться на каждого уездного начальника Туркестанского края? Только потому, что тот где-то что-то упомянул!» Этот снобизм - увы! - широко распространен и в наши дни, когда принято уснащать работы бесчисленными ссылками на хотя бы и самых посредственных

зарубежных авторов, пренебрегая вкладом как русской дореволюционной интеллигенции, так и советских ученых из среднеазиатских республик («провинция!»).

1938 год стал последним для ТАКЭ. Однако, даже эти три кратких сезона дали немало для изучения древней истории Северной Бактрии - Тохаристана.

Работы на Тешик-Таие углубили историю Узбекистана до времени древнекаменного века. Раскопки собственно городищ Старого Термеза принесли открытие мощных слоев античного времени, где были обнаружены греко-бактрийские и кушанские монеты, ряд погребальных сооружений, а также многочисленные архитектурные детали - каменные торовидные базы древнеиранского типа и базы аттической профилировки, коринфизированные капители пилястр и профилированные карнизы, явно несущие черты эллинистического воздействия. Было положено начало изучению буддийского монастыря Каратепе.

Не очень погрешу против истины, если скажу, что деятельность ТАКЭ в отношении средневекового периода носила скорее искусствоведческий характер. Одной из центральных проблем было изучение памятников архитектуры - развалин Кырк-кыз, комплексов Хаким-и ат-Термизи и Султан-Саодат, мечети Чор-Сутун, одного из участков средневекового дворца Термезских правителей с резной штуковой декорацией, руин сырцовых зданий жилого и культового назначения XIV-XV веков в привокзальной зоне Термеза. Все эти сооружения восполняли многие важные звенья в общей типологии средневековой архитектуры Средней Азии.

Интересны были и вещественные сборы. Керамика дала интересный кушанский комплекс первых веков нашей эры и средневековый X-XII веков. Исключительный интерес представляли стеклянные, полупрозрачные медальоны из дворца с оттиснутыми рельефными изображениями шести вариантов (всадник с ловчей птицей, терзание хищной птицей животного, бегущий лев и др.); набор ладошкообразных железных криц из раскопа в квартале металлистов; косточки персика из средневекового слоя, определенные как принадлежащие к одному из лучших среднеазиатских сортов. Многочисленные монетные находки, как подъемные, так и полученные в ходе раскопок, внесли ряд хронологических уточнений, а некоторые ввели в среднеазиатскую нумизматику новые типы.

Результатом работ ТАКЭ было не только составление историкотопографического плана городища, выявление характера стратиграфических уровней, их датировок, которые в нижних слоях уходили за грань нашей эры, в верхних - соотносились с развитым средневековьем вплоть до монгольского нашествия, - но и утверждение в научном обороте самого понятия «эллинистическое искусство Средней Азии». Хотя согласно идеологическим схемам тех лет, полагалось любое явление искусства трактовать как самобытно-местное, отвергая любые - и западные, и восточные - воздействия, а потому термин «среднеазиатский эллинизм»

не сразу вошел в научный оборот. Противились ему и сторонники признания античности лишь как европейского, но не в коем случае не восточного, явления. Когда в 1945 году мной была опубликована статья «Фрагменты эллинистической архитектуры правобережного Тохаристана», один уважаемый профессор исторического факультета САГУ воскликнул: «Ну почему же эллинистической? Это местное, эллинизм здесь не причем!». Таковы были установки тех лет, согласно которым полагалось соподчинять материал принципу - «Все свое, никаких воздействий!». Хотя эллинизм, как мировое явление, поднялся над классической Грецией в значительной мере благодаря тому, что восточное начало в нем органически влилось в достижения эллинского гения, обогатив его новыми качествами.

По завершении работ Михаил Евгеньевич начал было писать обобщающий труд по истории Термеза в свете исторических и археологических данных, но он успел лишь завершить историю изучения Термеза. Незаконченным остался и каталог монетных находок из Термеза, так как уже в 1939 году Михаил Евгеньевич занялся организацией и проведением археологического надзора на трассе строительства Большого Ферганского канала, увлекся новой темой, отложив задуманное на будущее, да так и не осуществил. И лишь где-то в архиве сохранились его полевые дневники, наброски отдельных глав, а также коробка монет с определениями.

Участие в работах ТАКЭ ясно дало мне понять, что для постижения архитектуры среднеазиатской античности нужны были объекты, погребенные в напластованиях веков и археологическое их извлечение. Значит - решила я, - если хочешь заниматься античностью, следует самой овладеть археологическими методами, поставив при этом целью выявление и изучение памятников художественной культуры. В дальнейшем именно этим я и занималась.

Итак, археология в жизни Галины Анатольевны появилась со времени участия в ТАКЭ, и не просто как временное увлечение, а как область стойких профессиональных интересов. Здесь же произошло её археологическое крещение, и здесь же впервые она столкнулась с принципами археологической школы М. Массона.

ПЕРВОЕ ЗАМУЖЕСТВО, ВОЙНА И КАНДИДАТСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

В Ташкенте Олег познакомил меня со своими родителями - Владимиром Францевичем Сосновским - заместителем директора государственного банка в Узбекистане, сдержанно-внимательным в общении, и милой, приветливой Клавдией Григорьевной; оба радушно принимали меня. Я же, будучи аспиранткой, энергично занималась сбором материалов для кандидатской диссертации «Архитектура Средней Азии эпохи Навои». Выбор темы определяли два фактора - с одной стороны, мой собственный интерес к зодчеству времени Темуридов - тогда еще плохо изученному, с другой - намечавшееся на 1941 год празднование 500-летнего юбилея классика восточной поэзии Алишера Навои.

В связи с этим юбилеем Узкомстарисом было организовано изучение мавзолея Иишат-хона, возведенного в 1464 году, когда Навои находился в Самарканде. Инициатором был М. Массон, вошедший в состав организационного комитета по проведению юбилейных торжеств. Название Иишат-хона - Дом наслаждений, было связано с народной легендой, утверждавшей, что это был дворец Темура. Не с могильным саваном и смертью, а с поцелуем красавицы связала народная легенда это здание, которое легче воспринималось как место, могущее быть предназначенным лишь для наслаждения всеми земными радостями и утехами. Эту версию приняли даже некоторые ученые, в частности В. Бартольд, который после первой своей поездки в Среднюю Азию выдвинул предположение о несторианском происхождении Иишат-хоны, якобы превращенной затем в увеселительный дворец. Хотя в свое время еще В. Вяткин обнаружил старинный вакуфный документ, в котором здание фигурировало как мавзолей Султан-Хавенд-беки, дочери темуридского правителя Абу-Саида. Изучить памятник, попутно опровергнув или доказав эту легенду, и была призвана наша небольшая экспедиция.

Работали мы вчетвером: М. Массон, археолог В. Спришевский, в ту пору студент САГУ, студент Самаркандского университета П. Кожарский и я. Археологи вскрывали обширный склеп с темуридскими захоронениями, закладывали шурфы, разбирали завалы, а моя задача заключалась в проведении детальных архитектурных обмеров памятника. Жили мы в кельях медресе Улугбека на Регистане, вставали очень рано, работали, как всегда, интенсивно. Впоследствии, под редакцией Михаила Ев-

Илл. № 17 ФОТО 85. Г. Пугаченкова, Р. Сосновский (Стива), О. Сосновский, Ташкент, 1947 г.

геньевича была опубликована коллективная монография «Самаркандский мавзолей, известный под названием Ишрат-хона», куда были включены также исследования В. Вяткина, Б. Засыпкина, В. Кононова и С. Кудриной. Но это было позднее, а пока...

Мои мысли были в Ташкенте, где Олег заканчивал исторический факультет. Шел июнь 1940 года. По законам того времени все выпускники должны были проходить военную службу. Его семья и я, все были в смятении перед неминуемой разлукой. И вот, ближе к концу работ Олег появился в Самарканде. Древний город был великолепной декорацией для ослепительного романа, а нашей символической свадьбой стала шумная свадебная процессия самаркандцев, в которую мы случайно попали, возвращаясь тем памятным для нас обоим вечером домой, на Регистан, горя от жарких поцелуев и объятий.

Осенью его мобилизовали куда-то на север России, а 18 мая 1941 года родился мой первенец. Когда-то Олег со своим закадычным другом детства дали слово назвать своих первых сыновей именами друг друга. Так мой сын стал Ростиславом, Стивой.

Как в тот первый месяц было легко и светло на душе! Но 22 июня началась война, та, которую ранее было принято называть Великой Отечественной и которая разлучила нас навсегда. Олега направили в артиллерийскую часть, с которой он прошел всю войну до Берлина и с которой

еще довольно продолжительное время оставался в Германии, дослужившись до майора.

До рождения ребенка я успела закончить диссертацию, перепечатать, подготовить фотографии видов памятников, отдельных архитектурных деталей и чертежей. Но уже в первые годы войны встал вопрос о поиске работы: аспирантура кончилась, а вместе с ней и аспирантская стипендия. Нужно было на что-то жить. Зарплата Владимира Францевича не покрывала расходов семьи. А между тем, уже были введены карточки на получение продуктов. Деятельная Клавдия Григорьевна приобрела козу Зойку «на сносях», и когда та разродилась, у нас появилось козье молоко.

В этот год в Узбекистан, особенно в Ташкент, хлынули волны эвакуированных из захваченных войною областей, из Москвы и из блокадного Ленинграда. В числе эвакуированных высших учебных заведений был и Московский архитектурный институт, который разместился на нашем архитектурно-строительном факультете. Я к этому времени, так как срок моей аспирантуры уже истёк, была зачислена ассистентом кафедры истории архитектуры, где начала читать лекции. Тогда же, а если быть точнее - 20 ноября 1941 года, состоялась защита моей диссертации, для меня тогдашней - событие «архиважное». Она проходила при расширенном Совете с участием всех ведущих специалистов Московского архитектурного института, головного в бывшем СССР. Обширный институтский зал, где проходили то заседания, то студенческие вечера, был переполнен - еще бы, происходило событие былых мирных времен! Я уверенно провела свое выступление, не только потому, что вызубрила его наизусть (и это тоже было!), но и потому, что хорошо знала свой предмет, да собственно и памятников эпохи Навои было немного - мечеть Анау, мечеть Ишрат-хона и Ак-сарай в Самарканде, мечеть и медресе Ходжа-Ахрара и мавзолей Юнус-хана в Ташкенте и хорошо известные к тому времени колонны из Туркестана. Потом выступали мои оппоненты - доктор археологии, профессор М. Массон и доктор исторических наук, профессор А. Якубовский - оба знатоки среднеазиатской истории и культуры, но ... не архитектуры. В те годы в Средней Азии единственным доктором архитектуры был Л. Воронин, мой научный руководитель. Защита прошла блестяще, и Совет единогласно удостоил меня степени кандидата архитектуры.

С этого времени мои служебные дела потекли своей, размеренной жизнью: лекции, первые статьи, участие в археологических экспедициях.

Ну, а в личном плане назревало то, что в корне изменило всё в моей судьбе: в нее вошел М. Массон...

МОЙ МАССОН

Когда началось это взаимное влечение, вначале чисто духовное? Пожалуй, еще со времен ТАКЭ 1938 года. Хотя тогда он не баловал меня особым вниманием, лишь единожды начав вдруг рассказывать о родительском доме в Самарканде, где отец его, Евгений Людвигович, возделывал при помощи чеха-садовника великолепный сад с различными, привезенными отовсюду цветами, кустарниками и деревьями.

Тогда же рассказал он и историю картины, висевшей в его кабинете, на которой были изображены галантный кавалер и манерная французская барышня в стиле рококо. Оказалось, что это были его предки. Как это нередко бывает среди русских, в его венах текла кровь разных народов. История семьи брала свое начало от шотландца Мейссона, переселившегося во Францию, женившегося там на французженке и «офранцузившего» свою фамилию на Массон. Их сын - Жак Массон составил семейную пару с англичанкой Сарой Уайт (Вильям), чей отпрыск - Луи, а по-русски Людвиг Яковлевич, приехал в Псков, взял за себя русскую девушку Раису Михайловну Окунь, что родила ему десятерых детей, в большинстве рано умерших - остались лишь старший сын и две дочери. Одного из сыновей - Евгения Людвиговича, топографа по образованию, судьба сначала занесла на Кавказ, на строительство Кавказской железной дороги, затем - в Туркестан, где он возглавил созданный при военном губернаторе Самаркандской области топографический отдел. Под его началом и при личном участии были выполнены обширные работы по составлению детальных топографических карт Самаркандской области, не утративших своего значения много лет спустя. В Самарканде он женился на полурусской полуукраинке Антонине Николаевне Шпаковской, а вскоре родился первенец, Миша. Я слушала эту сложную семейную историю, как зачарованная...

Сблизила же нас окончательно Ишират-хона. Обычно на работу из медресе Улугбека каждый шел «сам по себе», и лишь иногда, под вечер, мы взбирались на портал Шир-Дора, откуда открывался великолепный вид на утопающий в зелени древний город. Пейзаж, «исчерканный крыльями стрижей», оживал в рассказах Михаила Евгеньевича - казалось, он знал все истории, связанные с дальними холмами, близлежащими улицами и их величественными памятниками. Передо мной словно пролистывали большую, богато изукрашенную книгу истории Самарканда. Тогда мне особенно запомнился его рассказ о Халил Султানে, внуке Темура, захватившем после смерти деда трон в Самарканде, безумно влюбленном в незнатную девушку Шади-Мульк и женившемся на ней. Однако власть его была непрочна, вскоре он был свергнут сыном Темура Шахрухом, выслан и тайно отравлен, а красавица Шади-Мульк

с позором, полуодетая, была проведена по улицам города и насмерть побита камнями...

Или, в другой раз, наблюдательным пунктом был избран возвышающийся над Афросиабом холм Чупан-ата, где, глядя на быстрые воды Зеравшана и отроги Туркестанского хребта, я под впечатлением захватывающих рассказов Михаила Евгеньевича вдруг увидела, как начинался заключительный бросок русских войск на Самарканд, как солдаты переправлялись через бурные воды и как им навстречу выскочил из мавзолея изможденный дервиш с ножом в руке...

Вечером я написала стихи:

Когда израненное солнце, влача лучей тяжелый узел
Уходит, словно зверь в берлогу, окровавивши облака,
Как хороши седые пряди на взмыве прихотливых русел,
Что разметала в беспорядке уснувшая река.

Когда изломаны и лживы холмов отчетливые тени
И потушил художник неба пастель заката наугад,
Полоска дальних гор сверкает, как лезвие, что в исступленьи
Занес полубезумный дервиш над головой врага.

Час подступающего мрака коварен, вкрадчив, осторожен.
Стада баранов - словно бусы, рассыпанные на сукне.
Прозрачной грустью напоенный, прохладный воздух тих до
дрожи,
И хочется рыдать, прижавшись к разрушенной стене.

«Мне тоже хотелось заплакать», - обронил задумчиво Михаил Евгеньевич, прочтя стихи, - но не от грусти, нет...»

Наша духовная близость все росла. В Ташкенте мы часто встречались с Михаилом Евгеньевичем в САГУ, иногда я приходила к нему домой с чертежами, иногда он заходил ко мне, и мы шли в близ расположенный парк. Осенью я сказала ему, что жду ребенка. «Моя мадонна!», - воскликнул он, целуя руку...

Конечно, я была в какой-то мере виновата перед Олегом -я предпочла ему другого человека. Раз и навсегда. Но и его солдатская жизнь была не безгрешна. Вернувшись в Ташкент, вскоре после нашего разрыва, детали которого мне до боли напоминали «Анну Каренину» Л. Толстого - на много лет я была лишена возможности нормального общения с моим первым сыном, Олег вновь женился на красивой девушке, она родила ему двоих детей. Он рано умер, наше же с ним общение было сведено до минимума.

Для меня то время было, пожалуй, самым тяжелым, но и самым светлым. Против нас были, казалось, все условности мира и все нелепые

жизненные обстоятельства. За нас - наша Большая Любовь, тот великий подарок, которым щедро одарила меня судьба.

Перебираю письма Михаила Евгеньевича. Их много. Несколько папок. Он писал их каждый день, начиная утром, отдавая днем мне, продолжая вечером. В них тот Массон, которого знала только я. Мой Массон.

Я не художник - Ты это хорошо знаешь. Но цвета, краски для меня не совсем безразличны вообще и в отдельных случаях. Я воспринимаю их по-своему и иногда реагирую болезненно. Так вот, когда-то сидящий во мне Мика, в ту пору, когда его величали уже «Михаил Евгеньевич» и даже «глубокоуважаемый», оставаясь сам с собой, скрытно от других задумывался - нельзя ли периоды и эпохи в истории человечества, истории отдельных народов, как и этапы в жизни отдельных людей, охарактеризовать цветом. Вероятно об этом и до меня фантазировали другие - не знаю. Я ни с кем об этом не говорил, никому не признавался, какими мыслями совсем не научными, не археологическими бывает наполнена голова того, кого считают ученым-исследователем. А сам отдыхал в своих фантазиях... Так вот, если бы сейчас Ты спросила бы, каким цветом лучше всего можно охарактеризовать новый, наступивший с Твоим появлением отрезок моей жизни - последний её этап - я без колебания отвечу: Радугой! (5.02.1943)

Тебя можно, дорогая моя, ненаглядная, поздравить с еще одним званием. С 25.5 сего года Ты оформлена в ВКВШ как доцент. Доцент. От docere, docui, docitum - учить, наставлять. Мой доцент. Мой первый доцент. Мой единственный. И единственная. Мне не нужно других. Дождусь ли я Твоей докторской степени? Возможно. Только хочу, чтобы это была настоящая, а не формальная в силу разных обстоятельств и причин». (7.07.1944)

Я смотрю на Твою, подаренную вчера карточку с перерывами: сделаю что-нибудь полезное - и в награду позволяю себе взглянуть на Тебя. Ты сказала, что фото снято в 1939 г. Значит, я Тебя знал, видел такой. Но я этого не помню. Вгляделся в Тебя и запомнил на всю жизнь позднее. Но как же глубоко запала Ты в душу! И через новую Галину, теперешнюю, смотрю я на Галину, которая была запечатлена восемь лет назад. И малознакомая, она мне становится такой близкой...

Я смотрю снова (в который раз!) на Твою подаренную вчера карточку. И что-то точно новое начинает пробуждаться изнутри. Что? Один из моих дядей влюбился в фотографию. И я его понимаю сейчас. Я влюбляюсь сейчас, снова влюбляюсь в эту «незнакомую» тогда и неизведанную до сих пор (ни Ты, ни я - мы никогда не узнаем о каждом из нас

всё до конца - мы живем достаточно сложно и таим возможности душевных движений, поскольку к тому же мы духовно не бедны, каждый по своему).

Вот почему в одной старой карточке с драгоценнейшей для меня припиской на обороте я черпаю силы жить, надеяться, любить, творить!

Я снова (в который раз) прячу Твою, подаренную вчера карточку. Нет, не в большую папку - а в новую, еще не очень заполненную, где собираются листы твоей для Тебя и вызванной Тобой книжки «Археолог в Средней Азии». (20.12.1947)

Несколько десятков лишних дней, когда в ожидании прошли годы - это же ничтожно мало.

«Приди!» Значит вот-вот конец всем пыткам от одиночества! Простые блаженства - «доброе утро, родная» - «спокойной ночи, дорогая» - они не навсегда отняты у меня.

«Приди!» Значит конец пыткам от ложного состояния, от постоянной боязни всего, от скованности перед людьми, от унижительных ощущений преступности.

«Приди!» Значит я воспряну, я смогу не сгибаясь, прямо держа голову, ведя Тебя под руку по пути жизни, как свою подругу, которой я обязан всеми теми годами, что будут у меня впереди и что дадут мне потом возможность довершить то, что я все-таки могу: и топографию городов, и нумизматику, и археологию, и новую историческую географию и, может быть, еще и еще что-нибудь. Значит, конец моему монастырскому бытию в последней четверти моей жизни - на более короткий срок я теперь не согласен... (5.01.1948)

... Спасибо Тебе за все, моя любимая.

Жду тебя.

Живу Тобой.

Возрождаюсь Тобой.

Работаю Тобой. (7.01.1948)

Вспоминаю о твоём сетовании, что профессор очень мало уделяет своей ученице внимания. Голубка моя ненаглядная, ведь это же неизбежно.

1) Ты выросла и в области своих интересов знаешь больше меня, как Лена [Давидович] знает больше меня в нумизматике Шейбанидов.

2) Мы не работаем сейчас над общей темой. Вот когда ты засядешь за мечеть Анау - будет иное положение.

3) Я же не работаю сейчас ни над чем, кроме «Археолог в Средней Азии», и мне не приходят в голову нужные для тебя факты, мысли. Это

Г. Пугаченкова, М. Массон и дочь Лиля.
Ташкент, 1959 г. Фото Е. Юдицкого,
8 x 12 см.

не значит, что я окончательно оскудел и, конечно, что-нибудь у меня для твоей диссертации найдется.

4) В кошмарном угаре последнего месяца с момента окончания ЮТАКЭ я вообще не мог ни на что реагировать нормально. Теперь все постепенно войдет в свою колею, и Твой профессор что-нибудь сделает для Тебя.

Я так люблю тебя!

Где Ты? Что с Тобой? Что делаешь? О чем думаешь?

Как хочется видеть Тебя вечером... обдумываю новую, восьмую главу. (8.01.1948)

...Крепко заснув, я вдруг проснулся в половина второго - стал думать о Тебе - «Спи моя дорогая. Спи. Пусть ни луна, ни что-либо другое не тревожит тебя. В мире не все прекрасно - но все же Прекрасное есть. В мире немало фальшивого - но есть и подлинное, настоящее. Люди чаще мечтают в безобразном шуме разноголосых звуков жизни - но можно слышать и чудесную гармонию. Мы - люди. Мы наделены слабостями. Мы отдаем дань несовершенному. Но мы с Тобой, к счастью, не слепы, не глухи, не нечувствительны. Жизнь идет. Мы идем с ней. Не отставая. Нет. Мы живем. Мы творим. Мы радуемся. Мы страдаем. Мы что-то двига-

Г. Пугаченкова, М. Массон и дочь Лиля.
Ташкент, 1959 г. Фото Е. Юдицкого,
8 x 12 см.

не значит, что я окончательно оскудел и, конечно, что-нибудь у меня для твоей диссертации найдется.

4) В кошмарном угаре последнего месяца с момента окончания ЮТАКЭ я вообще не мог ни на что реагировать нормально. Теперь все постепенно войдет в свою колею, и Твой профессор что-нибудь сделает для Тебя.

Я так люблю тебя!

Где Ты? Что с Тобой? Что делаешь? О чем думаешь?

Как хочется видеть Тебя вечером... обдумываю новую, восьмую главу. (8.01.1948)

...Крепко заснув, я вдруг проснулся в половина второго - стал думать о Тебе - «Спи моя дорогая. Спи. Пусть ни луна, ни что-либо другое не тревожит тебя. В мире не все прекрасно - но все же Прекрасное есть. В мире немало фальшивого - но есть и подлинное, настоящее. Люди чаще мечтают в безобразном шуме разноголосых звуков жизни - но можно слышать и чудесную гармонию. Мы - люди. Мы наделены слабостями. Мы отдаем дань несовершенному. Но мы с Тобой, к счастью, не слепы, не глухи, не нечувствительны. Жизнь идет. Мы идем с ней. Не отставая. Нет. Мы живем. Мы творим. Мы радуемся. Мы страдаем. Мы что-то двига-

Г. Пугаченкова, М. Массон. Ташкент. Фото
Е. Юдицкого, 8 x 13 см.

ем вперед. Мы забегаем вперед. И не только сами. Мы двигаем других - многих. Через Твое дитя мы перешагиваем за грань поколений. Это все достаточно полно... И Ты - путеводная звездочка со своим собственным движением. Ты - Эос, заря пробивающегося утра новой жизни человеческого существа. Спи, спи, спи... Люблю тебя. И как! А через тебя жизнь и все остальное. (26.01.1948)

101

Китюся, умоляю тебя, не очень бушуй, держи себя в руках - ты ведь председатель... Пожалуйста, не нервничай понапрасну. (На заседании Ученого совета в Доме ученых, 31.01.1948)

Галюшенька!

Войдя к Тебе поутру, чтобы принести свое приветствие, что скажу я в этот день, день Твоего рождения, в наш день?

- «Доброе утро, дорогая!» - это так уже хорошо, сама возможность произнесения этих слов с ответной улыбкой того, к кому они обращены.

- Я взгляну на Тебя, на маленького Току; на душе станет так тепло, так ясно, что губы сами произнесут: «Как хорошо!»

И прильнув к Тебе, может быть, затрепещу от тонкого ощущения счастья, может быть, поцелую, может быть, зарююсь в Твоем плече, чтобы скрыть наворачившиеся на глаза слезы, слезы ни с чем не сравнимой радости...

Я счастлив, что могу произнести как заветное людям, времени, всему - «Люблю Тебя, люблю Тебя, люблю Тебя»! Я счастлив, что люблю Тебя сейчас много больше, чем на заре наших первых встреч! Я счастлив тобой, моя подруга, мой верный друг, мой самый близкий в мире человек. И может быть, надо пережить много-много горестей, тяжелых разочарований, роковых ошибок, чтобы полнее ощутить всю подлинную красоту нового утра, новой зари, нового дня с его частицей драгоценнейшего на земле счастья... (7.02.1952)

Что же, как зрелый плод, дарит нам наша Большая Любовь, сложное, многогранное, настоящее, безграничное чувство, взлелеянное нами и поборовшее нас, его творцов и адептов?

То - чего нет у многих и многих.

Веру друг в друга, не нуждающуюся в зароках и испытаниях - их было достаточно.

Счастье от сознания, что каждый из нас в мире не одинок.

Радость возможности творить для людей на радость другому во взаимной поддержке.

Возможность ощутить, что Ты стала для меня еще дороже, еще ближе, чем была когда-либо, и что Любовь, казалось достигшая пределов безграничности, стала еще глубже, еще прочней.

Наконец, трепетность надежды, что мы встретим с Тобой там, впереди, еще много-много лет... (7.02.1953)

ДОМ СПЕЦИАЛИСТОВ НА НАБЕРЕЖНОЙ АНХОРА

В 1948 году Галина Анатольевна переехала к М. Массону в Дом специалистов, один из первых в Ташкенте жилых домов с комфортабельными квартирами.

Четырехэтажный красавец в сорок восемь квартир с ванными и туалетами (ранее последние были исключительно «удобствами во дворе»!) был построен в 1934 году в популярном тогда стиле конструктивизма по проекту архитектора Павлова. До этого, не говоря о традиционной узбекской жилой застройке, все дома европейской архитектуры были не выше одного-двух этажей - сказывались особые сейсмические условия

региона. Здесь же, практически впервые, была использована противосейсмическая железная арматура.

По завершении строительства было решено предоставить квартиры в этом доме деятелям науки и культуры Узбекистана. Первыми его обитателями стали артисты А. Хидоятгов, С. Ишантураева, театральный режиссер, основатель театра им. Хамзы М. Уйгур, один из основателей музыкального театра З. Кабулов, профессора геолог Б. Наследов, биолог И. Райкова, археолог М. Массон, востоковед П. Салиев, директор Музея искусств В. Афанасьев, видные врачи - А. Д. Греков, Левины, Манулкины, архитекторы А. Бабаханов, А. Караш, писатели М. Швердин, М. Шейх-заде, поэт Тураб Тула, чьим именем со временем стала называться улица, проходящая рядом с домом, украшенным многочисленными мемориальными досками.

А немного позже рядом появился еще один, более капитальный и гораздо богаче, если не сказать помпезнее, украшенный Дом сотрудников НКВД. Горькая ирония судьбы! Эти два дома стояли рядом, но в одном жили наблюдаемые, в другом - наблюдатели. Как же был похож ташкентский Дом специалистов на знаменитый московский дом на набережной, где тоже жили деятели науки и культуры и откуда многих из них увезли в никуда черные «воронки»...

Но как бы то ни было, этот дом, благодаря жившим в нем людям, обладал особой притягательной силой, и возможно когда-нибудь кто-нибудь соберется написать о нём роман. Интересными людьми были не только хозяева квартир, но и их многочисленные гости. Нередко «на огонек», пробивающийся из-за зеленых штор, в квартиру №34 на первом этаже заглядывали студенты, аспиранты, краеведы, коллеги М. Массона и Г. Пугаченковой, среди которых были академик В. Струве, члены-корреспонденты АН СССР А. Якубовский, профессора И. Петрушевский, А. Окладников, Л. Мацулевич, А. Маргулан, зарубежные ученые - Д. Шлюмберже, П. Бернар, П. Шювен, Ж. Фюссман (Франция), Г. Чайлд (Англия), А. Нараин (Индия), Р. Фрай (США) и многие другие. В доме всегда были люди, многие приходили без предварительного звонка - знали, что им всегда будут рады и никогда не откажут ни в совете, ни в консультации, ни в возможности ознакомиться с какой бы то ни было книгой. Оттого, наверное, у хозяйки выработалась привычка всегда быть в полной форме - нарядное платье, красиво уложенная прическа, легкий макияж, изысканные восточные украшения, туфли на высоком каблуке. Халатов и тапочек в доме никогда не водилось.

ПЕДАГОГИЧЕС- КАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Педагогическая деятельность никогда не занимала доминирующего положения в жизни Г. Пугаченковой: её не прельщало из года в год повторять то, что она сама уже давно освоила. Душа стремилась к новым открытиям, а не к рутине еженедельных лекций. Так, по крайней мере, она сама говорила. Однако сбрасывать со счетов эту сторону ее научной биографии тоже нельзя. С одной стороны, чтение лекций - будь то в Узбекистане, или во Франции, или в Марокко - сопровождало её на протяжении всей жизни. С другой - ею воспитаны многие сегодняшние доктора наук, кандидаты и просто «неостепененные» архитектуроведы, в меньшей степени историки искусства и археологи.

Первым опытом работы на педагогическом поприще стали лекции по всемирной истории архитектуры и истории искусств, которые Г. Пугаченкова в течение трех лет читала на архитектурном факультете Среднеазиатского Индустриального института (1938-1941). Однако вскоре после защиты кандидатской диссертации она, покинув свою альма-матер, перевелась по приглашению М. Массона на кафедру археологии Средней Азии. В рамках учебного плана, разработанного М. Массоном (который, кстати сказать, практически без изменений сохранялся на кафедре до недавнего времени), важное место отводилось лекционным курсам по истории искусства Востока, которые и были возложены на Г. Пугаченкову. Вновь испеченному кандидату наук предстояло буквально с нуля, не опираясь на предыдущий опыт, подготовить лекции по спецкурсам «Архитектурные памятники Средней Азии», «Архитектурные памятники Ташкента», «Искусство Ирана и Афганистана», «Искусство зарубежного Востока».

Почему же практически с нуля - на заре сороковых годов? Неужели не было устоявшихся традиций преподавания истории искусств в САГУ - старейшем университете Средней Азии? И почему кафедра археологии Средней Азии, притом, что первые шаги по изучению археологического прошлого Туркестана были предприняты еще в семидесятые годы прошлого века, была образована так поздно?

Позволю себе небольшое отступление, посвященное перипетиям высшего исторического образования в Узбекистане, которое необходимо для понимания «феномена» археологической школы М. Массона и ответа на вопрос, сложилась ли научная искусствоведческая школа Г. Пугаченковой.

АРХЕОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕ- ДЕНИЕ В САГУ

Первой пристанью искусствоведения и археологии в Среднеазиатском государственном университете стал историко-филологический факультет, немногочисленный профессорско-преподавательский корпус которого состоял из петроградских и туркестанских специалистов (М. Андреев, В. Бартольд, С. Безобразов, Н. Вундцеттель, Д. Граменицкий, В. Кун, А. Семёнов, И. Умняков, А. Шмидт и другие). Он открылся 31 августа 1920 года и объединил практически все гуманитарные науки, составившие образовательные циклы по философии, истории, русской словесности, исламоведению и иранской филологии²¹. Курсы по истории искусств и археологии были обязательными для каждого цикла²².

Однако история историко-филологического факультета оказалась короткой - сначала последовала частичная передача его функций вновь созданному факультету общественных наук, в самом наименовании которого проглядывало требование политизации гуманитарных дисциплин, а вслед за этим - подписанный В. Лениным декрет СНК РСФСР от 4.03.1921 года «О плане организации факультета общественных наук Российских университетов».

Параграф два этого декрета гласил: «В нормальный состав факультетов общественных наук Российских университетов входят отделения: экономическое с циклом: организации труда, промышленности, снабжения и финансово-административным; общественно-педагогическое с циклом: школьным и внешкольным»²³. История, филология, философия, археология и искусствоведение не упомянуты вовсе. Только для МГУ, старейшего университета страны, было допущено некоторое послабление. В виде исключения были открыты отделения статистики, внешних сношений и художественно-литературное. Немного позже «Примечанием» к параграфу третьему вышеназванного декрета воспользовался Петроградский университет, испросив себе право на организацию «этнолингвистического отделения», включавшего романо-германскую и славяно-русскую секции. На молодой Среднеазиатский университет, увы, эти привилегии не распространялись. К 1932 году, на факультете общественных наук САГУ «благоразумно» было оставлено только экономическое отделение²⁴, а об историко-филологическом вообще не встречается уже ни одного упоминания в многочисленных документах архива САГУ.

Но «отставка» была дана только тем наукам, предмет изучения которых составляли русская и западноевропейская история, философия и филология. Востоковедение, которое молодая советская власть воспринимала исключительно как науку, имеющую прикладное значение и не

посягающую на политику, было сохранено во всех своих ипостасях. Его оплотом стал Туркестанский восточный институт, который позже, в 1924 году, был включён в систему САГУ и преобразован в восточный факультет. В его стенах удалось сохранить максимально широкий спектр гуманитарных дисциплин. Об этом говорит и проект штатного расписания 1924 года, предусматривающий существование двенадцати различных кафедр на факультете. На двух отделениях востфака - этнологическом и педагогическом - теснились практически все отвергнутые науки: турецкая и иранская филология, исламоведение, арабская словесность, история мусульманского Востока.

Но это была лишь малая толика того, что хотели видеть на востфаке профессора и преподаватели. В университетском архиве сохранились проекты учебных планов, рисующие грандиозные мечты российско-востоковедения в САГУ. Эти планы, впоследствии частично реализовавшиеся на практике, составлялись в 1927 году во время очередной реорганизации факультета, вынужденного перманентно переориентировать свою специализацию с учётом политической конъюнктуры. Несмотря на частные разногласия, проекты М. Гаврилова, А. Шмидта и М. Цвибака сходились в главном - подготовка востоковедов должна включать в себя разные области ориенталистики: историю, этнографию, лингвистику, литературу, археологию и искусствоведение.

В соответствии с этим предполагалось организовать на востфаке несколько образовательных циклов: лингвистический, литературный и краеведческий. Последний, наряду с исторической и этнографической, предусматривал и археолого-искусствоведческую специализацию, начинавшуюся с третьего курса. Ориенталистическое направление этой специализации определялось главной задачей, стоящей перед востфаком - всесторонне изучать своеобразный восточный мир, столь не похожий на привычный, европейский уклад жизни. Помимо специальных дисциплин для археологов и искусствоведов²⁵ специалисты кафедры археологии и истории мусульманского искусства, среди которых был и специально приглашённый для чтения лекций по истории искусств Востока из Казанского университета профессор А. Миронов²⁶, читали лекции для студентов других образовательных циклов²⁷.

История искусств Востока, по сути, ещё не была написана и её первыми авторами предстояло стать преподавателям и профессорам восточного факультета. Сочетая в себе талант исследователей и призвание педагогов, большинство из них не только читали лекции в университете, но и сотрудничали с музеями, библиотеками, работали в архивах, принимали участие в многочисленных экспедициях по Средней Азии, привлекая ко всем своим научным занятиям студентов.

Подобная практика давала хорошие результаты - по истечении четырёх лет обучения студенты свободно ориентировались в вопросах востоковедения и имели за плечами опыт практической работы. Наблюда-

ния, сделанные во время этнографических, археологических и лингвистических экспедиций, отливались в доклады, с которыми студенты выступали на заседаниях факультетского кружка ориенталистов, на собраниях секции археологии и этнографии ТОРГО, в Средазкомстарисе, публиковали на страницах «Бюллетеня САГУ». И довольно часто в этих докладах затрагивались вопросы, связанные с историей искусств и археологией Средней Азии. Многие их авторы - П. Иванов, А. Морозова, В. Мошкова, Е. Пещерева, В. Шишкин - впоследствии стали старшими коллегами Г. Пугаченковой и от них протянулись к ней ниточки от первых исследователей-туркестанцев.

На востфаке также существовал свой минцкабинет, где были представлены геммы, фрагменты оссуариев, образцы терракоты и керамики, старинные рукописи и монеты²⁸. Основу его составило собрание древностей И. Пославского, частично переданное после его смерти Туркестанскому восточному институту (спустя годы, Г. Пугаченкова посвятит одну из своих статей трем геммам из коллекции этого туркестанского генерала военно-инженерных войск).

Среднеазиатское востоковедение, а вместе с ним археология и искусствоведение крепили, набирая силу в стенах восточного факультета университета. Но... История вторично продемонстрировала свою алогичность и приверженность парадоксам. В начале тридцатых годов советская власть начала декларировать повышенный интерес к истории. Государству потребовалась настоящая, «живая», а не придуманная история. Был даже объявлен свободный конкурс на учебник истории СССР для начальных классов. В душах историков, поверивших в реальность этих деклараций, затеплилась надежда. На практике же начало третьего десятилетия XX века было ознаменовано повальным закрытием или реорганизацией тех самых учреждений, которые и должны были изучать историю. В сентябре 1930 года история окончательно была изгнана из САГУ: востфак преобразовали в педагогический факультет. А год спустя, по грозной 58-й статье были арестованы наиболее яркие и неординарные его профессора и преподаватели, составлявшие костяк восточного факультета²⁹. По сути это означало не только ликвидацию востфака (формально он получил иной статус: Таджикский высший агро-индустриальный институт)³⁰, но и всей ташкентской школы востоковедения, включавшей в себя и археологию с искусствознанием. Последний островок свободомыслия растворился в безбрежном океане наступающей политизации гуманитарных наук. Давние университетские традиции преподавания филологии, истории, археологии и искусствоведения были прерваны.

Право на существование история и археология обрели только в 1935 г. с открытием исторического факультета³¹. В 1939 году М. Массон был впервые приглашен в САГУ для чтения курсов по общей археологии, а 1 апреля 1940 года ему удалось создать свою собственную кафедру археологии Средней Азии.

Искусствоведению и филологии пришлось дожидаться ещё семь лет, когда, в 1942 году, был вновь создан историко-филологический факультет, объединивший под своей крышей историю, археологию, искусствоведение, русскую и восточную филологию³².

Отчасти это было связано с массовой эвакуацией в Ташкент московской и ленинградской профессуры. Впервые после 1920 года, когда знаменитым поездом в Среднюю Азию прибыли московские и петроградские специалисты, Узбекистан получил такое мощное пополнение научными и преподавательскими кадрами: во время войны 28 эвакуированных профессоров были зачислены в штат САГУ³³. На вновь (уже в который раз!) образованном факультете и возникла кафедра искусствознания (февраль 1942). Впоследствии, после образования отдельных факультетов - исторического и филологического, произошедшего в декабре 1942 года, она осталась на филологическом факультете и лишь в июле 1945 года была передана историческому факультету, став пятой по счёту факультетской кафедрой³⁴. С этого момента на истфаке существовало четыре отделения, по которым велась специализация студентов: история, археология, искусствоведение и история ВКП (б).

Кафедра М. Массона, где помимо него самого, взявшего на себя основную тяжесть преподавания, читали лекции А. Семенов и А. Хамраев, олицетворяла собой Восток³⁵. Кафедра искусствоведения, возглавляемая крупнейшим специалистом в области западноевропейского искусства профессором Б. Виппером, коллегами которого стали такие учёные как И. Гинзбург, В. Зуммер, Ю. Колпинский, Ж. Мацулевич, В. Мошкова, М. Нейман, А. Фёдоров-Давыдов, Г. Чабров, В. Чепелев, А. Эфрос, - воплощала Запад. Г. Пугаченкова существовала между археологией и искусствоведением, между Востоком и Западом, читая свои курсы по истории искусств Востока по обеим кафедрам, хотя и числилась по кафедре М. Массона. Правда, помимо искусствоведческих дисциплин для студентов-археологов она вела также практические занятия чисто археологического профиля - «Методика обработки археологического материала», а позднее приступила к чтению лекций для студентов восточного факультета («Искусство зарубежного Востока» - ранее читался В. Зуммером³⁶, «Искусство Ирана и Афганистана»).

Тяжёлое материальное положение, нередко - жилищная неустроенность, отсутствие привычных условий для работы, разлука с близкими и родными - вот немногие из тех реалий, которые определяли жизнь ташкентских и эвакуированных учёных в военные годы. Помимо этого у некоторых из коллег Г. Пугаченковой были весьма напряжённые отношения с существующей политической системой - статус В. Зуммера, Г. Чаброва, В. Чепелева, А. Эфроса приближался к статусу полуофициальных ссыльных. Но несмотря на все сложности и утраты (вскоре после создания кафедры искусствоведения скончался В. Чепелев и практически все студенты-юноши первых двух выпусков кафедры археологии не верну-

*М. Массон. Лекция на кафедре археологии
САГУ. Ташкент, 1953 г. Фото Е. Юдицкого,
9 x 13,5 см.*

лись с войны), работа обеих кафедр постепенно наладилась. Читались лекции, проводились спецсеминары, подготавливались научные конференции, писались научные работы. Кафедра археологии проводила раскопки, правда в основном в Ташкенте и его окрестностях (в частности проводилось историко-топографическое обследование остатков Шейхантаурского кладбища в сопоставлении их с данными дореволюционных публикаций и раскопки у мавзолея Юнус-хана конца XV века).

Сразу же после открытия на кафедре искусствознания состоялись защиты диссертаций: А. Фёдоровым-Давыдовым была защищена докторская диссертация на тему «Пейзаж в русской живописи» (официальные оппоненты: проф. Б. Виппер, проф. Б. Михайловский, проф. А. Эфрос); кандидатская работа В. Чепелева была посвящена «Античной стадии в искусстве народов СССР» (официальные оппоненты: проф. А. Якубовский, проф. С. Толстов)³⁷.

Кафедра археологии защитами пока еще похвастаться не могла, но здесь шла деятельная подготовка будущих научных кадров. Хотя нелишне будет заметить, что сам М. Массон, не раз не защищая диссертации, был по совокупности внесенного им научного вклада в изучение древностей Средней Азии еще в 1936 году по представлению академика И. Орбели удостоен Академией наук СССР ученого звания доктора археологии, которое в 1949 году было дополнено дипломом доктора исторических наук.

Члены обеих кафедр и студенты принимали участие и в так называемых «востоковедческих вторниках» - объединённых заседаниях Института истории и археологии и Института по изучению восточных рукописей. По воспоминаниям востоковеда Д. Вороновского, эти заседания напоминали чрезвычайно насыщенные симпозиумы по всем вопросам востоковедения, участниками которых были узбекские, московские и ленинградские специалисты³⁸. Помимо этого на кафедре М. Массона был организован СНАК - студенческий научный археологический кружок, где нередко в годы войны в числе выступавших были академики В. Струве, И. Орбели, профессора И. Петрушевский, А. Якубовский, С. Замятин и ряд других интересных исследователей. И вот в этой-то высокоинтеллектуальной, блистательной научной среде, представлявшей лучшие традиции московской, Санкт-Петербургской и Туркестанской научных школ, выкристаллизовывалась манера чтения лекций Г. Пугаченковой - немного сухая, академическая, информативно-насыщенная, подкупающая логикой построения излагаемого материала, фундаментальностью и обоснованностью выводов. Возможно, близкое общение с эвакуированными востоковедами, историками, искусствоведами способствовало также формированию того универсализма, что был присущ Галине Анатольевне в её последующих работах.

Условия обучения в военное время были близки к экстремальным - все шесть факультетов САГУ (исторический, филологический, химический, биологический, физико-математический, почвенно-геолого-географический) теснились в зданиях бывших мужской и женской гимназий и реального училища. Нехватка аудиторий стала хронической, и лекции часто читались в помещениях, весьма слабо для этого приспособленных, - в канцелярии, библиотеке, в коридорах и даже на лестничных клетках. Не спасало и введение двухсменной системы обучения и занятий по воскресеньям. Не хватало стульев, столов; зимой помещения практически не отапливались³⁹.

Но несмотря на бытовую неустроенность, по воспоминаниям первых выпускников кафедры, лекции читались на очень высоком уровне. Чтение многочисленных курсов по истории искусств обязательно сопровождалось демонстрацией репродукций памятников искусства, но так как слайдотекой в ту пору университет не располагал, то преподаватели были вынуждены носить с собой на лекции огромные фолианты, и Галина Анатольевна не была здесь исключением (сбылась её студенческая мечта - роскошные альбомы по истории искусства занимали теперь большое место в её личной библиотеке).

Полярность кафедр археологии и искусствоведения - Востока и Запада - стала менее разительной после начала эвакуации столичной профессуры в Россию. При В. Зуммере, что возглавил кафедру искусствоведения после Б. Виппера, началась её постепенная ориентализация. Курсы «Искусство Средней Азии» (В. Зуммер), «Художественные памятники

Ташкента» (М. Массон), «История ковроткачества» (В. Мошкова), «Искусство зарубежного Востока» (Г. Пугаченкова), «Художественная восточная рукопись» (А. Семёнов) заняли доминирующие положение в программах обучения.

Казалось, между кафедрами археологии и искусствоведения установился взаимодополняющий паритет. Теперь уже не одна Г. Пугаченкова, но и другие специалисты обеих кафедр читали параллельно лекции и для студентов-археологов и для студентов-искусствоведов.

БОРЬБА С КОСМОПОЛИТИЗ- МОМ И «ОХВОСТЯМИ БУРЖУАЗНОЙ НАУКИ»

Но 1949 год стал годом трагического перелома. Начавшаяся кампания борьбы с космополитизмом, носившая характер продуманной политики в общегосударственном масштабе, захватила буквально все отрасли науки. Печатные издания запестрили безапелляционными обвинениями в адрес учёных: «Космополиты всех видов и категорий, люди без рода и племени, диверсанты и вредители в литературе, искусстве, науке и архитектуре, - злобно отрицают передовую роль советской социалистической культуры и её ведущее место в мировой культуре»⁴⁰. Айбек, вовлеченный в эту круговерть как лицо государственного значения, на расширенном заседании отделения гуманитарных наук АН УзССР конкретизировал для среднеазиатского региона основные направления начавшейся идеологической кампании: «Нам необходимо до конца разоблачать всё чуждое, реакционное, вредное, враждебное - национализм, космополитизм, пантюркизм, панисламизм, паниранизм и т. д., разоблачать ядовитую идеологию реакционеров, выкорчёвывать весь буржуазный хлам»⁴¹.

Система требовала персонификации новоявленных врагов отечества - и в стане космополитов оказались многие узбекские ученые - А. Алимухамедов, Е. Бертельс, Х. Зарипов, В. Жирмунский. К «безродным космополитам» и «охвостам буржуазной науки»⁴² в стенах Ташкентского университета одним из первых был причислен А. Семёнов. Его «ошибки» были рассмотрены на расширенном заседании учёного совета истфака, который «заклеймил позорные факты преклонения проф. Семёнова перед иностранной культурой и потребовал от советского учёного изжи-

вания этого серьёзного недостатка»⁴³. Немало претензий было к В. Зумеру и Г. Чаброву, чья вина заключалась в том, что история искусств в их лекциях преподносилась «в отрыве от истории общества, вне связи с социально-экономической ситуацией и классовой борьбой пролетариата», с «эстетско-формалистических позиций, основанных на профессорском объективизме и безыдейности».

Но дело не обошлось обвинениями по адресу отдельных исследователей. Критике была подвергнута вся научная работа кафедр археологии и искусствоведения, для которых, со слов проверяющих, была характерна «случайность и пестрота тематики». «Фрагментарность и лоскутность» их планов не оставили у комиссии впечатления «целестремленности». Но на защиту кафедры археологии, уже успевшей приобрести к этому времени имя, встали многие учёные. В их числе был и уже не единожды за свою жизнь ошельмованный А. Семёнов, выступление которого на заседании учёного совета истфака, возможно, предотвратило нападки и будущий разгром кафедры: «Кафедра археологии совершила открытие чрезвычайной важности. Хоть это Южно-Туркменистанская экспедиция, но исполнитель - наш факультет, наша кафедра, наш университет. Члены нашего коллектива - студенты, преподаватели во главе с профессором - открыли целую цивилизацию, о которой науке ничего не известно»⁴⁴.

За искусствоведение вступить было некому. О недавних успехах кафедры уже никто не вспоминал, зато всё яснее становились причины её многочисленных «ошибок»: «Уход от нашей современности в глубь седой древности, нежелание заниматься разработкой вопросов советского искусства. Когда мы <по этому вопросу> критикуем археологов, то они говорят: наша специфика такова, что у нас только древность. Но вот когда кафедра истории искусства ... пошла по следам археологов, то тут мы должны <её> поправить. Мы не видим ни одной темы по искусству советского Узбекистана, зато разрабатывается тема о том, как местные среднеазиатские мастера подражали китайским мастерам в XVI-XVII веке в изготовлении фарфора»⁴⁵. Нам скажут: должны же мы обрабатывать коллекции ЮТАКЭ. Безусловно, должны, но если из этих коллекций мы будем выбирать тему, наподобие только что названной, то грош цена будет нашим экспедиционным работам... Надо решительно ломать научную направленность кафедры, от среднеазиатского средневекового искусства смелее и решительнее переходить к искусству советского Узбекистана, иметь в составе кафедры людей, которые бы с энтузиазмом занимались советским искусством»⁴⁶.

Логичным завершением этой кампании стало увольнение В. Зумера из САГУ в апреле 1949 года, вслед за которым впервые встал вопрос о закрытии кафедры искусствоведения. Однако учёный совет истфака решил «сохранить кафедру в системе САГУ», но при этом «в целях коренного изменения положения на кафедре» предусматривалось: пересмотреть учебные планы и изменить состав работников кафедры, «укре-

пив её новыми, высококвалифицированными специалистами»; студентов-искусствоведов обязать изучать весь комплекс общественно-исторических дисциплин по общим истфаковским программам; а также, «отмечая неудовлетворительное состояние кадров искусствоведов из числа лиц местной национальности... усилить привлечение национальной молодёжи на искусствоведческое отделение»⁴⁷.

В целях «укрепления» кафедры были увеличены её штаты до четырёх единиц - зав. кафедрой, доцент и два ассистента⁴⁸. Заведование кафедрой в порядке партийного поручения было возложено на Г. Пугаченкову.

Перестройка коснулась в первую очередь научно-исследовательской работы кафедры. Памятуя о том, что прежний план «страдал разнообразием тем», члены кафедры, хотя и были специалистами разной направленности, попытались найти одну тему, которая смогла бы объединить их усилия. Исходя из этих соображений и была выбрана широкая, а потому и аморфная тема «Искусство Средней Азии прошлых веков и советского периода». В рамках этой общекафедральной темы Г. Пугаченкова разрабатывала проблемы периодизации древнего искусства Средней Азии; Н. Аведова - «Народная художественная традиция в прикладных искусствах Среднего Востока по данным энциклопедии Ваджида Али»; Б. Литвинский - «Древнейшая терракотовая скульптура Южного Туркменистана»; А. Морозова - «Народное искусство каракалпаков в прошлом и настоящем»; М. Мюнц - «Живопись Узбекистана после исторического постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам (1945-49 год.)»; С. Судаков - «Ленин и Сталин в творчестве художников и в народном искусстве Узбекистана»; Г. Чабров - «Музейное дело в Узбекистане за советский период»⁴⁹.

Но несмотря на все высокие постановления и усилия членов кафедры, почвы для радикальных изменений не наблюдалось. Высококвалифицированных специалистов было недостаточно. Л. Ремпель находился в Джамбуле на положении ссыльного: литер «члена семьи заключённого» лишала его всякой надежды не только на возможность преподавания в САГУ, но и делало нереальным само проживание в Ташкенте. Что же касается выпускников исторического факультета, то только в 1945-1946 годах был осуществлён первый выпуск специалистов-искусствоведов и археологов, из числа которых и были набраны новые преподаватели для кафедры (Н. Абрамова, И. Морозова (Прица), М. Мюнц, Б. Литвинский). Несмотря на огромное желание работать, вчерашние студенты не имели ни преподавательского опыта, ни, по большому счёту, достаточного объёма знаний. Результатом подобной кадровой политики стало снижение уровня преподавания.

Вместе с тем, была «усилена среднеазиатская специфика» - были введены новые спецкурсы - история материальной культуры Средней Азии (Б. Литвинский), искусство советского Узбекистана (М. Мюнц), история

архитектуры Средней Азии (В. Нильсен). Подобные изменения в программе сулили в дальнейшем появление самостоятельной школы среднеазиатского искусствоведения, столь же своеобразной, как и школы археологии. Не будет натяжкой сказать, что позиции археологии и искусствоведения в САГУ на какой-то момент стали сопоставимы, как и положение М. Массона и Г. Пугаченковой.

Но выброшенный судьбой шанс остался невостребованным - заведение кафедрой искусствоведения для Г. Пугаченковой было недолгим. Не в силах противостоять новой политической доктрине и сохранить кафедру в первоначальном виде (возможно, в силу молодости и отсутствия опыта руководства научным коллективом), через полтора года она вновь возвращается на кафедру археологии, а исполняющим обязанности заведующего кафедрой искусствоведения становится Г. Чабров.

Кафедра стремилась быть лояльной, но показное послушание не спасло. Кафедра явно агонизировала. В сентябре 1952 года она была преобразована в кафедру музееведения, состоящую из двух штатных единиц: Г. Чабров заведовал кафедрой, Н. Абрамова занимала должность преподавателя; остальные - А. Морозова, И. Прица, Г. Пугаченкова, Б. Литвинский, М. Мюнц - сотрудничали с кафедрой в качестве почасовиков и совместителей⁵⁰. В итоге, так и не выпустив ни одного специалиста-музееведа, прослушавшего полный курс музееведческой специализации, кафедра в 1953 году прекратила своё самостоятельное существование и влилась в кафедру истории СССР, а традиция подготовки искусствоведов в САГУ-ТашГУ ещё раз прервалась⁵¹.

Борьба с космополитизмом, приведшая к радикальной смене векторов, наложила трагический отпечаток не только на развитие университетской науки, но вызвала пагубные последствия для всей узбекской науки в целом. Возможности изучения зарубежной, как западной, так и восточной литературы, изобразительного искусства, истории были сведены к минимуму. Железный занавес всё сильнее отгораживал одну шестую часть суши от остального мира; зримо нарастали почвеннические и изоляционистские тенденции.

Г. Пугаченкова, как член коммунистической партии с января 1942 года, могла наблюдать эту обструкцию искусствоведения в мельчайших деталях, присутствуя на всех «проработках» «провинившихся». Идея, которая вызревала в недрах её подсознания - теснейшая связь археологии с искусствоведением - была подвергнута остракизму; первой в качестве исключения разрешалось заниматься древностью, от второго требовали разработку исключительно современной тематики, по сути подменяя понятие «искусствоведение» понятием «художественная критика» и отвергая тем самым такие отрасли науки об искусстве, как история и теория искусства. В подобной ситуации заниматься историей искусства можно было лишь под флагом археологии; декларирование себя искусствоведом было равнозначно заявлению, что ты - художественный критик, а

всяческое прикосновение к современному искусству было чревато непредсказуемыми последствиями, если вдруг кому-то почудится в твоих опусах хоть малейшие разногласия с господствующей розой ветров государственной конъюнктуры. Аполитичность и научную объективность можно было сохранить, лишь изучая исторические периоды весьма отдаленные во времени от современных событий. Степень идеологической деформации художественной критики была наибольшая. Возможно именно поэтому современное искусство никогда не фигурировало в реестре научных интересов Галины Анатольевны.

Хотя однажды, когда я спросила ее, почему среди её многочисленных работ, в которых так или иначе затрагиваются все виды и жанры пластического искусства, нет ни одной, где речь шла бы о процессах, происходящих в современном художественном мире, она дала совершенно неожиданный для меня ответ.

Проникновение в исторические процессы дает радость познания, возможность объективного анализа, научно-обоснованных выводов. И это - улада для ума, - улыбнулась сияющими глазами Пугаченкова. - Временами исследовательская работа напоминает мне шахматную игру, которой я так увлекалась когда-то. Только партнер - не личность, но сам объект исследования, который создает множество трудных положений. И мы отыскиваем решение - не математически точное, единственное, безусловное, но одно из лучших и наиболее возможных. И прелесть поиска - не в выводе законченных формул, в которых каждая новая протекает из железной неоспоримости первой, но в том, что правильная догадка порой бывает значительнее кучи доскональных описаний, что интуиция перегоняет анализ, что - как в шахматной партии - несмотря на однотипность исходной позиции и даже дебюта, развитие темы определяет твоя индивидуальность - со всеми её комбинациями и прозрениями, сомнениями и решимостью.

Что же до современного искусства - предпочитаю воспринимать его не умом, а сердцем. Пусть это очень субъективно, но такова магия искусства, и здесь анализу я предпочитаю прямое духовное общение. Мне нравится слушать музыку современного искусства, а не препарировать его скальпелем интеллекта и эрудиции.

Что ж, возможно это и так, и я ошибаюсь, видя в факте отсутствия в библиографии Г. Пугаченковой художественно-критических работ политическую подоплеку. Но вернемся к «учительству».

УЗБЕКСКАЯ ШКОЛА ИСКУССТВОВЕ- ДЕНИЯ - ШКОЛА Г. ПУГАЧЕНКО- ВОЙ?

116

Педагогическая деятельность Г. Пугаченковой не была ограничена стенами высших учебных заведений, а заведование университетской кафедрой - венцом желаний. Пожалуй, быть «университетским преподавателем» никогда не было её истинным призванием. В отличие от М. Массона, которому нравилось формировать студентов «с молодых ногтей» (потому-то кафедра археологии и стала главным делом его жизни, а выражение «школа Массона» утвердилось в анналах среднеазиатской археологии), Галине Анатольевне нужны были скорее не ученики, а сподвижники. Или - как минимум - уже относительно подготовленные молодые ученые, претендующие на звание кандидатов наук. Не искать чудесный самородок в горах пустой породы и даже не шлифовать чужой талант, доводя его до алмазной огранки, а самой идти вперед и вперед, увлекая за собой других и вдохновляя их, - в этом был её дар.

По своему духу она была первооткрывателем и первопроходцем. Привыкшая брать всю ответственность на себя, она боялась что-либо доверить другим - за редким исключением ей казалось, что любая работа - курсовая, дипломная, кандидатская или докторская - могли бы быть сделаны намного лучше. «Примеряя» всех на «свой аршин», она требовала многократных доработок и исправлений; её яркая творческая индивидуальность отчасти подавляла окружающую её молодежь, хотя и стимулировала её научный рост. В этом её научные установки не совпадали с принципами М. Массона. Со слов Э. Ртвеладзе, контроль над кандидатскими диссертациями у М. Массона мог ограничиваться чтением вслух трех избранных страниц рукописи - в начале, в середине и в конце. Не то было у Пугаченковой - текст внимательным образом вычитывался и корректировался. Личность учителя всегда властно доминировала над личностью ученика.

Пожалуй, единственный аспект, который прельщал Галину Анатольевну в педагогической деятельности - сформулировать проблему, подобрать изобразительный ряд, выстроить на нем свои гипотезы и представить на суд публики сделанные выводы. Чтение проблемных лекций или, что почти одно и то же, выступление на научных симпозиумах, - было её

коньком. В качестве одного из примеров можно сослаться на лекции, прочитанные Г. Пугаченковой в Коллеж де Франс в Париже в 1978 году. Все четыре лекции - древнее искусство Средней Азии в свете новейших исследований и архитектура Средней Азии XI-XII, XIV-XV, XVI-XVII веков - были во многом выстроены на результатах её собственных полевых исследований и несли в себе сильный эвристический заряд. Но опять-таки, почти всегда это было блистательное соло, очень редко - дуэт и никогда - команда. Она была безусловным лидером, и как положено лидеру - индивидуалистом-одиночкой.

Сложилась ли научная школа Г. Пугаченковой? Однозначного ответа здесь нет.

С одной стороны, скорее да, чем нет. Ибо многие современные исследователи справедливо считают себя её учениками. На её монографиях и статьях выросло не одно поколение исследователей среднеазиатской культуры, её лекции хранят в памяти многие выпускники САГУ-ТашГУ сороковых-шестидесятых годов, принадлежащих к единой научной парадигме, к её консультациям нередко прибегают вплоть до сегодняшнего дня и её оценки по-прежнему самые авторитетные в области истории искусства Средней Азии, зачастую не подлежащие критике. Помимо этого на протяжении многих лет Г. Пугаченкова выполняла обязанности члена спецсовета Института искусствознания, консультировала и руководила работами молодых ученых. Достаточно сказать, что под её руководством было защищено две докторских диссертации (Л. Маньковская, Э. Исмаилова) и восемнадцать кандидатских: из Узбекистана - В. Левина, П. Захидов, И. Ноткин, Т. Кадырова, Ю. Шваб (все по архитектуре), Ш. Ташходжаев, Н. Столярова (керамика), Н. Немцева, Б. Тургунов (археология), З. Рахимова, В. Нурматова (миниатюра), С. Горшенина (историография); из Таджикистана - Б. Майтдинова (история костюма); из Казахстана - З. Шарденова (архитектура); из Туркменистана - Н. Бешимова (керамика); из Киргизии - С. Перегудова (архитектура); из ГДР - К. Рюрданц (миниатюра) и из Японии - К. Кавасаки (буддийское искусство).

С другой стороны, скорее нет, чем да. Ибо она воспитала специалистов в области архитектуроведения (их число превалирует - сказалась её собственная профессиональная подготовка), археологии и истории миниатюры, но среди её учеников, пожалуй, нет ни одного, кто бы унаследовал её универсализм и всеохватность именно в области истории искусств. Почему? Потому, что к концу XX века время универсализма давно кануло в лету? Но и в 1940-е годы, когда Г. Пугаченкова приступала к активным исследованиям, универсализм уже давно был достоянием прошлого, хотя, безусловно, в области среднеазиатской истории искусств было еще много белых пятен. Пожалуй, дело в другом.

К концу 1940-х годов в области истории искусства Средней Азии уже сформировалась узбекская искусствоведческая школа (для художественной критики и теории искусства были характерны запаздывающие

темпы развития). История искусства уже выделилась из общего комплекса востоковедческих дисциплин, вобрав в себя методологические подходы историков, археологов, этнографов, востоковедов, что ранее затрагивали в своих работах проблемы пластических искусств. В ходе многочисленных археологических, архитектурных и этнографических рекогносцировок, а позднее и археологических раскопок, был собран огромный фактический материал, сформированы крупные частные и государственные музейные собрания, опубликованы первые аннотированные каталоги, справочники и фотоальбомы, сделаны первые попытки научной атрибуции памятников.

К концу 1950-х годов на повестке дня встала «реконструктивная» задача. Её целью было «увязать» разнообразные факты в единую целостную структуру, выявив их связи и отношения в пределах художественной жизни ряда эпох и «ключевые» памятники, определяющие собой моменты качественных изменений в искусстве. По сути, вся логика развития искусствоведения в Средней Азии требовала создания всеохватывающей истории искусств региона. Первым опытом в этом плане были появившиеся в 1956 году работа Г. Пугаченковой совместно с Л. Ельковичем «Очерки по истории искусства Туркменистана», немного позже - соответственно в 1958 и 1960 годах - монографии Г. Пугаченковой и Л. Ремпеля «Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана» и «Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана». Вслед за первыми «пробными шарами» Г. Пугаченкова и Л. Ремпель рискнули взяться за грандиозное предприятие написания «Истории искусств Узбекистана» и блестяще для того периода реализовали этот знаковый для всей узбекской школы искусствоведения проект. Появление книги «История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века», а позже, в 1982 году, «Очерков истории искусств Средней Азии», говорило о зрелости узбекской школы, ибо решение подобного рода задач доступно лишь ученым, обладающими не только навыками корректной и тщательной работы с материалом, широким историческим кругозором и тонким художественным вкусом, но и имеющим возможность опираться в своих исследованиях на работы предшественников.

«История искусств Узбекистана» была создана. Узбекская научная школа искусствоведения заявила о себе в полный голос. И лицом её на многие годы вперед стали авторы этой монографии. Им адресовались и критика и похвала, на них ссылались, их труд использовали в качестве учебника и справочного издания, формируя таким образом, определенную научную парадигму следующего за Г. Пугаченковой и Л. Ремпелем поколения исследователей искусства.

Вместе с тем, узбекская школа искусствоведения не равнозначна этим двум именам и не может быть определена ни как школа Г. Пугаченковой, ни как школа Л. Ремпеля как в силу существования параллельных научных центров, занятых той же проблематикой, так и по причине отсутствия собственной, детально разработанной методики, отличной от мето-

дов, адаптированных иными научными структурами. Скорее оба исследователя могут быть оценены как её стержень, смысловое и ценностное ядро, экстракт, где сконцентрировались как достоинства, так и недостатки науки об искусстве в Узбекистане, как своего рода её символ. Хотя, нередко, о них говорили - ташкентская школа и это, пожалуй, ближе к истине.

Вместе с тем, не будет большой натяжкой отметить, что дискуссия о наличии или отсутствии многочисленных последователей, относящих себя к некой определенной школе, в принципе возможна только на постсоветском пространстве, где существовала и существует поныне разветвленная система Академии наук с тысячной армией исследователей. Лишенные, во многом искусственно, возможности изучать историю других регионов, среднеазиатские специалисты были вынуждены сосредоточить свои усилия на изучении отечественной истории. Пропорционально сужению исследовательского поля возрастало число специалистов по Средней Азии. Исследовательский корпус историков искусства и археологов Узбекистана многократно в численном отношении превосходит французскую школу среднеазиатской археологии как по причине отдаленности французских научно-исследовательских центров от непосредственного объекта изучения, влекущей за собой серьезные финансовые расходы, так и в силу отсутствия традиций подготовки большого количества специалистов в данной области во Франции. Соответственно, смысл понятия научной школы различен: во Франции понятие школы может быть связано с именами учителя и его единственного ученика; на постсоветском пространстве наличие школы предполагает гораздо более значительно число её представителей.

Пока же снова, назад - в сороковые.

ЮЖНО- ТУРКМЕНИСТАН- СКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕС- КАЯ КОМПЛЕКСНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

1945 год, мне уже тридцать лет, у меня четырехлетний сын. Идет на спад молодость. Начинается зрелость. Война близится к концу, победоносные советские войска уже шагают по Европе, приближаясь к Берлину. Страна расправляет плечи и думает о мирных делах, которые придут

вслед за Победой - а в ней уже никто не сомневается. В Москве начала работу Первая Всесоюзная археологическая конференция, на которую съехались археологи со всех концов Союза. Михаил Евгеньевич и я были в числе её участников. Вспоминаю, как приехав в Москву, где нас устроили в гостинице «Балчуг», мы каждый вечер слушали по радио торжественный голос Ю. Левитана, возвецавший об очередном взятии какого-либо стратегического пункта, затем раздавались залпы с неподалеку расположенной Красной площади, и за окном вздымались огни фейерверков.

На конференции шло обсуждение перспектив развития археологии во всех республиках Советского Союза на пять последующих лет; говорили о возобновлении почти приостановленных в военные годы полевых археологических работ и реконструкций; необходимости наблюдения за земляными работами на новостройках, издании научных трудов. Все были в приподнятом настроении, делились планами будущих исследований.

В этой суматохе в один из дней к Михаилу Евгеньевичу подошел представитель туркменского филиала Академии наук СССР. Прибывший из Ашхабада, он заговорил о том, как нуждается его республика, столь богатая различными историческими памятниками, в специалисте по среднеазиатской археологии, что Институт истории материальной культуры в качестве такового рекомендует его, Массона, тем более, что Михаил Евгеньевич уже давно был связан с Туркменией профессиональными интересами.

И действительно, еще в 1920-е годы Михаил Евгеньевич в рамках Средазкомстариса принимал участие в составлении списка наиболее ценных в историческом и археологическом отношении памятников, бравшихся на государственный учет и охрану; в 1929 году, работая в Геолкоме, провел здесь первые археологические исследования в районе Сумбара в связи с изучением истории горного дела, а десять лет спустя, в 1939 году, был приглашен для осмотра городищ Нисы, составлении рекомендаций по их охране и будущему археологическому изучению, рассмотрении вопроса об издании альбома «Архитектурные памятники Туркменской ССР», оценки работ Куны-Ургенчской экспедиции В. Пилявского и консультации по организации экспозиции Туркменского государственного музея. В общем, Михаил Евгеньевич был не сторонний для Туркмении человек.

В конце концов договорились, что М. Массон организует и возглавит археологическую экспедицию в Туркменистане. Тем более, что отношения с узбекским «академическим начальством» были серьезно подпорчены и возможности крупных стационарных раскопок в Узбекистане в ближайшее время не предвиделось.

Как это часто бывает, конфликт упирался в личные амбиции. В 1943 году в Ташкенте на базе существовавшего Узбекского филиала Академии наук СССР была основана своя Академия наук, во многом - благодаря поддержке находившихся здесь в эвакуации ученых союзной Акаде-

мии наук. В списке рекомендованных ими к избранию в состав академиков и членов-корреспондентов вновь создаваемой узбекской Академии одним из первых был назван М. Массон. Однако избран он не был. Подоплекой тому были крайне натянутые взаимоотношения с президентом Академии Т. Кары-Ниязовым, сложившиеся в ходе работ по вскрытию в 1941 году захоронений Темура и Темуридов в Гур-Эмире, а еще ранее - по причине различия позиций в отношении обсерватории Улугбека. Этого было достаточно, чтобы и в УзФАН, и в созданную на его основе Академию наук путь для Массона был заказан.

Однако в Туркмении независимый, взрывной характер Михаила Евгеньевича не был помехой. К тому же у него уже был опыт работы за пределами Узбекистана не только в Туркмении. В 1944 году он был приглашен Отделом охраны памятников Киргизии для проведения изучения Гумбеца Манаса - замечательного памятника XIV века, который в народе связывался с именем народного героя Манаса, а в действительности же был мавзолеем одной из представительниц монгольской знати - Кяни-зек-хатун. Я участвовала в работе этой кратковременной экспедиции, проводила вместе с архитектором киргизского Отдела охраны памятников В. Верюжским обмеры памятника, занималась его графической реконструкцией.

Мне памятен мирный пейзаж долины, зажатой между горами, одиноко возвышающейся Гумбес и карачаевцы, которые были высланы туда с Кавказа под абсурдным предлогом, что якобы предательски вели себя во время немецкой оккупации. Их женщины работали не покладая рук в киргизском колхозе, зарабатывая на прокорм для всего семейства, везли на себе всю домашнюю работу, воспитывали детей; мужчины же ничего не желали делать, сидели целыми днями у домов, покуривали трубки. Жили они в чистеньких домиках немцев-колонистов, проживавших здесь еще с начала XX века и незадолго до этого куда-то депортированных. Таковы были гримасы истории той поры, когда один ссыльный народ (народ, не один отдельный человек!) заменялся другим, так же репрессированным, лишенным всех прав и оклеветанным. Но репрессии, к счастью, пока обходили нас стороной, и все наши мысли беспрестанно возвращались к подготовке работ в Туркменистане.

По возвращении из Москвы Михаил Евгеньевич выехал в Ашхабад для определения практических задач экспедиции, составил общую программу и детальный план ее будущих работ по годам, а в мае пришла долгожданная Победа. Объектом исследований учрежденной при Институте истории, языка и литературы Туркменского филиала АН СССР экспедиции стал обширный регион Южного Туркменистана, составлявший большую часть древнего Хорасана, чья история была связана с яркими историческими событиями и отмечена наличием высокой культуры в древности и средневековье. В северной же части республики уже велись археологические работы Хорезмской археолого-этнографической экспе-

М. Массон.

диции под руководством С. Толстого. Выбор М. Массона был удачен - экспедиция вошла в число наиболее крупных и результативных научных археологических миссий в Средней Азии. По словам академика В. Струве, благодаря ЮТАКЭ Туркменистан по степени археолого-исторической изученности вышел на одно из первых в Советском Союзе мест, а сам Михаил Евгеньевич после создания в 1951 году самостоятельной Академии наук Туркменистана был избран её академиком. После его кончины экспедицию возглавил его сын Вадим Михайлович Массон, также ставший с годами академиком Туркменской Академии наук.

ЮТАКИНСКОЕ БЫТИЕ И ЮТАКИНЦЫ

Итак, вновь организованная Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) в 1946 году развернула свои работы. Основной её задачей было уточнение периодизации исторических событий, имевших место на территории Южной Туркмении на протяжении всего периода деятельности здесь человеческого общества. В

частности, особое внимание предполагалось уделить трем аспектам: первобытному обществу, периоду существования парфянского государства и эпохе XI-XII веков. Экспедицию возглавлял М. Массон; академик В. Струве дал согласие быть председателем ее Ученого Совета. Научный коллектив экспедиции Михаил Евгеньевич подбирал сам, нередко приглашая специалистов издалека. Так, в отдельные годы в работе ЮТАКЭ принимали участие А. Окладников и его верная жена-помощница В. Запорожская (Ленинград); М. Вязьмитина (Киев); два археолога Туркменской Академии наук - С. Еришов и С. Вязигин, впоследствии в нее влились многие другие специалисты из Ашхабада, Москвы, Ленинграда, Киева, Новороссийска, Самарканда. Но основной состав ее научного коллектива составляли сотрудники и студенты кафедры археологии Средней Азии САГУ-ТаиГУ, многие из которых, начав в ЮТАКЭ с подготовки курсовых работ, впоследствии защитили кандидатские и докторские диссертации, некоторые стали академиками.

В Ашхабаде находилось три стационарных сотрудника ЮТАКЭ - ученый секретарь Д. Овезов, помощник по хозяйственной части А. Алиев-Гадеми и бухгалтер А. Панжина. По-разному сложилась их судьба. Джан-Мамед Овезов, выходец из небольшого древнего туркменского рода Мурчали, обитавшего в горах Копетдага, выпускник Ашхабадского университета, служил в действующей армии, по возвращении был принят в Академию наук и рекомендован в качестве ученого секретаря ЮТАКЭ, где проявил себя как деятельный организатор. Впоследствии Михаил Евгеньевич дал ему тему диссертации «Племя Мурчали», которая в значительной степени была опубликована в IX томе «Трудов ЮТАКЭ».

123

Абдул Хусейнович Алиев-Гадеми, перс, каковых в дореволюционное время было немало в Туркменистане, ранее был коммерсантом по профессии и бехаистом по убеждению (в Ашхабаде доныне высится красивый храм бехаистов). За то и был арестован в суровые сталинские времена. После бесконечных мучительных допросов, когда ему сутками не давали спать, пробуждая холодной водой или ударами, он подписал требуемое «признание» и наконец-то заснул. Думал, что проспит несколько суток, однако хватило чуть более пяти часов. Затем был лагерь и полная реабилитация после XX съезда. Славный он был человек - пережитое его не озлобило - добрый, внимательный, энергичный, несмотря на перенесенные лишения, возраст и болезни. Он умел снабдить экспедицию всем необходимым - питанием, инструментами и транспортом.

Анна Васильевна Панжина-бухгалтер - молодая, симпатичная женщина, которая содержала в большом порядке денежные дела экспедиции. Вся ее семья - муж и грудной ребенок - погибли во время ашхабадского землетрясения 1948 года, сама же чудом осталась жива - ее на следующее утро извлекли из-под развалин рухнувшего дома. Позже вышла замуж за Джан-Мамеда, родила ему сына. В 1980-е годы её не стало.

За экспедицией были закреплены шофер и машина. Шофера меня-

Коллектив работников лагеря № 2 в Анау.
Слева направо сидят: археологи М.
Мерциев, В. Левина-Булатова, М. Массон,
Г. Пугаченкова ; стоят : архитекторы Б.
Дмитровский, Е. Александрова, археологи
Х. Алпысбаев, Кацурис, студенты кафедры
археологии САГУ. ЮТАКЭ, Анау, 1947 г.
8 x 11,5 см.

лись довольно часто, но особенно мне запомнился Газанфар Данышвар - турок по происхождению, очень живой и подвижный. Был он женат (мусульманин!) на армянке (христианке!) по взаимной любви. Её родители ни за что бы не разрешили этот брак, если бы Данышвар не выкрал свою нареченную (по предварительному с ней же согласию), после чего все смирились со столь деликатной ситуацией, а вскоре родились Роберт и Альберт (в ту пору входили в моду романтические зарубежные имена) - носатые, кареглазые, типично восточные мальчики. Увы, вся семья была раздавлена упавшими балками в ночь того злопамятного ашхабадского землетрясения.

Практически вне экспедиции, к сожалению, остался Л. Ремпель, в очередной раз дискредитированный абсурдными политическими наветами, хотя по приглашению Михаила Евгеньевича он в 1947 году принял участие в экспедиции, подготовив затем ряд статей по скульптуре и терракотам Нисы и Мерва, а также о средневековом архитектурном орнаменте Туркменистана. Передо мной его письмо накануне еще одного в его жизни скоропалительного - в 24 часа - отъезда, теперь из Самарканда в Джамбул:

«Еще надо многое паковать, и я передохну: итак, идем в Джамбул, в Талас, в общем в гуннские степи к тюрко-еврейскому кагану Берништаму. Почему и зачем? Право, не знаю - ни почему, ни зачем. Вероятно, так надо. Все это не носит личного характера и связано, видимо, с разными событиями, не имеющими ни ко мне, ни к другим «инородцам» (если причислить себя к подобному люду) определенного отношения. Думаю и надеюсь, что мои возможности работать, за исключением ВУЗа, которого в Джамбуле нет, не будут ограничены больше, чем это имело место до сих пор и, я буду по-прежнему бывать в Узбекистане и, в частности, в Ташкенте. Конечно, первое время будет, возможно, реакция со стороны малодушных людишек, которые начнут опасаться моей персоны. Пока что должен констатировать - здесь, в Самарканде, этого не произошло. Отношения, кажется, прочнее прежнего, снабжают меня лучшими письменными характеристиками и пр. Единственно, в чем меня ущемили морально и материально - это в отказе от обычного двухнедельного «выходного пособия» по случаю увольнения - на том основании, что Музей как таковой меня и не увольняет. [...] А ведь я на исходе своего отпуска и мог рассчитывать только на публичные торги и на ... Вас. Публичные торги мне не даются, а от Вас [...] я получил сегодня, наконец, извещение на 1000 руб. Спасибо, Галина Анатольевна! [...] У меня все упаковано, хотя важнейшее на руках с собой (в том числе рукописи для ЮТАКЭ) [...].

Ну ничего, приезжайте к нам кушать яблоки и глазеть на «таразские бани» Берништама. В учебный курс введите поправку: первая и вторая (по Берништаму) согдийские колонизации в Семиречье имели место до VII века. Третья (в моем лице) спустя тринадцать веков (вот оно, сбылось роковое число тринадцать)». (27.08.1948).

Удивительны были запасы его жизненного оптимизма!

О других членах экспедиции - моих коллегах, пожалуй, сейчас говорить не буду, многие живы. Скажу только, что было разное - радость открытий и боль предательств, великодушные и мелкие стычки, товарищеское участие и отношения, прерванные на многие годы из-за досадного недоразумения или принципиального разногласия.

Михаил Евгеньевич был внимателен к вопросам повседневного быта участников экспедиции. При стационарных раскопочных работах он не признавал житья в палатках, стремясь всегда устроить лагерь в каком-нибудь помещении. Он полагал, что участники экспедиции имеют право хотя бы на минимум бытовых удобств, но главное - у них должно быть место для камеральной обработки материалов. В Старом Термезе для сотрудников ТАКЭ была выбрана старинная ханака у мавзолея Хаким-и ат-Термизи. В эпоху ЮТАКЭ в Нисе его выбор остановился на небольшом заброшенном медресе в селении Багир, в Мерве - на обширной старой конюшне.

Пожалуй, именно старомервский лагерь и плывущий над городищем металлический звук от удара по подвешенному в центре двора рель-

су, что регламентировал жизнь археологов, остались в памяти многих как своего рода символ ЮТАКЭ.

Трудами многих поколений ютакинцев бывшая глинобитная конюшня превратилась в настоящий храм археологии, вход в который предвещало какое-либо изречение (они ежегодно менялись - то латинские, то греческие, то арабские; было здесь и ставшее легендарным *Nulla dies sine linea*). За вестибюлем налево следовала «женская половина»; напротив - ранее комната старшего конюха - кабинет Михаила Евгеньевича, уставленный книгами; направо - «мужская половина» (на обеих «половинах» студенты жили по два человека «в стойле»), а перед ней - средоточие жизни ЮТАКЭ - огромный трехнефный «парадный зал», он же - столовая и музей, рабочий кабинет и конференц-зал, вечерний клуб и читальня. Вдоль стен бывшие лошадиные кормушки были превращены в полки, где располагались наиболее выразительные объекты из раскопок или наземных находок. Посредине «залы» - большой - восьмиметровый - сбитый из грубых досок стол, в центре которого водружен древний кувшин с букетом сухих камышей. За этим столом велась камеральная обработка материалов, проходили утренние и вечерние трапезы, делались - ежевечерне! - научные сообщения об археологических работах истекшего дня (кафедра докладчика складывалась из пустых ящичков и затягивалась зеленой занавеской), обсуждались новости из «внешнего мира», пелись песни, устраивались встречи с местными жителями, готовился рукописный журнал «Археолог» и к нему юмористическое приложение «Веселый щуп». Ютакинцы (не менее тридцати человек) всегда располагались за столом по строгому ранжиру: в самом конце стола сидели первокурсники, затем - второй, третий, четвертый, пятый курсы, преподаватели кафедры и во главе стола - начальник экспедиции. Так было заведено Михаилом Евгеньевичем, любившим во всем строгий порядок.

В экспедиции царила строгая дисциплина. Под полным запретом было пьянство - даже единожды уличенного в этом пороке немедленно изгоняли из экспедиции. В стационарных группах действовал четко разработанный распорядок дня: ранний подъем, завтрак, выход на раскоп, восьмичасовая работа с дневным перерывом (чай с лепешками, виноград, дыня), возвращение на базу, обед, отдых, обработка полученных материалов и наблюдений.

Душой ЮТАКЭ, как и ранее в Термезе, был М. Массон. Мне забавно было видеть, что его легендарный огромный парусиновый зонт, знакомый мне еще по ТАКЭ, благополучно дожил и до Мерва, сохранив при этом свое прозвище - все студенты без исключения называли его «парашютом». Правда, добавился еще белый пробковый шлем (не единожды из-за этого шлема Михаила Евгеньевича принимали за иностранца) и конфеты - «усладинки», щедро раздаваемые студентам во время осмотров раскопочных площадок (идея, которую Михаил Евгеньевич «подцепил» у Пржевальского).

Старомервский лагерь 1961 г., трехнефный зал. Во главе стола : М. Массон. Среди других, слева: О. Оразов, Д. Исиев, Б. Сайраков, Б. Кочнев, Э. Масимов, В. Горячева, Н. Галочкина, С. Лунина, З. Усманова; справа: , В. Пилипко, Э. Ртвеладзе, У. Алимов, З. Хакимов, Т. Ходжиниязов, К. Абдуллаев, Г. Дадабаев.

В канун 25-тилетнего юбилея ЮТАКЭ, в 1972 году, по инициативе Михаила Евгеньевича была подготовлена и издана небольшая книжечка «Стиль работы и полевой быт Южно-туркменистанской археологической комплексной экспедиции», где наша «ютакинская бытность» предстает в мельчайших деталях. Любопытно, когда Михаил Евгеньевич задумал это издание, он обратился ко всем участникам экспедиции, но откликнулись лишь шестеро - и все женщины. Мужчины отнеслись к этому скептически... А жаль, сегодня эта книжечка восстанавливает атмосферу тех уже давних лет, и снова оживает вся прелесть когда-то написанных В. Луговским строчек, процитированных в этой брошюре:

Если б я в бога веровал
И верой горел, как свеча,
На развалинах древнего Мерва
Я бы сидел и молчал.

ЮТАКИНСКИЕ ОТРЯДЫ

Но вернусь к «научным аспектам». Принцип «комплексности», который так последовательно проводил М. Массон во времена ТАКЭ, в ЮТАКЭ получил дальнейшее развитие. По характеру научных проблем были сформированы особые тематические отряды, которыми руководили как видные ученые, так и молодые. Это были отряды по эпохе каменного века, по периоду от неолита до раннежелезного века, по изучению двух крупнейших городов античности и средневековья - Нисы и Мерва, этнографический отряд, отряд по исследованию древних торговых путей и мой, VII историко-архитектурный отряд. Работы проводились стационарными и маршрутными группами.

Отряд по изучению каменного века, возглавляемый профессором А. Окладниковым, осуществлял работы на Красноводском полуострове, выявив здесь стоянки палеолита и неолита. Изучение культур IV - середины I тысячелетия до н. э. возглавлял профессор Б. Куфтин, приемником которого затем стал В. Массон - итогом работ было открытие в разных зонах южного Туркменистана развитых культур, современных цивилизациям Древнего Востока. А сам М. Массон руководил работой отрядов по изучению античности и средневековья.

128

Многолетние стационарные раскопки на городищах Старой Нисы и частично Новой Нисы - столицы прикопетдагской области Парфиены - приоткрыли немало ранее неизвестных страниц Парфянской империи. Экспедиция выявила контуры древнего города, в изучении которого особое внимание было уделено Старой Нисе - Митридаткерту, укрепленной резиденции первых Аршакидов. Тут были вскрыты парадные здания дворца и храма, украшенные глиняной скульптурой, раскопано хранилище царских реликвий и хозяйственные кладовые. И хотя их содержимое было разграблено еще в древности, на долю археологов досталось немало. Среди находок - мраморные скульптуры эллинистического стиля, серебряные и бронзовые статуэтки, крупные, богато орнаментированные ритоны из слоновой кости. В хозяйственных же кладовых, где стояли ряды огромных корчаг-хумов для хранения вина и, вероятно, иных продуктов, найдены десятки остраконов - керамических черепков с надписями. Последующая дешифровка специалистами, в частности В. Лившицем, установила, что это были хозяйственные документы, писанные на парфянском языке арамейским письмом. Таким образом, исследования Нисы дали богатейшие материалы по градостроительству, архитектуре, искусству, антропологии, языку и письменности восточно-парфянского мира.

Не менее значительны были и результаты многолетних работ в Старом Мерве, представляющем комплекс смежных городищ, по которым перемещался от периода к периоду центр человеческой деятельнос-

ти. Первоначально жизнь концентрировалась в небольшом укрепленном центре древней области Маргианы, что возник в середине I тысячелетия до н. э. (Эрк-кала). После завоевания Александром Македонским, а затем Селевкидами с III века до н. э. рядом разрастается крупный город Антиохия Маргианская (Гяур-кала). В средневековые жизни постепенно сместилась на запад, где в X-XII веках формируется обширный город с пригородами (городище Султан-кала), что погибает под нашествием монголов и вновь, но уже к югу, возрождается в начале XIII века (Абдулла-хан-кала). Раскопки велись на всех этих городищах, выявив менявшиеся с веками приемы фортификации, урбанистическую структуру, остатки светской и культовой архитектуры, богатые керамические комплексы.

Большая проблема, которая привлекала наибольшее внимание Михаила Евгеньевича, была связана с поиском и обследованием древних караванных дорог Великого шелкового пути, пролегавших вдоль Копетдага, по левобережью Амударьи, в песках Каракумов, в направлении на Каспий.

Важно отметить, что почти все выявленные материалы были опубликованы, благодаря систематическому изданию «Трудов ЮТАКЭ», которому М. Массон придавал большое значение. Благодаря его энтузиазму было подготовлено и издано двадцать томов «Трудов ЮТАКЭ», кроме того два сборника «Материалов ЮТАКЭ» и множество статей, опубликованных в сборниках, научных и научно-популярных журналах, брошюрах, путеводителях.

Передо мной было поставлено несколько задач. Во-первых, я должна была охватить изучением вскрытые на раскопках архитектурные объекты - будь то фортификационные сооружения, памятники светского или храмового зодчества. Потому-то нередко я принимала участие в работах других отрядов сначала в Нисе, затем в Мерве, проводя обмеры, фиксируя в чертежах их существующее на данный момент состояние и создавая, в большинстве случаев, их графическую реконструкцию. Во-вторых, мне предстояло осуществить маршрутные исследования разбросанных по всему южно-туркменистанскому региону памятников зодчества, порой в местах весьма труднодоступных (например, в песках Каракумов или в предгорьях Копетдага), предварительные сведения о которых мы собирали или путем опросов старожилов, или по литературе прошлого века. Далее предполагалось на основе собранных материалов выстроить историю архитектуры южного Туркменистана с древнейших времен и до поздних образцов туркменского народного зодчества. И, в-третьих, мне необходимо было осуществить изучение вновь открытых объектов изобразительного и прикладного искусства разных периодов - ведь я уже декларировала исследования художественных произведений как важнейший аспект моей деятельности.

УНИВЕРСАЛИЗМ? ДА!

Таким образом, уже к первым сезонам ЮТАКЭ сложились основные направления научных поисков Г. Пугаченковой. Изучение средневекового зодчества было дополнено интересом к античной архитектуре во время работ на городищах Старого Термеза. Преподавательская деятельность и, в частности, подготовка курса лекций по истории искусства Средней Азии пробудили интерес ко всем видам пластического искусства и способствовали, с одной стороны, углублению знаний, полученных в студенческие годы, и с другой - наверстыванию того, что не было предусмотрено учебными программами архитектурного отделения. Два года работы по совместительству в Институте восточных рукописей АН УзССР по приглашению А. Семенова по составлению описей лицевых миниатюр (1946-1948) и изучение рукописей, хранящихся в Самаркандском музее (1947), сформировали вкус к изучению миниатюрной живописи Востока и навыки работы со средневековыми рукописями, подтолкнув позднее к изучению истории костюма и ювелирного искусства. Участие в ЮТАКЭ углубило интерес к археологии, обозначившийся еще в Термезе, приоткрыв перспективы в области исследований художественной керамики, нумизматики, скульптуры, живописи, малой пластики и торевтики, а также дав простор для архитектурных реконструкций исчезнувших памятников прошлого.

130

С другой стороны, именно в этот период рядом с Г. Пугаченковой появляются для того, чтобы остаться с ней на всю жизнь, два её самых верных друга и соратника. Во-первых, М. Массон, муж, по сути слепивший, как Пигмалион Галатею, ученого из Г. Пугаченковой. Его глубокие знания истории и владение письменными и археологическими источниками всегда находились в полном её распоряжении и служили прекрасной базой для многих исторических построений вчерашнего архитектора, а его ключевое положение в среднеазиатской археологии (заведование кафедрой и руководство экспедицией) обеспечивало ей наиболее оптимальные условия для саморазвития. Во-вторых, Л. Ремпель, наиболее близкий соратник и неизменный соавтор, сильной стороной которого было умение концептуального и эмоционального осмысления произведений искусства с позиций историка и теоретика искусства. Многие публикации Г. Пугаченковой выкристаллизовывались в ходе их постоянной переписки. Третьим китом, на котором состоялась Г. Пугаченкова, было её колоссальное трудолюбие, исследовательский талант и способность к синтезу разнохарактерного материала.

Однако, архитектура в течение всего периода ЮТАКЭ стойко удерживала свои доминирующие позиции в общем балансе научных интересов молодого ученого, и маршрутные рекогносцировки поглощали льви-

ную долю творческой энергии. И это не удивительно. Вся деятельность Г. Пугаченковой ютакинского периода была подчинена главной цели - созданию истории архитектуры Туркменистана. Многие звенья в этой эволюционной цепочке были утрачены, а потому приоритетом стало обнаружение и исследование памятников малоизученных или же ранее вовсе неизвестных. Зафиксированные ею фортификационные сооружения, христианская церковь и буддийское строение, раннесредневековые замки - кешки, жилые дома, мечети, мавзолеи, бани, водохранилища-сардобы, снегохранилища год от года заполняли зияющие лакуны, выстраиваясь в логичный эволюционный и типологический ряд.

Общее число обследованных и изучавшихся отрядом Г. Пугаченковой памятников доходит до сто двадцати, не считая более пятидесяти объектов поздней туркменской народной архитектуры (дома, усадьбы-хавлы, мазары). Результаты этих исследований (только в области архитектуроведения!), если их перечислять в соответствии со строгой хронологией полевых сезонов ЮТАКЭ, пожалуй, не составят увлекательного чтения, но даже сухая констатация проделанного позволит увидеть весь объем той огромной работы, что была выполнена этой хрупкой женщиной и её единомышленниками.

Начало раскопок на городище Старая и Новая Ниса в 1946 году дало материал для первых архитектурных штудий античных памятников - в папках архитекторов появились планы и описания «красной стенки» бывшего парфянского храма. Однако доминировали средневековые памятники - мечеть-намазга, чей план и разрез удалось уточнить благодаря археологическому вскрытию, мавзолеей Али-Абу-Джалала и остатки бани внутри Новой Нисы с сохранившейся на одной из стен орнаментальной росписью.

В 1947 году были проведены обмеры вскрытых на Старой Нисе фрагментов Квадратного зала, Круглого храма, Северного комплекса, а также исследования в рамках маршрутного отряда Дахистан-Абиверд-Серахс, давшие ряд уточненных обмеров известных и вновь открытых памятников. В частности, в пригородах Мешхеда были осмотрены мечеть-мавзолеей Шир-Кабир (IX-X веков) с боковыми пристройками XII века и группа возвышающихся неподалеку на кладбище мавзолеев (три восьмигранных, четыре круглых). На городище Мисриана обследованы портал мечети, два минарета XI-XII веков, остатки бани, у городских ворот - караван-сарай. По ходу маршрута был изучен мавзолеей Парауата у стен средневекового города Ферава и стоящий поблизости безымянный мавзолеей XI-XII веков. На городище Пештаг зафиксированы руины портала монументального здания того же времени, мавзолеей Сандуклы-овлия XVII века, на городище Чугундор - мавзолеей Чугундор-баба, в Серахсе - мавзолеей Серахс-баба (XI-XII веков с пристройками XV века). Близ Серахса открыт ранее неизвестный мавзолеей Ярты-Гумбез (1119 год). В Анау накануне сокрушительного ашхабадского землетрясения был

*У развалин мечети Биби-Ханым.
Самарканд, 1954 г. Фото Л. Ремпеля,
12 x 17,5 см.*

проведен детальный обмер знаменитой анауской мечети середины XV века, на основе которого в дальнейшем была выполнена его графическая реконструкция, а также близ аула Анау велось изучение башен-дингов XVIII-XIX веков.

1948 год отмечен изучением памятников в селе Астана-баба на Амударьинском побережье: так называемого мавзолея Аламбердара начала XI века, который был отождествлен с мавзолеем последнего саманида - Мунтасира; комплексного здания, включавшего в себя усыпальницу Убейда и Зубейды и мечеть (XI-XII веков, поновления XIV, XVI веков) и жилые дома XVIII-XIX веков, характерные для данного региона.

В 1949 году велось изучение мавзолея Абу-Саида в Меана (XI век с поновлениями XV века).

В период 1950-1952 годов во время стационарных работ ЮТАКЭ на городищах Старого Мерва велось изучение памятников Мерва и Мервской округи: «гофрированные» кешки Большая и Малая Кыз-Кала (V-VIII веков); Харам-кешк в Гяур-кале; крупные купольные сардобы XI-XII веков. в округе Мерва и близ рабата ал-Тахмаладж; руины буддийской кумирни XIII века, выстроенной в традициях дальневосточной архитектуры; стены Абдулла-хан-калы, возведенного при темуреде Шахрухе в XV веке и там же руины дворца этого времени; ансамбль XV века у могил Асхабов - сподвижников пророка Мухаммада - Бурейды и

Гифари - за городской стеной; мечеть Юсуфа Хамадани XVI века близ Султан-калы; Большая и Малая Нагим-кала - два гофрированных кешка VI-VIII веков в Мервском оазисе; жилые дома на городищах VI-VII веков Тугай-депе и Мунон-депе; мечеть на городище Башан, мечеть Талхатан-баба в 30 км от Мерва (обе - XI-XII веков). Внутри Султан-калы Мерва были сняты планы крупного средневекового здания; на древнем пути из Мерва в Хорезм изучены руины крупного караван-сарая на городище Мунон-депе; на пути из Мерва в Сарахс - кешки Сулу-кошук, Акуйли-кошук; на городище Дурнали и Мунон-депе - «гофрированные» кешки. На территории городища самого Мерва - руины дворца правителей в Шахрияр-арке XII и XIV веков; жилые дома X-XII веков в квартале керамистов к востоку от Гяур-кала и к западу от Султан-калы; жилые дома горожан XI-XII веков на городище Яз-депе, жилой дом у Яккипера; туркменские сельские усадьбы-хавлы XVIII-XIX веков в Чарджоуской области.

В Дарганатинском районе в 1953 году были изучены крепостные стены с «гофрированными» угловыми башнями средневекового городища Дарган-ата и остатки Чашкала. У Садвара - остатки аналогичной башни и мазар Матирабад XIX века, руины средневекового караван-сарая в Тонгуз-Туал.

В 1954 году на старом пути к северу от Мерва в Хорезм исследован ряд караван-сараев у Одемерген-кала и близ городища Ал-аскер, а на пути Мерв-Чарджоу - караван-сарай Акча-кала, Дая-хатын и безымянный караван-сарай на городище Куртлы.

1955 год отмечен исследованием трех мавзолеев в горах Копетдага - Махтум XVII века в долине Сумбара, гумбеза шейха Овез-берды близ села Яван XIV-XV веков; Парау-биби в урочище Тонгуз-Тугай XI-XII веков; на городище Чильбурдж Мервского оазиса были осмотрены руины круглоствольного минарета и мечети дворового плана X-XI веков на старом пути из Мерва в Сарахсе - Овлияти-кешк XI века, стены которого оформлены гофрами. К югу от Мерва у городища Кельте-минара (отожествляемого со средневековым Генугирдом) крупный гофрированный кешк XI-XII веков.

Маршрутные исследования 1956 года в Каракалинском районе в долине Сумбара дали образцы туркменской народной архитектуры - жилые дома, мечети, мазары в пригородах Копетдага - мазары Ак-Имам в Дуруне, безымянный мазар близ селения Ходжа у Коушута, мазар Ходжи-Аджи в старом Фарабе. В Фарабском районе и в селении Халач - ряд туркменских усадеб-хаули. Три мавзолея в горах Копетдага - Махтум XVII века, гумбез шейха Овез-Берды близ селения Яван XIV-XV веков, Парау-ата в урочище Тонгуз-тугай XI-XII веков.

В 1957 году у Г. Пугаченковой родился третий ребенок, дочь Лиля, а потому полевые исследования не проводились. Но вернувшись уже на следующий год в свой отряд, она выполнила в 1958 году фиксацию мав-

золея Абдуллы ибн Бурейды, возведенного в X-XI веках над почитаемой могилой сына погребенного в Мерве асхаба Бурейды.

Наряду с архитектурными, были и наблюдения другого рода. *Хорасан открылся передо мной и с другой стороны. Это был ранее неизвестный мне мир природы Туркменистана. Особо ярко природа воспринималась во время экспедиционных маршрутов - будь то исполненные суровой красотой горы Копетдага с выступающими среди зелени деревьев и кустарников голыми скалами или поросшие тугаями побережья Амударьи и Мургаба, пески Каракумов, где среди желтых овалов холмов-барханов вдруг обнаруживаются следы человека - первобытная стоянка или руины караван-сарая - значит здесь когда-то шли пути, по которым шествовали караваны верблюдов и люди, значит мы не первые странники в этом безлюдном, притихшем месте! Мне нравилось общаться с туркменами, особенно в далеких, заброшенных уголках - их отличало особая открытость и детскость восприятия, увы, утраченная городскими жителями. Иногда у меня возникало ощущение, что я вдруг оказалась в прошлом, архитектуру которого я каждый день фиксировала в своих блокнотах, - так далеки были их мысли от наших нередко пустых амбиций.*

ДОКТОРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Результатом двенадцатилетней работы стала докторская диссертация Г. Пугаченковой «Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма», защита которой проходила в Институте истории и теории искусства в Москве под председательством академика И. Грабаря.

Сегодня подобное название выглядит несколько заполитизированно. В 1950-е же годы иного определения для этого периода быть не могло - дискуссия тридцатых годов об «азиатском способе производства» надолго утвердила термин «рабовладение» в отношении античного периода среднеазиатской истории, а «марксистский подход» в оценках и принятой периодизации был непререкаем. Потому-то первоначальное наименование диссертации «Архитектура античности и средневековья» на обсуждении в Академии архитектуры в Москве было заменено на более «правильное», а наряду с «архаическим и античным зодчеством» появились периоды, когда господствовало «зодчество феодальное». В духе времени были и выводы о социально-экономической (формационной) обусловленности эволюции архитектурных форм в пик факторам этнического, религиозного или политического порядка, и принятая за основу прогрессивно-поступательная схема развития искусства, то плавно-эволюционная внутри формаций, то спонтанно-революционная при переходе от одной формации к другой.

Основной же пафос докторской диссертации заключался в идее самодостаточности и автохтонности среднеазиатской культуры, имевшей ряд специфических, локальных особенностей, сохранявшихся на протяжении веков, и ни в чем не уступавшей ни западноевропейской античности, ни ближневосточному средневековью. *[Архитектура] возникает, - писала Г. Пугаченкова, - как результат созидательной деятельности местных оседло-земледельческих племен. И не «светлым пламенем Эллады», не стремительным шествием ислама обусловлен расцвет ее в эпоху рабовладения и феодализма, а закономерным развитием архитектурно-строительного дела на местной народной творческой основе, определившей собой глубоко оригинальное направление в истории мировой архитектуры.*⁵². [NR2] Это «почвенничество», хотя и без ортодоксального отрицания «всеческих влияний», осталось характерной чертой Г. Пугаченковой, чьи последующие исследования только подкрепляли её выводы. Так, спустя годы, уже в отношении Халчаяна она писала: *Искусство Бактрии предстаёт не как провинциальная ветвь так называемого классического искусства, не как отблеск греко-римской цивилизации на периферии античной ойкумены, но как органическое порождение собственной цивилизации, возросшей на почве Бактрии в самом сердце азиатского материка, на стыке древних культур эллинизированного Востока и скифской Азии.*⁵³ [NR3].

БУМАЖНАЯ АРХИТЕКТУРА: ГРАФИЧЕСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ

Начиная реконструкцию генезиса архитектуры Туркмении с древнейших времен до XIX века, Г. Пугаченкова столкнулась с тем, что наиболее древних памятников зодчества, от которых нужно было начинать построение всей теоретической схемы, в реальности более не существовало. Доступными для исследователя были в лучшем случае лишь отдельные фрагменты планировки и архитектурного убранства, обнаруженные в ходе археологических раскопок.

И здесь-то сказался дар Пугаченковой-архитектора. Тот творческий потенциал проектировщика, создателя новых памятников, что она по условиям того времени не смогла реализовать в мире реальной современной архитектуры, реализовался в архитектуре бумажной - в графических реконструкциях. Конечно, здесь её творчество не было абсолютно свободным: ведь речь шла не об архитектурных фантазиях на темы древнос-

У макета центра г. Ташкента. В центре Г. Пугаченкова, рядом историк архитектуры, профессор В. Нильсен. Союз архитекторов Уз ССР. Ташкент, 1977 г., 17 x 2,5 см.

ти, а о научно-обоснованном графическом восстановлении первоначального облика некогда существовавшего в действительности здания, что дошло до наших дней с большими утратами (особенно верхних участков, перекрытий, декора) или же в виде извлеченных из земли в процессе археологических раскопок фрагментов. Обоснованием к графическим реконструкциям были тщательные обмеры, материалы археологических наблюдений, анализ конструктивных деталей, декора, геометрических пропорций (система модуля), территориальные и хронологические аналогии, иногда данные письменных или нумизматических источников. Но вместе с тем, процесс реконструкции нес в себе многое не только от эрудиции, но и от творческого начала - этим-то он был особенно привлекателен для Галины Анатольевны.

Как-то в одной из своих статей она писала: *Реконструкция - описательная и графическая - составляет важный заключительный раздел архитектурно-археологического исследования. К сожалению, даже в научной среде встречается скептический взгляд на реконструкции, рассматриваемые как занятые картинки, в которых доля авторского домысла неизмен-*

но преобладает над реальными данными. Ссылаются при этом на многовариантность реконструкции одного и того же памятника (к примеру, Галикарнасского мавзолея), выполненных разными авторами, на спорность восстановления форм верхних, несохранившихся частей здания и т. п.

Все так, и все же не так. Если определенный процент гипотетичности и авторской догадки при реконструкциях неизбежен, то все же общий комплекс археологических наблюдений, расчетов и привлечения близких аналогий вооружают исследователя той суммой реальных данных и возникающих на этой основе умозаключений, которые позволяют с большей или меньшей точностью воспроизвести объемно-пространственную композицию здания и некоторых его интерьеров. Археологические наблюдения дают исследователям план здания (или по меньшей мере элементы этого плана), местоположения и шаг колонн и пилястр, данные о характере перекрытий (балочные, сводчатые), детали архитектурного декора. Архитектурная археология располагает методами примерного, а иногда и весьма точного определения первоначальных высотных отметок здания по его остаткам⁵⁴.

Графические реконструкции были нередким явлением для классической археологии, появившись первоначально в археологических штудиях Древнего Египта и Ассирии. В Средней же Азии первые попытки графического восстановления разрушенных памятников зодчества связаны с работами командированных Императорским археологическим обществом и Академией художеств России Н. Щербины-Крамаренко и П. Покрышкина, исследовавших мечеть Биби-Ханым в 1895-1897 год⁵⁵. После достаточно продолжительного затишья объемно-пластические реконструкции вновь активно стали использоваться с начала 1940-х годов и остаются в арсенале исследователей вплоть до наших дней как для наземных памятников архитектуры⁵⁶, так и для открытых в процессе археологических раскопок⁵⁷.

Г. Пугаченкова, бывшая в числе пионеров этого исследовательского метода, впервые применила его во время работ на мавзолее Ишрат-хона в Самарканде⁵⁸. Впоследствии, в число проделанных ей реконструкций вошли ряд архитектурных объектов археологических городищ Нисы (крепостные стены, фасад, интерьер и разрез Квадратного и Круглого залов Южного комплекса Старой Нисы, интерьер Северного комплекса, фасад парфянского храма Новой Нисы), Мерва и мервского района (фортификация античного Мерва, городища Абдулла-хан-калы, Чаш-калы, парфянской крепости Дурнали и сасанидской крепости Чильбурдж; буддийский комплекс в Гяур-кале - ступа, сангарамы и главное святилище сангарамы; кешки Большая и Малая Нагим-кала, безымянный кешк к востоку от Гяур-калы; средневековые жилые дома на старом пути к северу от Мерва; караван-сарай Акча-кала; мавзолей - Худай-Назар-овлия, Мухаммада ибн Зейда, Санджара, Аламбердара в селе Астана-баба Керкинского района; фасад мечети в Анау), Халчаяна (внешняя композиция

и интерьер дворца), Дальверзина (наус, дома богатых горожан), Айртама (два варианта буддийского храма), Сурх-Котала в Афганистане (династийный храм кушан), а также раннесредневековая усадьба близ городища Кафир-кала в Даргомской степи за Самаркандом и обсерватория Улугбека в Самарканде.

Интересно отметить, что в отношении пугаченковских реконструкций памятников Туркменистана иных графических толкований почти не было - разве что несколько иной вариант Квадратного зала Нисы, предложенный В. Пилипко. Однако в отношении обсерватории Улугбека существовали иные интерпретации, предложенные Б. Засыпкиным, В. Нильсеном и М. Булатовым. Иное видение усадьбы близ Кафир-калы принадлежало также В. Нильсену⁵⁹. Подобная поливариантность графических реконструкций не противоречила самому методу, в основе которого лежит определенная доля гипотетичности.

Ютакинский период в жизни Г. Пугаченковой отмечен не только архитектурными штудиями, но и исследованием памятников изобразительного и прикладного искусства, в частности парфянских и сасанидских гемм-инталей, коропластики, средневековой штампованной керамики из квартала керамистов Мерва и глазурованной керамики типа «кобальт» XV-XVI веков из Новой Нисы.

ИМПОРТИРОВАННОЕ ИЛИ ЛОКАЛЬНОЕ?

Сенсационной находкой ЮТАКЭ стало открытие скульптуры и ювелирных изделий из царского хранилища в Старой Нисе, произошедшее в год трагического ашхабадского землетрясения - природа словно не хотела отдавать погребенные в земле удивительные произведения искусства. Однако, разрушив до основания аул Багир, землетрясение не повредило хрупкие, остававшиеся наполовину в земле, находки.

В числе обнаруженных сокровищ были и знаменитые впоследствии ритоны из слоновой кости из «Квадратного дома» северного комплекса Старой Нисы, с завершающими нижний конец разнообразными скульптурными фигурками атлантов, грифонов, богинь и с венчающим высоким фризом, украшенным горельефными сценами на темы дионисийских празднеств, с небольшим карнизом в виде мужских и женских головок.

Второй раз, после айртамского фриза, Г. Пугаченкова столкнулась с произведениями искусства (эллинизирующая архитектура к этому времени стала уже привычным делом), в которых стилистика и образы скульптурных изображений были явно эллинистические, но вместе с тем, в них чувствовалось нечто чужеродное эллинскому духу, нечто, что мог-

ло появиться только здесь, в Парфии. А чуть позже были обнаружены и другие образцы подобного «синтетического искусства»: две мраморных фигуры высотой 50-60 см. Одна - статуя богини в длинном хитоне и пеплосе, и вторая - полуобнаженный канонический образ богини любви Афродиты, но с лицом суровым и властным, что и заставило предположить, что это дочь парфянского царя Митридата I Родогунда, которая, не закончив мыть волосы, вскочила на коня, поклявшись сначала отразить натиск врагов.

Л. Ремпель в своих письмах «издалека» писал об этих памятниках: «[...] Снимки ритонов из Нисы действительно потрясающие. Вы правы, говоря, что резной костью Нисы будет заниматься не одно поколение ученых. И знаете, что мне хочется сказать обо всех этих вещицах - по первому о них впечатлению? (А первое впечатление, как Вы то заметили, - самое свежее и потому, иногда самое верное). Все это сюжетно новое для Средней Азии, но главное страшно знакомое по стилю. Я говорю не об эллинизме, а как раз о тех самых чертах, которые отличают, например, варварское подражание монетам Гелиокла от собственно греко-бактрийского чекана [...]. И еще я думаю, что в связи с резной костью из Нисы, обязательно вновь всплывут в массе своей вещицы из амударьинскогоклада... мне кажется - резная кость Нисы - ключ к проблеме кушанского искусства в целом, ключ к Матхуре, Керкам, кушанскому Термезу, Мерву, а отсюда может быть даже и к Хорезму. И эллинизм ли это? Не римское ли уже это поветрие на почве позднепарфянской, парфяно-кушанской? Это варварски сильное искусство, но это не дух селевкидов и греко-бактрийских монет во всяком случае. Этому стилю сродни медальон с Артемидой Эрмитажа, но в этой «Артемиде» я с Н. [Забелиной] усмотрели Аполлона-лучника кангуйского времени. Это уже не Греко-Бактрия. А чаша со свадебной сценой, которую я может быть слишком смело окрестил сабазианской мистерией, и подавно не Греко-Бактрия.

Что же будет с «Памятниками Греко-Бактрии» Тревер? О боже, какой страшный удар готовите Вы своими материалами ее прекрасному, но во многом искусственному труду! Но боюсь, что пока это зависит от Орбели - Ваши бесценные ритоны перейдут в разряд памятников подкрепляющих, но никак не сокрушающих воздвигнутый ею храм, из которого унести что-либо никому не будет позволено. Или же, что не исключено, возникнет новый ее «волюм» о парфянском искусстве, бросающим свой далекий свет на туземные окраины; и тогда - две запряжки - греко-бактрийская и парфянская - повлекут за собой безжизненный труп среднеазиатской античности до самых ворот арабского нашествия. А между тем, накапливаемые археологами факты, насколько я их осмысливаю, все более говорят за то, что наша античность несравнимо моложе классической и что кушано-парфянская культура непосредственно продолжается (в Средней Азии более, чем в Иране) в памятниках византий-

ского времени, имевшего для Средней Азии, может быть, большее значение, чем искусство Греко-Бактрии, угасшие вместе с бактрийскими базиликами» (12.02.1949).

Вокруг вновь найденных ритонов и скульптур завязалась многолетняя дискуссия, главным образом между Г. Пугаченковой и Б. Стависким (позднее в неё включился и Поль Бернар), суть которой сводилась к тому, импортированными или местными считать эти удивительные произведения искусства. Б. Ставиский настаивал на том, что скульптура является привозной, как и прочие мелкие изделия, обнаруженные в царской сокровищнице, и скорее всего относятся к изделиям мастеров античного средиземноморского мира. В отношении ритонов, чья форма была явно восточного происхождения, материал - резная слоновая кость - один из одинаково дорогостоящих импортированных материалов и для Парфии и для античного мира, а пантеон скульптурных персонажей, за редким исключением (крылатого и рогатого грифона с мордой и лапами льва), был связан с греческой мифологией, Б. Ставиский считал возможным говорить о том, что ритоны изготовлены либо мастерами, воспитанными на античной художественной традиции и воспринявшими восточные веяния, либо восточными умельцами, хорошо знакомыми с греческой мифологией и античным искусством. Ряд деталей в передаче одежды и отдельных персонажей заставили предположить Б. Ставиского, что ритоны попали сюда из Бактрии или Гандхары. Точка зрения П. Бернара еще более жесткая: иконография в своей основе безоговорочно признается эллинистической, сами же произведения расценены как произведения восточных мастеров.

Г. Пугаченкова была более обтекаема в своих оценках, отдавая пальму первенства местным ремесленникам. Возможно, более явно выраженное «почвенничество» Г. Пугаченковой было связано с тем, что ей пришлось работать не в столицах империи - Москве и Ленинграде, более индифферентно относящихся к научным изысканиям в удаленных провинциях, а в национальной республике, где стремление подчеркнуть древность и самобытность своей культуры нередко обретало характер политической установки. Важно же подчеркнуть другое - она никогда не уходила от научных споров, отвечая с «открытым забралом» на подчас самую нелицеприятную критику, отстаивая идею «автохтонности» среднеазиатского искусства, лежащую в основе всех её научных концепций.

Что ж, ЮТАКЭ стала рубежной вехой в её биографии - пора ученичества безвозвратно осталась в прошлом. На смену талантливому, робкому молодому исследователю пришел зрелый ученый, за спиной которого были крупные публикации. Имя её стало узнаваемо, выработалась своя манера научного поиска, определились собственные подходы к исследованию среднеазиатского искусства и принципы взаимоотношений с людьми. В характере Г. Пугаченковой появилось то, что в течение ряда

последующих лет определяло её как личность, - она почувствовала себя лидером, за которым могут пойти люди.

ЛАЗАРЬ ИЗРАИЛЕВИЧ РЕМПЕЛЬ.

«Ютакинский период», во многом решающий в жизни Г. Пугаченковой, для меня, её биографа, отмечен появлением еще одного интереснейшего источника информации. Это письма Л. Ремпеля - пожалуй, самого верного её соратника и постоянного соавтора на протяжении более чем пятидесяти лет.

С фамилией «Ремпель» Пугаченкова столкнулась еще в студенческие годы, обнаружив как-то среди новых поступлений в институтской библиотеке его книгу «Архитектура послевоенной Италии» (1935). Однако их первая реальная встреча произошла в 1938 году, в Бухаре, куда Л. Ремпель был сослан как «член семьи осужденного лица» - вся его вина заключалась лишь в том, что он женился на женщине, чей первый муж был репрессирован в начале периода «великих чисток».

Несмотря на разность судеб - жизнь Г. Пугаченковой по меркам тех суровых лет была исключительно благополучной; Ремпель же, напротив, собрал все мыслимые и немыслимые притеснения, выпадавшие на долю «врага народа», - они великолепно дополняли друг друга. Их интеллектуальные интересы и творческие устремления были удивительно близки, хотя и не всегда совпадали. Для неё всегда была важна музыка - он же был к ней равнодушен. С другой стороны, его увлечение фотографией она воспринимала как дань ремеслу - он считал его искусством, боготворил стеклянное «око», через которое мир казался таким чистым и приятным. Но... общего все же было неизмеримо больше.

Когда-то, публикуя свое жизнеописание «Мои современники» Лазарь Израилевич щедро цитировал письма, адресованные ему Галиной Анатольевной. Вторая же часть их многолетней переписки - его собственные письма - увы! - осталась за рамками книги.

Лишенный на многие годы права свободного перемещения, Л. Ремпель мог лишь издалека наблюдать за её «странствиями»: *Сегодня Вы в опрятном номере ашхабадской «Астории», завтра Анау, зал публичной библиотеки, Эрмитаж - счастливый прелестный цветок в нашем репейнике. (27.08.1947).* Казалось, сама судьба предопределила быть ему лишь «берущей стороной». Но, однако, в строчках пожелтевших от времени ремпелевских писем, не менее чем в пугаченковских, проглядывает не только подлинная атмосфера былого, со своими радостями и огорчениями, но и полно вырисовываются устремления двух по сути практически единственных в 1940-1950-е годы признанных историков искусства Узбе-

Л. Ремпель.

кистана. Их письма были своеобразной творческой лабораторией. Здесь бушевала самая безжалостная и пронзительная критика. Здесь «скрещивались шпаги» и «бились горшки» (хотя оба страшно боялись обидеть друг друга резким словом). Здесь апробировались новые идеи, обсуждались события научной жизни и выкристаллизовывались совместные книги.

Что питало эту более чем полувековую переписку? Общность научных интересов? Дружеское участие? Схожесть мышления и близость литературного стиля? Однозначного ответа здесь быть не может. Хотя, пожалуй, главным побудительным мотивом была сама возможность быть услышанным и понятым. *Само собой, что для Вас, как и для меня, прослушать - это значит пережить и перемучиться всеми сомнениями автора, - писал Л. Ремпель, - и кроме того, не забывая о роли благожелательного критика - пытаться тревожить воображение, не давать повода для самоуспокоения и побуждать, всячески и всемерно, искать новые и новые аспекты избранной темы. (17.06.1950).*

ДИАЛОГ В ПИСЬМАХ: ОТРАЖЕННЫЙ СВЕТ

На протяжении многих лет они были первыми цензорами друг для друга: только что законченные рукописи летели заказными бандеролями из Ташкента то в Самарканд, то в Джамбул и обратно.

Прочел Бехзада с удовольствием; содержательно и изящно, я бы даже сказал - элегантно, но элегантность вообще одна из Ваших индивидуальных черт и хотя некоторые особы ставят Вам это качество чуть ли не в упрек - меня оно подкупает: почему научному исследованию не быть изящным и если речь идет о тонком искусстве миниатюры, искусстве светски-элегантном - говорить о нем устами археолога, историка или архитектора? Нет, эта вещь не похожа на Ваши археолого-архитектурные изыскания - эта статья для интеллигентной публики, лекция о красоте, творческом облике художника. Быть может она писалась долго, но впечатление, что она написана в присест, сразу, одним дыханием - я нахожу это очень ценным качеством литературного стиля. (26.11.1948).

143

Сейчас о Вашей статье о хорасанских шатровых мавзолеях. Своё письмо по поводу «Гумбега Манаса» мне, может, следовало бы сейчас порвать. Вы не только ответили в этой статье на все мои недоуменные вопросы, но и сказали здесь намного больше того, чего я мог и хотел от Вас ожидать. Почти все свои упреки и «колкости» (оказавшиеся довольно тупоконечными) беру обратно.

Оставляю в силе лишь свои замечания о стиле языка в «Манасе» и об аргументации, к которой Вы иногда по тому же рецепту прибегаете и в статье о хорасанских шатрах. Вы и здесь составляете формальный генетический ряд памятников и оговорившись, что это только генетически, начинаете дальше оперировать всем материалом так, как будто все это соответствует установленному Вами процессу также и хронологически. Например, Вы пишете, что в башне Бурана «сделан большой шаг» по отношению к Денгену, Кози-Корпеч и пр. «Как Вам не бессовестно!» (это по пьесе «Квадратура круга»). Но вообще Ваша статья во всех отношениях превосходит главы «Манаса». А уж то, что Вы пишете в ней о «муг-хана» и лазах, о которых я по удивительному совпадению подумал и Вам написал, это меня привело в полный восторг!

Конечно, поводы для придирок имеются и в статье - например, вы говорите, что примитивность может быть показателем древности (с.

65). Это неверно в любой области, не только в архитектуре. Мусульманские дахма Вы называете монолитом. А в Бохуэддине, помнится, они заключали в себе склепы. Овальные оссуарии - они собственно в плане и не овальные, а прямоугольные, иногда с округлыми углами и только сверху они переходят в овал крышки. Все это, однако, ничтожные мелочи, по сравнению с замечательными местами статьи. Интересно привлечен Ибн-Фадлан и др., замечательны ссылки на таджико-памирские находки М. Жукова, совершенно разделяю, что оссуарий - не юрта и не здание. Великолепно объяснена пирамида Зарины (сравните - и на таразских оссуариях встречаются фигуры). И язык в этой статье у Вас много яснее, чище, строже; меньше импрессионизма и больше социалистического реализма! (Без даты, 1949).

Благодарю Вас за присылку II тома «Трудов Института истории и археологии». Ваша работа занимает в нем львиную долю, помещена первым планом. Издавали долго, но в листах и в иллюстрациях Вас не ограничили, и Вы имели возможность высказать все, что занимало Вас в связи с темой об архитектурных мотивах в терракотах. В ней много искреннего, свежего; материал привлечен обильный и ряд выводов Ваших я целиком разделяю - например, очажки, как ритуальный бытовой предмет, связанный с местным культом домашнего очага, колонна - род «су-тунни саламго» и проч. Это очень у Вас хорошо. [...]

144

Ну, а недостатки? - скажете Вы. Недостатки я не замечаю: легкий, приятный стиль изложения местами достигает такого совершенства, при котором он сам себя начинает отрицать (пользуясь Вашим оборотом речи). Местами впечатление фигурного катания на катке - и все это получается так изящно, красиво и легко, что не верится, что Вы на земле; впечатление, что Вы - в полете, в головокружительном антре. Ваши ютакинские работы строже и сдержанней.

Отметил у себя такие места: различия в способе изготовления очажков - составляют «отражение различия в характере способа производства», т. е. общественного способа производства - это злоупотребление, игра словами («способ»). Штамп в терракотах употреблялся и до «свободного раннефеодального ремесленника» и, наоборот, известны рецидивы архаической техники именно в феодальную пору, когда, по словам Маркса, ряд технических открытий совершался подчас снова. В общем, тут натяжка. Насчет Исмаила Самани: «Идея и форма в нем настолько совпадают, он настолько совершенен, что дальнейший архитектурный поиск мог идти только в сторону отрицания его основных принципов - что и имело место в строительстве XI-XII веков» Ужасающий формализм! Неужели Вы всерьез думаете, что архитектура XI-XII (новая по сути дела) появилась именно потому, что саманидской дальше идти было некуда, и она, как раздувшийся мыльный пузырь, сверкающий всеми оттенками перламутра, лопнула именно потому, что разви-

ваться ей было, как мыльному пузырю, некуда и ей оставалось только сверкнуть и исчезнуть. Здесь у вас саморазвитие форм мотивировано совершенно абстрактно.

Но главное, с чем не согласен - это датировки. Здесь Вы разделили судьбу многих искусствоведов (в том числе и Вашего слуги), а именно - датируете по стилю и вопреки археологическим данным. Здесь действительно сказывается, что работа написана еще в 1942 году. Не касаясь деталей, скажу, что оссуариев старшие V века, строго датированных достоверными «комплексами», я пока что не знаю. [...] Нельзя ли истолковать изображение «вазы на очажке» (рис. 19) как стилизованный в форме сосуда плод граната (на одном семени, как на шишке пинии, в горловине и листочки в раструбе тулова) - т. е. сосуд, как источник всякой жизненной благодати (влаги и проч.). Но за исключением отдельных шероховатостей, дающих повод для придирок - в целом работа ценная и материал такой большой, что боюсь братья за обещанную тему об оссуариях и проч., к которым однако еще вернуться (Без даты, 1950).

[...] Вспоминая «Сады Темура», я нахожу, что в стиле изложения той работы было нечто от восторженности и упоения самой темой и, может быть, она была не лишена личной окраски, каких-то ассоциаций, побуждений, настроений, навеянных обстановкой Вашей работы. Та же или схожая настроенность была и в Вашей Ишрат-хоне. Эта настроенность мне всегда очень импонирует, но она не импонирует сегодняшнему дню. А дни наши суровы и поэзия личного начала находится под негласным надзором.

Ваша же работа об архитектуре Нисы - более строга, даже сурова подчас, сдержана, и Ваша подкупающая улыбка в ней затаена. Рукопись Ваша располагает к серьезности, и лишь свободная мысль уносит читателя в мир предметов и образов прошлого, кажущихся у Вас не такими романтическими, как сады Темура, но реальными, ясными, определенными, как рассудочное искусство Рима. [...]

А недостатки Вашей рукописи? Они имеются, и они у нас тоже общие. У нас много ухищрений, догадок и разгадок. Но говоря самокритично: можно ли по моей статье решить основной вопрос - какова скульптура древней Туркмении? Нет, нельзя. Выявлены частности, но не разгадано целое. И у Вас: какова была архитектура Старой и Новой Нисы? Дать реконструкцию хоть одного из зданий или погребений, видимо, еще нельзя. Я знаю, что в этом ни Вы, ни я не повинны. Но читатель ученый, а особенно средний (а они - масса) имеет основание, прочтя шестьдесят моих и более ста Ваших страниц, спросить, ну а в целом-то что же это было такое? И тут «народ безмолвствует», т. е. вернее безмолвствуем мы. Наши работы - это «элементы скульптуры» и «элементы архитектуры», а целое остается загадкой. Разгадка впереди. И разгадать ее надо

постараться не кому-то третьему, а нам, обязательно нам - иначе мы не выполним главной цели нашего труда. И если мы будем и впредь идти рука об руку, то осилить эту задачу нам будет куда легче, чем врозь. И мы будем идти сообща: я и Вы, и все другие наши друзья и товарищи по ЮТАКЭ (только я-то хромушка, как буду попевать за Вами, когда только мыслями я с Вами, а моя тюбетейка, зонтик и галоши в Самарканде). (15.08.1947).

И вдруг, перескакивая: Хорошо, что Вы собираетесь на время в Ленинград - это Вас очень освежит, и мне кажется, что такая поездка будем Вам стократ полезней, чем поездка истекшей зимой, когда Вы состояли при особе нашего учителя. Многие замечают, что в его присутствии Вы не то что теряетесь, но теряете собственное лицо (я выразился слишком резко и не совсем точно - я хотел сказать, что вы как-то ретируетесь, прячась в тени, и это очень вредит Вашей репутации в людях). Не замечали ли Вы, что отношение некоторых людей к Михаилу Евгеньевичу часто переносилось и на Вас - то есть Вас очень уважают, но вместе с тем чуждаются Вас. И это не от неверия в Ваши силы (о Вас всегда отзываются прекрасно), а в порядке условного рефлекса; Вы неотделимы от Михаила Евгеньевича, и официальность сложившихся с ним у многих лиц отношений переносится и на Вас.

Хотелось бы, чтобы Вас лучше узнали в Москве и Ленинграде [...] какой вы живой, темпераментный, увлекающийся человек, как широко и образно представляете Вы себе творчество прошлых веков и с каким тонким чутьем художника и поэта схватываете Вы каждую черточку бытия. А ведь это так не похоже на то, какой рисуется многим археологом... Ну, да какой Вы «археолог», Галочка? Вы совсем, совсем не археолог - Вы историк культуры, поэт и художник душой. Вам бы рисовать обоснованные техническим расчетом, наукой, но поднятые на степень поэзии, мечты, замки и дворцы, сказочный Кухендия-Кандия Сиявуша, а не, простите меня, такую, показалось мне, скучную грудку битого кирпича, штукатурки и грубых красок, какой запечатлелась для меня баня Новой Нисы. Вам бы поехать в Воронцовку и там бы нарисовать сангиной (без циркуля и линейки) - дона Клавиho перед громадой мечети Биби-Ханым, взметающим уличную пыль галантным поклоном и взмахом испанской шляпы в перьях. Это было бы прекрасно, и не менее научно - уверяю Вас! (Без даты, примерно август 1947).

Общность научных устремлений породила не только взаимную критическую деятельность, но и идею совместного творчества: *Вы всегда пишете в очень живой и увлекательной форме о вещах столь казалось бы отвлеченных и чуждых конкретному мышлению архитектора по образованию. Вы обладаете не только даром удивительного проникновения в творческие искания своих товарищей по науке, но и настолько пылким*

воображением, что мне, как искусствоведу, просто радостно видеть в Вашем лице единомышленника. Вы скромно называете свои суждения «лепетом на чужие темы». Но позвольте Вам возразить: во-первых, это не чужие темы, а темы, интересующие видимо нас обоих; во-вторых, я хотел бы обладать даром лепетания столь изящного по форме и проникновенного по содержанию. Вы скажите, что я пустился в комплименты: по этому случаю я умолкаю и принимаю вполне деловой тон.

Я нахожу, что некоторые темы заслуживают нашего совместного внимания. Я люблю совместную работу, потому, что черпаю в ней стимулы к размышлениям, возражениям, самопроверке и так сказать рассуждению вслух или на бумаге. [...] мое предложение для Вас невыгодно, и все же я его произношу: сделаем какой-либо этюд сообща - предпочтительно, по теме среднеазиатского эллинизма и иранства, как выразился бы М. Ростовцев. У меня интерес ко многим намеченным темам - нет ли среди них близких Вам? Перечислю наугад: 1) Анахита в искусстве Средней Азии; 2) Митра в искусстве Средней Азии; 3) Панели Афросиаба X века; 4) Резные терракоты XI-XII веков; 5) Крышка бронзового ларца XI-XII веков со сценами цикла Шахнаме в Самаркандском музее. Затем, более лично-вкусовые темы: происхождение орнамента современных узбекских тканей; лысые старцы и дионисийские божества, исторические связи искусства Согда со Скифией и Ираном. Могут быть и специально придуманные темы для длительного труда: например, памятники эллинизма в Средней Азии (скульптура и архитектура, конкретно или проблемно, с точки зрения культурно-исторической). Еще может быть что-либо по миниатюре, но здесь кроме генеалогии бухарских художников и каллиграфов XVIII-XIX веков у меня ничего нет - ни в портфеле, ни в голове. Еще меня влечет тема связи эпоса с изобразительным искусством Средней Азии...

Мне хотелось бы поработать сообща с Вами именно над такой темой, которая дает простор мысли и не держит автора в цепях описательного лицезрения вещи. Что ни говорите, а ведь как приятно осмыслить вещи с точки зрения Мирового Разума Истории. Может это непосильно нам, сравнительно молодым ученым, но разве в конечном счете не эту цель должен преследовать каждый историк материальной культуры. Или то, что он занимается материальной культурой, избавляет его от необходимости раскрывать идеи времени, разум истории?» (25.11.1946).

Однако, их первой совместной работой стала небольшая книжица «Бухара» в серии «Сокровища зодчества народов СССР». Она подарила не только массу приятных минут творческого сотрудничества, но и первые совместные огорчения и первый опыт совместного отстаивания своих позиций. Вас огорчило письмо Бориса Николаевича [Засыпкина]; меня тоже. [...] Что касается Вашего основного опасения - не вздумаю ли я

вовлекать Вас или точнее - привлекать к разработке темы «Архитектура социалистической Бухары» - то оно отпадает по одному тому, что в этом [...] я вижу определенную провокацию и одновременно издевку. Писать на эту тему - значит низводить социалистическую архитектуру до той вульгарной и низкопробной провинциальщины Бухары, которую [...] предлагают нам превознести именно в порядке сопоставления с памятниками прошлого. Это и есть провокация; не исключено, что придется в зависимости от тона рецензии, которая будет нам прислана, так и мотивировать прямую нецелесообразность сравнения бухарских новых зданий с памятниками культуры, имеющими не местное (как бухарские ясли, школы), а всесоюзное и мировое значение. (7.05.1948).

Отказываться от Бухары нельзя - жаль проделанной работы, а писать десять страниц о советской архитектуре Бухары невозможно, ибо в Бухаре давно ничего не строится. Тем не менее решил - выйдем из положения таким образом: последняя глава на 10 страниц будет на тему «Бухара старая и новая, советская». Там будет использован собранный когда-то мной в Бухаре материал о водоснабжении, хаузах, базарах, банях, эмирском «коммунальном» строительстве и прочем тому подобном «проклятом прошлом» отягощающем современные, более культурные формы общежития населения Бухары. Знаю, что Вам эта глава не по вкусу, но я уже написал Канскому и Засыпкину - получу может быть некоторые недостающие справки по новой Бухаре; надо все-таки и нам быть патриотами своего советского отечества. (11.01.1948).

Мне было приятно читать, что как не обрезана наша бедная Бухара, Вы не скорбите о ее появлении на свет и выходе из печати. Это очень слабое, немоющее дитя и главный его недостаток - отсутствие историзма, налет известного «искусствоведчества» в отрицательном смысле этого слова, т. е. налет формализма. И все же для меня крохотная книжица - память о годах, проведенных в Бухаре, и завязавшемся еще там взаимопонимании и творческом содружестве. (Без даты, 1949).

Нередки в письмах были и рассуждения совсем абстрактного плана - об идеальном Учителе: Мне кажется, что если б Ростовцев остался в России, он явился бы образцовым историком материальной культуры, чьи самые широкие, космополитические взгляды покоятся на серьезном знании не только памятников духовного творчества древних народов Восточной Европы, но и археологии. Такой ученый был бы нам ближе Бартольда, уделявшего вопросам духовного содержания культуры древнего мира сравнительно мало места. Его хорошо дополняет К. Иностранцев, который, однако, в отличие от Ростовцева, стоял очень далеко от археологии. Извините за отступление, это если хотите - вдох, скор-

В путь! Г. Пугаченкова, Л. Ремпель.
Армения. 1960 г. 15,5 x 23 см.

бный вздох, мечта о таком Учителе, какого в нашей области у нас нет. Я разделяю Вашу очень высокую оценку Акерман и вопреки недовольству многих, очень ценю работы К. Тревер. А что она допускает ошибки противу истории, то не делает их лишь тот, кто вообще «не покидая степей, сидит дома»... (25.11.1946).

Приехал из Ташкента Богданов, который жил там у Михаила Евгеньевича. Мое имя Михаил Евгеньевич не упоминает и мне не отвечает. Это меня не только глубоко печалит, но и парализует - чувствую себя не в силах засесть за доклад к юбилею. Что не говорите, а он душа нашего дела, душа ЮТАКЭ и даже те четыре пространных письма, в которых я делюсь с Вами мыслями о Дионисе-Сабазии, стали возможны лишь благодаря ему. Дело не в моем обязательном желании быть участником ЮТАКЭ или Трудов ЮТАКЭ, а в том, что в работе всегда нужен пример, нужен идеал, нужен учитель. И мне очень жаль его потерять... Только что я написал письмо Михаилу Евгеньевичу, где пишу ему о том же - т. е. о том, насколько я ценю его как руководителя моей работы и как желанного учителя. Ведь кроме Вас и Мих. Евг. мне советоваться не с кем. (14.03.1947).

И вдруг - совсем по-детски, без всякого оттенка ностальгии: Мне очень хотелось бы сейчас узнать от Вас что-либо хорошее, светлое - о Ваших радостях, находках, открытиях. Хорошо бы узнать, что Вы нашли сокровищницу Аришака, гробницу парфянского Атрея, лабиринт, в котором блуждали парни «парны», не пользуясь нитью Ариадны, и вообще что-либо такое почти фантастическое и невероятное. Ну почему какой-то одессит Шлиман, почти ненормальный маньяк, смог найти содуру сокровища царя Приама, а нашим ученым не найти нетронутыми гробницы Парфанысы? Ну почему бы Вам, Галина-джан, не найти что-нибудь сказочное? Ну да найдите что-либо такое, от чего хотелось бы танцевать и петь. Пусть там не будет ни камней-самоцветов, ни золота, но пусть это будет дивный свет сказочного творения руки человека, запечатленного в камне, глине, дереве, на металле или бумаге. Пусть все это пародия на увлечение школьника, мальчишество, но это мальчишество такого рода, что оно как вино - чем старше - тем крепче и сильнее. (Без даты, 1948).

И вдруг, то самое открытие, о котором мечталось, - свершилось: Я ошеломлен итогами археологической экспедиции этого года, о которых Вы пишете в последней письме. Это действительно «здорово»! И главное - не просто счастье подвалило, как бывало с другими исследователями, а взято все многолетним упорным трудом. [...] Античные памятники мирового значения найдены, сокровища вскрыты, их тайна разгадана не «милостью природы» или случайно, нет - они вырваны из векового мрака неизвестности дерзновенными усилиями наших отечественных ученых, не ждущих даров капризной Фортуны, смело отстраняющих её неверный, дымящейся факел удачи и ставящих на его место светоч сознательной целеустремленной науки и упорного труда ... Быть может, все это сказано слишком выпендренно, но где там подбирать слова, когда чувствуешь, что тебя буквально распирает от радости и гордости за своих научных друзей и товарищей.

Помню, как Вы без зависти писали мне о появлении книги С. Толстого: «Молодец, здорово написал, заслужил сталинского лауреата». Я думаю сейчас про Михаила Евгеньевича - молодец, выдержал, не ждал «милостей природы», взял с бою то, что не давалось в руки столько лет. Уже ретонны прошлого года оправдали все ожидания, а глиняные статуи этого года перекрыли все физические и моральные затраты ЮТАКЭ с лихвой.

«Восточное серебро» Я. Смирнова - конечно, роскошное издание - его приятно держать в руках, но оно, выражаясь современным языком, «космополитично» - в нем все принадлежит Индии, Ирану, восточному эллинизму и ничего конкретно местным античным государствам, народам древней Туркмении, Узбекистана, Киргизии и т. д. [...] Разве не ясно, что одновременность публикации, описания и осмысления памят-

*.Пюпитр для Корана перед мечетью
Биби-Ханым. Г. Пугаченкова, Л. Ремпель.
Самарканд, 1967 г. 12 x 16,5 см.*

ников новой, впервые открытой цивилизации, затмит собой во многих отношениях, даже такой, для своего времени блестящий труд, как альбом «Восточное серебро», основной текст которого еще и сейчас не издан. «Что народу в сокровищах, которые хранятся в недоступных ему амбарах помещика» - говорил о кантовской «вещи в себе» мой Гейне. И впрямь - «Восточное серебро» - это «вещь в себе», а резная кость, статуи и другие находки ЮТАКЭ - это «вещи для нас» - сокровища, тайну которых наука распознает и раскрывает для народа, жаждущего знать свою подлинную историю.

С этими новыми открытиями ЮТАКЭ были связаны многочисленные проблемы среднеазиатского эллинизма, что занимали одно из центральных мест в переписке 1940-1950-х годов. Вообще не только григорьевские, но и треверские концепции распадаются понемногу, что особенно опасно для К. Тревер, у которой стоит оборваться ушкам от сапог, как сапоги летят с грохотом вниз и рассыпаются как стеклянные. А ее работы действительно можно сравнивать со стеклом или искусственным хрусталем - такие же прозрачно-ясные, красиво граненные, гладкие и твердые, ни сучка в них, ни задоринки. Красивые работы, приятные, хорошие, но очень и очень хрупкие - стоит уронить и ... все посыпалось. (7.02.1948).

То обстоятельство, что архитектура Ахеменидов у нас не со-

хранилась - не довод начинать с Александра, ибо от Александра тоже ничего не сохранилось. Античная история, т. е. история рабовладельческого общества в Иране и Средней Азии начинается именно с Ахеменидов. [...]

О Хорезме вы пишете, что он сохранил какие-то до-эллинистические основы древневосточного стиля. Я бы на Вашем месте и начал с Хорезма, показав, что эллинизм пришел сперва именно как «наслоение», подобно индо-буддийским наслоениям, и что местная традиция всегда была основной развития, подчинявшей себе прошлое.

Этой общей основой типа и образа древней архитектуры Средней Азии у Вас не ощутить - ее поглотили, расчленили, измельчили, просеяли сквозь решето и преподнесли (Вы) в виде отдельных крупинок - антефиксов, дентикул, модульконов и прочих ступенчатых крепидом. В вопросе об античности Вы стоите на точке зрения пан-эллинизма, считая, что античное, это то, что от греков и что кончается с греками - может Вы этого не думаете и это наверняка так, но я - студент и как студент читаю только Вашу рукопись, будучи с Вашими воззрениями вообще незнаком. [...]

Второе. Период III-II веков до н. э. (Греко-Бактрия и Парфия). Вы называете в отличие от «первого», эллинистического, филэллинистическим. Если этот термин парфянский и как-то отражает положение вещей в Парфии (хотя в одном из писем некому Ремпелю Вы писали, что миф о «филэллинизме» парфян - ложный миф или вообще преувеличение) - то можно ли считать «филэллинизм» сутью архитектуры того же скажем Хорезма III-I веков до н. э.? Достаточные ли для этого основания также и для Согда (в архитектуре?) И еще: Согд и Хорезм III-I веков до н. э. это в основном не Греко-Бактрия, а Кангюй, почему же, на каком основании Вы перенесли Кангюй в следующую эпоху, эпоху кушан? Не потому ли, что в архитектуре Кангюя мы пока не знаем ничего филэллинистического? И не потому ли Вы смяли (студент скажет - «утаили») Талибарзу (как раз этой эпохи, а не как у Вас по устаревшему Григорьеву - с середины I тысячелетия до н. э.), что в архитектуре Талибарзу что-то не видно «филэллинизма»? Ох, Галина Анатольевна!

Третье. Рождение феодальной формации (тут-то Вы говорите о формации, а для более раннего времени признаете рабовладельческую формацию лишь для греков и кушан) Вы относите к III-IV векам, а ранний феодализм к V-VII векам. Было бы правильнее весь этот период IV-VII веков считать зарождением феодализма, а временем раннего феодализма считать послерабское время (скажем, VIII-XII века), но это не столь страшно. Неясно другое - Пенджикентский храм и оссуарии вы относите к античным, а замок Актепа - к «раннефеодальным» памятникам. А между тем и Пенджикентский храм и оссуарии в действительности не старше V века, т. е. такие же раннесредневековые памятники, как и Актепа, но Актепа имеет вид «феодальный» (укрепление), а храм и ос-

суарии не имеют средневекового вида, и Вы отодвигаете их в «античность», понимая, как уже отмечалось, «античность» как более или менее связанное с греческим миром эпохи от Александра до кушан. Варахиу вы относите к филэллинству, не сказав ни слова об ее архитектуре (пишете только о декоре), в то время, как коридорообразные помещения Варахи «раннефеодального» (домусульманского) времени имеют себе параллели очень многочисленные, но не укладывающиеся в установленные Вами школы.

Четвертое - это именно о «школах». Конечно, допустимо выделять по признаку местных особенностей четыре названных школы, но прежде, чем делить, надо бы изложить общее для всех них. Это «общее» Вы, скажет студент, «утаили» и раздали четырем школам таким образом, как будто то, что им досталось, является их личной особенностью. Например, «городища с жилыми стенами» - это у Вас хорезмийское явление. А Тали-Барзу не то же самое? Купола на конических или перспективных парусах - согдийская специфика? Хосров-кала и Койне-Каахка - разве это специфика только «парфянской» школы? Гофры Вы упомянули, говоря о школе Тохаристана, добавив лишь вскользь, что это общее явление. Так и получилось, что все общее роздано по школам до того, как суммировано нечто целое, общее, а не частное и особенное. Вот тохаристанскую школу Вы начали с деталей и лишь на с. 13 сделали общую характеристику. Это прием вполне уместный в научном исследовании, но в учебнике, так кажется мне, студенту, следует изложить целое и потом указать на отдельные дошедшие до нас детали.

Пятое - вопрос о реконструкции целого. Вы совершенно избегаете реконструкций целого даже в общих чертах. Эта похвальная осторожность, похвальная для исследователя, но не в учебнике - надо одно из двух: дать образ целого (как дают предположительно скажем реконструкцию маяка в Александрии) или если сделать этого для определенных эпох или для античности в целом нельзя, то не описывать «школ» - ибо «школы» вне архитектуры (т. е. пространственных решений) - это не «школы», а отдельные принадлежности работы Зодчего. В ампире сколько угодно греческих и римских деталей, но это не греческая и не римская архитектура, и если б мы знали одни детали ампира, мы вряд ли могли судить о школе русского ампира, отличать русскую школу от французской и т. д. Вы скажете, что нельзя выдумывать неизвестного. Это верно. Но тогда опять-таки, принимайте Хорезм Толстова с его реконструкциями, пускай не всегда верными, но впечатляющими, или - если ему не верите и вообще отказываетесь давать общие выводы - придите к выводу, что античную архитектуру Средней Азии студенту ВУЗа еще рано знать, ибо кроме деталей мы еще слишком мало о ней знаем по существу, а детали, профили, антефиксы и проч. пусть он лучше изучает на классических образцах, где они живут по настоящему в пространстве, у нас же они еще предметы археологии, и мы будем их изучать настойчиво и

упорно, пока не будем в состоянии сказать: вот сейчас мы действительно знаем, что такое дворец согдийского стиля и школы и в чем его отличие от стиля и школы иной области Средней Азии.

Я ни слова не писал здесь о достоинствах Вашей статьи - я прочел ее запоем - этим все сказано, но Вы ждете от меня большего - иначе бы и не прислали статью - и я отвечаю так жестко потому, что другие Вам этого, может быть, сказать не захотят, но подумают. Я же пишу о том, что думаю, вернее думал, прочитав с удовольствием статью и нарочно сбросив с себя чары Вашего великолепного слога и большой фактической эрудиции. (18.02.1948).

Ольга Александровна [Сухарева] сказала мне, что и Вас, мой дорогой соратник, «эрмитажники» очень и очень не жалуют - по причинам, не имеющим между прочим никакого отношения к науке: их осуждение, говорит О., вызывает, что Вы не синий чулок, любите экстравагантные моды и ... Ваши локоны кажутся им несколько несовместимыми с тоном и этикетом признанных ученых. (Март 1948).

Решаюсь ответить Вам на письмо со статьей о термезском сосуде с вакханической сценой сразу, не предаваясь раздумью, так как первое впечатление, как Вы как-то заметили, действительно бывает подчас самым сильным и верным, а когда приглядишься к вещам, то глядишь - мелочи настолько заслоняют главное, что главное просто упускаешь из виду. Итак, статья произвела на меня впечатление совершенно законченной по форме работы. Я говорю, что «по форме» - ибо в самой статье содержание вопроса изложено совершенно отчетливо, но вопрос содержания местного дионисизма оставлен открытым. И это сделано по-моему совершенно правильно. Вы доказали убедительным образом тот вывод своей статьи, что тема «вазы Боргезе» отвечает действительным экономическим и культурным связям могущественных государств Средней Азии и Средиземноморья в эпоху эллинизма. Вы установили - убедительно, что это первые века нашей эры. Вы констатировали, что дионисизм и его фиасы были не локально-греческим или римским явлением, но и общей чертой евразийского античного мира. Вы сделали заключение, что в Средней Азии наличествовали связанные с народными культами особые божества плодородия и виноградарства, сливавшиеся в процессе развития среднеазиатского рабовладельческого общества с образом классического Диониса и его свиты.

Со всем этим я совершенно согласен и позволю себе крепко позжать Вашу руку с признательностью, как за единомыслие, так и за поразившую мое невольное честолюбие ссылку на мои пока бесплодные, но оцененные Вами более чем великодушно, «изыскания» в этом вопросе...

Но памятуя мой дурной характер и манеру придирчивой критики, Вы, я чувствую, ожидаете, что после этих выражений полного едино-

мыслия и благодарности последуют всякие ипильки на счет тех или иных выражений, отдельных шалостей пера и проч. Представьте себе, что придирайтесь почти не к чему. Имею несколько пустяковых замечаний, о которых упомяну, дабы Вы не решили, что я попросту ото всего этого отошел, погрузившись в тину бытия.

Перелистываю статью с конца. Первое на стр. 13. Вы для доказательства наличия местного культа Диониса ссылаетесь на индийскую Нису Арриана. Не лучше ли сослаться на свидетельство селевкидского полководца Демодама, совершившего поход вглубь Средней Азии - едва ли не к берегам Сырдарьи, где он отметил алтари и статуи «отцу Либеру» (т. е. Дионису римлян). Об этом - уточнить по (кажется) Полибию (см. у Дройзена).

Второе. На стр. 12 говорится, что все эти дионисизмы «в общем сводимы к буйному ликованию празднества, связанного с завершением трудоемких работ по выращиванию и сбору винограда». Здесь что-то упрощено и социологизировано, ибо известно, что ряд «сезонных» праздников был в древности приурочен не только к степени трудоемкости или не трудоемкости, а и к явлениям круговорота в природе, то есть связан с более высокой степенью мифотворчества. «Трудоемкость» сама по себе порождала некоторые самые примитивные, магически осмысленные ужаски и прыжки, но античная религия, как и язычество в целом никак не просто «религия труда». Вы сами чувствуете, что здесь что-то упрощено...

Третье. На той же странице - о том, что здесь «азиатский Дионис», а не римский красавец типа Антиноя. «Азиатским Дионисом» называют, если не ошибаюсь, Индийского (т. е. бородатого) Диониса. Кроме того, не подменялся ли часто образ Диониса безбородым Сатиром или безбородым Вакхом, которые, если не ошибаюсь, брали на себя роль выразителей сатирического, комического, чувственно-необузданного, короче - вакхического начала в дионисизме?

Четвертое. На стр. 4. «Продолжение композиции дает пляшущая менада...» (образует?). Там же: «на спине маленький хвостик» (пожалуй все же пониже, даже на рисунке...).

Пятое. На стр. 3. «За этой головой разворачивается композиция...» Не указали, что Вы описываете далее слева направо от рельефной маски или головы Диониса (кстати, «жгут с бахромой на конце» - не змея в волосах или листве?) и выражение «за этой головой» показалось мне не образным, номенклатурным.

Шестое. На стр. 6 - верное замечание, что общераспространенной техникой среднеазиатской керамики с рельефными воспроизведениями орнаментов и фигур - были оттиск на глине или процарапывание, но не рельефный штамп. Именно для сасанидского, поздне-сасанидского времени, например, Кафыр-кала, характерен оттиск, а описанная Вами техника рельефного штампа древнее и является отзвуком более архаической

техники в местной античной керамике, может быть на греко-бактрійской еще основе. Поскольку именно в греко-бактрійской торевтике и самаркандской керамике III-II веков до н. э. по наблюдениям Тереножкина сохранились некоторые черты техники до гончарного круга. Последнее, впрочем, не существенно.

Еще я упустил отметить, что относительно «изделий городского ремесла» (с. 10), ввозившихся из греко-эллинистического мира, можно бы сослаться на более полный их перечень у Псевдо-Арриана.

Вот собственно и все мои немногочисленные пометки на полях Вашей рукописи. (5.03.1950).

Вы работаете над ритонами и, в частности, над дионисизмом и спрашиваете, хорошо ли, что Вы взялись за эту тему? Я лично очень, очень, от души этому рад, нахожу просто замечательным все это. Ведь наши с Вами собеседования и переписка на данную тему начались задолго до открытия ритонов. Не могу все забыть, как я «пришивал» за хвост весь свой дионисийский скарб к единственной мервской головке с изображением юного сатира. Это было нелегко, но это было предчувствием того, что здесь проходит рудный пласт [...] сейчас Вы его не только нащупали, но и заложили в него глубокий раскоп, шахту, штольни и чего там еще бывает в таком деле? Так двигайтесь же смелее вперед [...] под Вами твердая почва не в пример мне, когда я строил все свои домыслы во многом на песке.

Сейчас я понимаю, что многое в моих рассуждениях было от увлечения темой, от мифотворчества, от того возбуждения, что заложено в самой тематике дионисизма. Но Вы лучше подготовлены к этой теме, у Вас более твердый материал и необходимая трезвость мысли. Кроме того с Вами Михаил Евгеньевич - это предостережет Вас от разных «оргазмов» в научном труде и создает нужную для такого дела дисциплину мысли. Со своей стороны у меня к Вам такая просьба: разрешите прислать Вам мою памятную статью, читанную Тереножкиным в ИИМК, с тем, чтобы Вы в свете Ваших новоприобретенных знаний по части эллинизма, раскритиковали бы мне ее по всем коркам (дабы у меня не осталось преследующего меня насчет этой статьи самомнения), а затем весь тот материал, который сочтете в ней стоящим внимания, привлечете к своей работе, как мою посильную дань общему делу всех участников археологических экспедиций ЮТАКЭ. (Без даты, 1950). И тут же: Ваши возражения на счет ритонов-кубков, как принадлежности погребального (по Вашему) культа - тем менее сильны, чем категоричнее Вы их высказываете. Собственно, Ваши аргументы ничем не обоснованнее моих, ибо Вы их ничем не можете пока доказать, как не можете доказать даже факта существования царских гробниц в помещении, где были найдены ритоны. (9.11.1950).

Но зачастую суровая критика переходила в рассуждения о планах на будущее: Сейчас вы спрашиваете, когда и куда я поеду. [...] Может, мне и разрешили бы работать в пограничном регионе, но делать там фотосъемку памятников - боже меня упаси, потом еще не расхлебашь неприятностей, и потому мне, видимо, ни тедженский, ни керкинский маршрут не подойдут. [...] Остается Мерв. Там будет работать, кажется, один Вязигин. Не знаю, нужен ли я ему и в какой роли. Я лично готов на любое амплуа; он будет копать, а я варить обед - согласен, лишь бы были терракоты. Тема? Мне кажется, что тема остается для меня на все годы ЮТАКЭ одна и та же: искусство древности на территории Южной Туркмении. Каждый год обогащает эту тему новым материалом; он ведь не исчерпан, и потому, на худой конец, если я в полевых работах не приму в этом году участия, то я по примеру прошлых лет, все же приеду «смотреть» и не затрагивая, надеюсь, ничьих авторских интересов (интересов «раскопчиков»), изберу жертву своих очередных анализов. Может быть, это будут единичные предметы, требующие «искусствоведческой» обработки. (Без даты, 1948)

Набиев проявил чрезвычайный интерес к моему докладу и высказал горячее желание моего участия в экспедиционной работе А. Якубовского весной текущего года, но, хотя для меня это и заманчиво, страх А. перед Орбели не позволит ему согласиться на мое, даже самое косвенное участие. Ну что ж, фотограф, так фотограф. Шпокойно, шнимаю, шпортил, шнова... Вообще - шнова или снова - это стало моим неписанным, но, видимо, постоянным девизом. (Май 1948)

Нередко общетеоретические рассуждения соседствовали с колкими замечаниями о событиях, происходивших в научном мире. Дискуссия о языковедческой теории Н. Марра еще не коснулась приложения этой теории к археологии. Но уже сейчас, мне кажется, ясно, что Толстов и Бернштам строят некоторые свои археологические гипотезы на песке языковедных гипотез. Гипотеза, построенная на гипотезе из области словообразования - это высший вид циркового искусства - для меня, к счастью, просто недоступный. Если я и страдаю иногда влечением к подобному цирковому искусству, то лишь по классу партерной акробатики (не отрываясь по возможности от проторенной другими дорожки); но в воздушной акробатике некоторые археологи-лингвисты школы Н. Марра - дали непревзойденные образцы такой оригинальности, до которой мне бы и при желании не добраться. Это не только мое мнение. Маститый археолог Г. Пацевич, кончивший в доисторические времена Лазаревский археологический институт, многолетний соратник Бернштама, через руки которого проходит каждый черепок семиреченских экспедиций - иногда в отчаянии восклицает: « вся наша местная археологическая классификация - вся на песке, стоит вынуть из нашей археологической пира-

миды пару камушков, как все рассыплется. Городища классифицируются по «композиции», керамика по технике. В ином месте копнешь ... и хоть скорее присыпь обратно - все лезет из-под земли так, что лучше не смотреть. Пишешь в дневнике: «слои перепутаны». А может все и не так вовсе». В общем, археолог узкого профиля в отчаянии, но и выбраться из создавшегося положения вне известной гипотезы - он тоже не в силах. [...] Я обрисовал эти хорошо знакомые Вам в археологии крайности. Мне кажется, что крайности школы Н. Марра себя изжили. «История Южной Сибири» Киселева - труд несомненно более достойный, чем не только работы Бернштама, но может быть и «Хорезм» Толстого. Только для Вашей темы [ритоны] стиль книги Киселева мне кажется менее уместным, чем даже «Памятники» Тревер. Все-таки памятники искусства создают и особый жанр научного исследования. Издать их в стиле археологической публикации - это вполне допустимо для первооткрывателя-археолога, но Вы не удержитесь на этой позиции, и мне бы очень интересно знать, прежде всего, какой не только общей идее думаете Вы следовать в своей работе (это был мой первый вопрос), но и каков намеченный Вами стиль исследования. Усвоив это, мне будет легче понимать содержание всей Вашей работы и легче вникать в ее детали. (17.06.1950).

[...] на Ваше укоризненное восклицание «Ах, этот стиль! Какая это коварная штука!» - мне остается только кивнуть головой в знак согласия и ответить Вам: «Ах, уж этот слой! Какая это коварная штука, слой!» И как нравится всем - и археологам, и историкам, и этнографам кивать с усмешкой в сторону искусствоведов - знаем, мол, что это за штука стиль и на каком шатком основании строят искусствоведы свои домыслы. Я не отрицаю большой шаткости такого «основания». Но можно привести бездну примеров, когда «стройная» археологическая концепция построения на том или ином «слое» рассыпалась в прах - и не потому, что новые данные оказались построенными на более прочном «слое». Возьмите Тали-Барзу Григорьева или, еще лучше, Каунчи. Вы думаете, что утверждение насчет того, что это усунь, а не саки - это уже окончательно? Ведь и то и другое - это «подгонка» археологических признаков под историческую номенклатуру, иначе «усунь» не могли бы сойти за саков. [...] Так или иначе, всякий подлинный процесс мысли - от кого бы он ни исходил - от верующего в «стиль» или в «слой» - я лично только приветствую, а в защиту «стиля» могу лишь сказать, что если археология считает свою науку наиболее покоящейся на фактах, т. е. эмпирической, а учение о стилях - философской отвлеченностью, то я решил бы утверждать, что эта аналогия верна лишь в том смысле, что теория (домысел) действительно проверяется практикой. Домысел искусствоведа - раскопками археолога. Но это лишь часть истины, ибо теория, вместе с тем, освещает путь практики, которая вне теории - слаба и беспо-

Г. Пугаченкова, археолог Л. Альбаум,
директор Термезского музея В. Козловский,
историк искусства Л. Ремпель. Самарканд,
1967 г. 11,5 x 14,8 см.

мощна. И не случайно, что большинство археологов нашего времени уже не те археологи, которых выпускал Лазаревский институт. Советские археологи делают свои умозаключения, доверяя и стилю, и этнографическим данным не меньше, чем статистике находок в «слое», который представляется им комплексом не только предметов, но и сгустком идей и образов определенной эпохи. (9.11.1950).

Любопытно, какой резонанс в среде УзГУ получила рецензия Толстова на книжицу Семенова: декан истфака в своем выступлении сказал, что не слышал моего доклада (я читал о скульптуре древнего Самарканда на конференции УзГУ), но что под свежим впечатлением от рецензии высказывает опасение - нет ли в моем докладе апологетики иранизма! Правда, все запротестовали против таких заочных подозрений, но подоплека ясна: раз речь идет о до-тюркском времени - то все до-тюркское «льет воду на мельницу» иранизма и пр. Это, конечно, не делает чести таким умникам, но отражает некоторые ходячие представления путаников, плохо понимающих смысл и истоки культурных традиций современных народов Узбекистана. (Без даты, примерно в мае 1947).

Но наряду с сомнениями и критикой, сквозь строчки вдруг пробивается ничем не омраченное чувство радости. Почтальон принес бандероли с «Трудами ЮТАКЭ» (том 1) и «Материалами» (вып. 1). О блаженство, восторг, упоение! Какой переплет! (сначала, конечно, переплет!) Формат! Цветные вклады! А состав статей! А научный аппарат - примечания! И материалы! Как они скромно и превосходно изданы! Потом уже начинаешь, по жадности, сожалеть: ах, клише видовые и вообще сетчатые в «Трудах» местами плохи, ах - общей панорамы старой Нисы и Новой Нисы, хотя бы в рисунке, - нет; ах - у меня в статье часть рисунков хороша, часть груба и перепутаны подписи двух терракот - афросиабской и хорезмской (и в тексте ссылки на них соответственно неправильны), ах, но ахов все меньше и меньше и, наконец, вырывается последний «Ах»: «Ах, как хорошо!»

Потом зарываюсь в статьи: еще не читал, а уже нащупал - в «Трудах» самое интересное - история Нисы (в последующих томах главное составят раскопки); в «Материалах» сразу зарылся в статью Михаила Евгеньевича о происхождении некоторых каменных надгробников... Не знаю как для кого, а я упилился ею. Не сочтите это подхалимством или чем-либо подобным. Еще будучи в экспедиции и увидав снимки фигурных надгробников, я ахнул, но кроме этого универсального «аха» ничего сказать себе по этому поводу не мог. И вдруг такое исследование - целое откровение для жаждущего. [...] Мысленно не раз уже благодарил и благодарю Михаила Евгеньевича за содеянный им труд. Ведь это все его труды и труды. (Без даты, 1949).

[...] Ваше желание проявлять самой приветствую. Если хотите (если нужно) - напишу Вам наставление, первый параграф которого «аккуратность абсолютная». И так как вы по природе чрезвычайно аккуратны, то в полном успехе Ваших проявлений не сомневаюсь. Худшие враги фотопленки: пыль, жара и ... дети. Пыли у Вас нет, жара скоро спадет, но дети! О, дети, количество их все возрастает! Для фотопленки это, определенно, нехорошо, ну, а в прочих отношениях, конечно, прекрасно! (Без даты, 1948).

Что ж, чета, становившаяся все более и более известной и именитой, была нормальной семьей: за годы ЮТАКЭ в семье М. Массона и Г. Пугаченковой появилось еще двое детей - сын Анатолий и дочь Лиля.

ИНСТИТУТ ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ ИМЕНИ ХАМЗЫ

В 1958 году, продолжая еще вести лекции в ТашГУ, Г. Пугаченкова перешла, сначала по совместительству, в Институт искусствоведения им. Хамзы в качестве старшего научного сотрудника. Это был первый шаг к независимости в научном мире. Кафедра археологии была детищем М. Массона, и там все было подчинено его железной воле и его научным программам. Ей же мечталось о полной самостоятельности для реализации собственных исследовательских планов. Почва для этого была уже достаточно подготовлена: за спиной были серьезные публикации, опыт руководства историко-архитектурным отрядом ЮТАКЭ и кафедрой искусствоведения, солидный запас практических знаний. И с 1960 года, когда ей предложили возглавить сектор истории искусства и архитектуры в Институте искусствоведения им. Хамзы, этот уникальный для среднеазиатского региона институт, объединивший в своих стенах специалистов по истории и теории изобразительного и декоративно-прикладного искусства, архитектуры, музыки, театра и кино, стал её основным пристанищем и идеальным местом работы. Он дал ей возможность полностью реализовать задуманные проекты, занимаясь исключительно научной деятельностью, а она, в свою очередь, принесла ему мировую известность и признание, хотя, нелишне заметить, что к этому времени институт уже имел свою интересную историю⁶⁰.

161

Его создание в 1928 году логично вписывалось в программу «культурного строительства» советской власти, и в соответствии с важностью выдвигаемых задач - создание национальной культуры новоявленной республики - институт, в ту пору называвшийся Научно-исследовательский институт по изучению народной и классической музыки узбеков⁶¹, был размещен в самом центре узбекской столицы, в Самарканде, в медресе Шир-Дор, по соседству со Средазкомстарисом. Созданный при деятельном участии Абдурауфа Фитрата и Н. Миронова, он сконцентрировал первоначально свою деятельность исключительно на изучение музыкального наследия народов Средней Азии.

В 1932 году, с переносом столицы Узбекистана в Ташкент, туда же был переведен и институт. Несмотря на сложные перипетии судьбы, неоднократные закрытия, сокращения штатов и переезды, диапазон его научных исследований постепенно расширился. Уже с 1940 года, после очередного возрождения института в качестве самостоятельной структуры, здесь существовали отделы изобразительного искусства (Л. Барханов), театра (М. Верхацкий) и музыки (В. Успенский).

. Массоновские чтения - 1983. В нижнем ряду: Л. Альбаум, Э. Ртвеладзе, С. Лунина, Л. Ртвеладзе (Букинич), Г. Пугаченкова, А. Мухамеджанов, З. Усманова, Л. Жукова, О. Папахристу, А. Алабергенова; в верхнем: Д. Ильясов, И. Азимов, Б. Кочнев, Т. Мкртычев, З. Хакимов, Ю. Буряков, Ю. Рыбаков, Л. Маньковская, С. Аширов, Ю. Шваб, В. Манакова, Т. Ходжайов, В. Массон, Б. Тургунов, М. Исхаков, А. Абдуразаков, Л. Левтеева, А. Грицина и другие.

Несмотря на то, что тенденция к централизации культурной жизни становилась все более очевидной в СССР (к концу 1930-х годов были образованы многочисленные творческие Союзы композиторов, писателей и художников, тоталитарное государство нуждалось в крупных централизованных структурах, способных регулировать творческие и интеллектуальные поиски), институт оказался на периферии «борьбы на культурном фронте», сознательно уйдя в тень истории искусства, хотя и должен был способствовать выработке концепции развития искусства «национального по форме, социалистического по содержанию». Более того, именно в это время Л. Барханов приглашает к заочному сотрудничеству Л. Ремпеля, находящегося в ссылке в Самарканде, а театральный отдел возглавляет М. Верхацкий - ближайший ученик репрессированного украинского режиссера Леся Курбаса, чей театр «Березиль» был закрыт советской властью в 1933 году. Отделом музыки по-прежнему руководит ин-

дифферентный к политическим играм В. Успенский. Возможно, это отчасти, наряду с финансовыми проблемами, и спровоцировало очередное закрытие института в 1941 году.

Однако уже в 1943 году институт вновь приступил к работе, расположившись в нескольких комнатах во дворе Узбекской государственной филармонии вплотную с концертным залом имени Свердлова (ныне здание государственной Биржи Республики Узбекистан). Музыковедению по-прежнему принадлежало лидирующее положение. Что до Кабинета изобразительных искусств, то за отсутствием профессиональных кадров историков искусства и художественных критиков, он ориентировал свою деятельность под руководством А. Морозовой на исследование традиционного искусства. Г. Пугаченкова нередко бывала здесь, в единственном большом зале института, где располагались все сотрудники, а на входной, затянутой серым холстом стене были размещены народные музыкальные инструменты.

Важным этапом в истории института был 1957 год, когда он был включен в состав Академии наук Узбекистана. К сожалению, его пребывание в академической среде было недолгим: уже в 1961 году институт находился в двойном подчинении АН УзССР и Министерства культуры, а с 1963 года он снова перешел в ведение Министерства культуры. Возобладала идея Н. Хрущева о делении НИИ на академические и отраслевые, соответственно, на главные и второстепенные. В академической системе остались только Армянский институт искусств, а также азербайджанский и казахский, которые не являлись чисто искусствоведческими. Московский институт истории искусств, созданный И. Грабарем на год позже ташкентского, также был отдан Министерству культуры СССР. Но в любом случае, год вступления в академическую систему можно расценивать как начальную точку отсчета периода, наиболее продуктивного для института, который длился более двадцати лет и на заре которого Г. Пугаченкова появилась в его стенах.

ОТДЕЛ ИЗОБРАЗИТЕЛЬ- НЫХ И ДЕКОРАТИВНО- ПРИКЛАДНЫХ ИСКУССТВ И АРХИТЕКТУРЫ : СИНТЕЗ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ ИСКУССТВА

В «академический период» в институте было утверждено уже установившееся видовое разделение науки об искусстве, в соответствии с чем были созданы три отдела: изобразительного и декоративно-прикладного искусства и архитектуры (Л. Ремпель); музыки (Ф. Кароматов); театра, хореографии и кино (А. Рыбник). Внутри каждого из них формировались полунезависимые, а позже, с середины 70-х годов, абсолютно самостоятельные сектора более узких специализаций, число которых варьировалось.

В отдел изобразительных и декоративно-прикладных искусств и архитектуры входили сектор современной архитектуры (М. Булатов), сектор современного изобразительного и декоративно-прикладного искусства (А. Умаров), впоследствии разделившейся на два самостоятельных подразделения, и сектор истории искусств и архитектуры, который возглавила Г. Пугаченкова.

Именно в отделе Л. Ремпеля с наибольшей полнотой реализовался принцип синтеза различных видов искусства, положенный в основу всей научной деятельности института.

Одним из первых продуктивных направлений деятельности отдела стало исследование народно-декоративного искусства, интеллектуальным лидером которого на рубеже 1950 - 1960-х годов безусловно была А. Морозова. Первоначально, еще в начале 1950-х годов, она сумела привлечь в институт представительниц этнографической школы М. Андреева - В. Мошкову, О. Сухареву, А. Троицкую (по контракту); потом пригласила в институт крупнейшего мастера-керамиста М. Рахимова; затем - Н. Аведову, С. Махкамову, Д. Фахретдинову. Ими в 50-60-е годы была выпущена серия альбомов по различным видам традиционного декоративно-прикладного искусства, где наряду с приведением подробнейших чертежей постро-

Новый год в Институте искусствознания.

ения орнаментов, основных мотивов традиционных узоров, описания техники изготовления, приемов и материалов, делалась попытка оценить традиционный опыт с точки зрения его применения в современном искусстве, промышленности и архитектуре. К этой серии примыкают и работы, посвященные художественной и архитектурной керамике Узбекистана.

В недрах отдела Л. Ремпеля в начале 1960-х годов стала складываться также группа архитекторов, в центре внимания которых были вопросы современной архитектуры и градостроительства: сначала это были П. Захидов и Т. Кадырова, а с 1964 года к ним присоединился М. Булатов, в ту пору главный архитектор Ташкента, впоследствии заведующий сектором современной архитектуры (1967). Научным результатом этой творческой группы стали работы, в которых осмысливались проблемы урбанизма среднеазиатских современных городов, проекты их реконструкции, отдельные памятники архитектуры XIX-XX веков. Во многом благодаря этим исследованиям сегодня сохраняется возможность умозрительного воссоздания утраченного ныне исторического облика городов Узбекистана, соотносимого с разными этапами XIX-XX веков. В особое направление впоследствии вылилось исследование традиционной, колониальной и современной архитектуры различных регионов Узбекистана.

Со временем оформилась группа специалистов в области современного изобразительного искусства: Л. Жадова, Н. Зиганшина, М.

Мюнц, Р. Такташ, А. Умаров, позднее - Н. Абдуллаев, Т. Махмудов, А. Эгамбердиев. Начав с очерков о творчестве отдельных художников, заметок о проходивших конкурсах и выставках и не отказываясь от жанра художественных анналов и впоследствии, сектор, а позже отдел, перешел к созданию работ, панорамно представляющих историю современного изобразительного искусства. Опыт их работы, даже признавая господство чисто описательного, а не аналитического подхода, не оценим в плане выработки методики художественной критики, не имевшей в Средней Азии глубоких исторических корней.

Но поистине мировую известность и признание принес институту сектор истории искусства и архитектуры, возглавляемый с 1960 года Г. Пугаченковой. Представляя собой своеобразный склепок её научных интересов, сектор охватывал многие отрасли истории искусства. Но звездной находкой Г. Пугаченковой стало создание Узбекистанской искусствоведческой экспедиции, в которой не только блестяще воплотился дух археологической школы М. Массона, но и было привнесено новое понимание роли археологии в познании Древнего искусства.

ЗВЕЗДНАЯ НАХОДКА: УЗБЕКИСТАН- СКАЯ ИСКУССТВОВЕД- ЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Идея создания собственной экспедиции зародилась у меня давно. И не только потому, что хотелось самостоятельности. Нет, просто я поняла, что продуктивно заниматься историей искусства можно только, имея доступ к новым находкам произведений художественной культуры. Зачастую это было довольно затруднительно: археологи допускали искусствоведов к обнаруженным древностям лишь после общей обработки материалов экспедиций и их опубликования, а на это иногда уходили годы. Хороший раскопщик не всегда был хорошим интерпретатором! Да нередко бывало и так, что открытый материал годами оставался не только неизданным, но нередко и необработанным, а потому фактически недоступным для изучения.

С другой стороны, археологов при раскопках больше интересовали стратиграфия слоев, комплексы материальной культуры, обрисовываю-

Г. Пугаченкова. За расчисткой скульптуры. Ханакатепа. 1960 г.

ице обций уровень развития в его наглядных вещественных формах. Обнаружение же предметов искусства было желательным, но отнюдь не обязательным. Более того, археологи презрительно называли тех, кто стремился найти впечатляющие по своим художественным достоинствам памятники, - «кладоискателями». А иногда, даже зная где копать, чтобы найти художественное произведение - обходили это место стороной, понимая, что подобный раскоп потребует чрезвычайно много сил и времени для фиксации находок и последующего изучения. Искусствоведам же нередко приходилось ждать годами, что и когда перепадет на их долю от археологов. В общем, искусствоведение в Средней Азии понуро плелось вслед развивающейся семимильными шагами археологии.

Потому-то и пришла мне в голову мысль о создании независимой искусствоведческой экспедиции. Идея заключалась в том, чтобы используя археологические методы маршрутных рекогносцировок и раскопок, которыми я к тому времени уже неплохо овладела, сосредоточить главные усилия на выявлении памятников архитектуры, изобразительных и прикладных искусств, как наземных, так и погребенных в земле. Основу работ должна была определять искусствоведческая направленность - выявление новых памятников, изучение градостроительного искусства и архитектуры, художественный анализ произведений зодчества, изобразительных и прикладных искусств. Для этого нужны были многолетние, целенаправленные исследования специальной экспедиции с участием ар-

хеологов и искусствоведов. И такая экспедиция была создана при руководством мною секторе истории искусств Института искусствознания.

Вспоминаю, с каким скепсисом УзИскЭ была воспринята некоторыми археологами. Что это ещё за искусствоведческая экспедиция, с собственными археологическими работами? - говорили они. - Это недопустимое дилетантское приспособление археологии для узких искусствоведческих интересов ...

Мне кажется, что работы выполненные УзИскЭ, подтвердили правоту её создания. Вместе с тем, опыт проведения в Узбекистане экспедиции искусствоведов имел место еще в 1927-1929 годах. То были экспедиции Музея восточных культур, возглавляемые профессором Б. Денике.

Каковы же были методы работы УзИскЭ? Вначале - выявление перспективных для изучения памятников. Для этого осуществлялись маршрутные разведки целых регионов, с наметкой на тех объектах, где, исходя из общих наблюдений подъемного материала, следовало бы в дальнейшем поставить разведочные раскопки. Попутно, - а нередко и специальными выездами, - велось изучение архитектурных памятников или их руин, расположенных в удаленных районах и не привлекавших прежде внимания исследователей. Метод себя оправдал - уже первый год работы, да и потом все последующие приносили открытия памятников, становившихся объектами исследований - иногда многолетних. Для раскопок в большинстве нами были избраны объекты древнего (античного) периода. Из относившихся же ко времени средневековья изучались наземные, нередко первоклассные архитектурные памятники...

Кассета закончилась. Мне не довелось ездить в экспедицию с Г. Пугаченковой: наша первая встреча произошла в 1993 году, а Галина Анатольевна уже со второй половины 80-х годов в экспедиции не выезжала. Но история УзИскЭ мне, как человеку, работающему в Институте искусствознания, была хорошо известна.

АРХЕОЛОГИЯ ИЛИ ИСКУССТВОВЕ- ДЕНИЕ: ИНАЯ СОПОДЧИНЕН- НОСТЬ

Я знала, что Узбекистанская искусствоведческая экспедиция создавалась Г. Пугаченковой в 1960 году как экспедиция особого типа, практически не имевшая аналогов в прошлом. Я знала, что было очень

сложно подвести обоснование под создание этой специальной искусствоведческой экспедиции, ведь по сути все методы работы, что использовались в УзИскЭ, были чисто археологические; «исствоведческих» методов раскопок как таковых не существует, а «кладоискательство» в своем чистом виде - спонтанные раскопки безо всяких фиксаций ради какого-либо впечатляющего объекта - ушло в прошлое еще в XIX веке и, конечно, не к этому стремилась вернуться Г. Пугаченкова.

Пожалуй, принципиальное отличие было лишь в декларируемых приоритетных целях и в иной соподчиненности в экспедиции двух отраслей гуманитарных наук - археологии и искусствознания.

Была изменена сама стратегия существования истории искусства: до этого искусствоведы работали, в основном, с памятниками из музейных собраний; приоритет в открытии новых произведений искусства и их публикации оставался у археологов; доступ к новому материалу для историков искусства был затруднен. Соответственно, археология расценивалась как базовая наука, а искусствоведение - как ее производное. Г. Пугаченкова попыталась изменить это соотношение: во главу угла были поставлены не задачи реконструирования исторического прошлого на основе археологических находок, а поиск и культурологическая интерпретация произведений искусства. Соответственно, искусствоведение же было объявлено супернаукой, единственной, которой доступно понимание сути древнего искусства, а археология, из безусловного лидера, каким она была ранее, была переведена в разряд вспомогательной дисциплины.

Подобная перестановка акцентов не привела к пренебрежению основными принципами археологических исследований в научной деятельности УзИскЭ: имея за плечами многолетний опыт археологической работы в ТАКЭ и ЮТАКЭ, широко привлекая профессионалов-археологов и сама играя роль связующего центра между «землей» - археологией и «небом» - искусствоведением, Г. Пугаченкова, учитывая все современные требования методики археологических исследований, не скатилась в «кладоискательство», но получила прямой доступ к новым находкам и право их первой публикации. Идея создания всеохватывающей истории искусств Узбекистана к этому времени уже сложилась как базовая в реестре научных интересов Г. Пугаченковой, и этой идее было подчинено все - и работа сектора, и создание независимой археолого-исствоведческой экспедиции, и выработка концепции её существования, рассчитанной на экстенсивный метод производства археологических исследований (наиболее важным представлялось охватить исследованиями как можно большую территорию, выявить яркие памятники искусства, впервые ввести их в научный оборот, не стремясь при этом к глубокому компаративному, стилистическому или иному анализу, предпочитая от первопубликации исключительно информативного характера перейти сразу к популяризации).

Чайхана. Халчаян. Слева крайняя Г. Пугаченкова, напротив археолог В. Горячева. 1962 г. 9 x 14 см

С другой стороны, многие видели в этой ситуации желание работать абсолютно независимо от академических и университетских структур, имея в своем распоряжении собственную экспедицию.

И еще одно соображение: будучи руководителем сектора истории искусств, Г. Пугаченкова имела под своим началом сотрудников, область научных интересов которых была весьма различна. Идея комплексности экспедиции отвечала стремлению задействовать всех или почти всех своих коллег. А потому первоначально УзИскЭ, зародившиеся в недрах сектора, была практически его копией. Вне экспедиции существовала, пожалуй, только история миниатюрной живописи.

ТЕРРИТОРИАЛЬ- НЫЙ ВОПРОС В АРХЕОЛОГИИ

Принятие решения о создании собственной экспедиции было половиной дела. Наиболее важный вопрос, который следовало решить - где копать? Для археологической экспедиции зачастую именно историко-гео-

графический фактор является определяющим. Желательно, чтобы выбор был подкреплен свидетельствами древних письменных источников, обозначающих ареал некогда имевших место исторических событий. Идеально - событий ярких, неординарных, которые уже трансформировались в обыденном сознании в легенду. Классическим примером такого рода памятника выступает Афросиаб, связанный с одним из самых впечатляющих эпизодов мировой истории - походом Александра Македонского на Восток, и расположенный в легендарном Самарканде, что на протяжении веков занимал ключевые позиции в длинной череде центрально-азиатских цивилизаций. Повышенное внимание к его археологическому изучению было гарантировано задолго до начала раскопок. Но на Афросиабе, где впервые в Туркестане еще в XIX веке начались планомерные археологические работы, уже в течение многих лет работала группа исследователей Института истории и археологии (позднее - Института археологии АН Узбекистана), а изучение Хорезма было прерогативой С. Толстого.

«Территориальный вопрос» всегда был очень болезненным для археологов, и не только среднеазиатских. Причины этого - в самой сути археологических работ. Пожалуй ни в одной из других отраслей исторической науки эвристический момент так не силен, как в археологии. Открытие неизвестного городища - событие, которое в анналах истории навсегда остается слитым с именем его первооткрывателя. Ни одна из последующих публикаций не обойдется без упоминания его имени. С другой стороны, раскапывая памятник, археолог, по сути его «уничтожает». К изучению письменного источника, архивных документов или нумизматического материала каждое новое поколение исследователей может возвращаться вновь и вновь, находя их состояние неизменным и давая им свою интерпретацию, в идеале - не отягощенную чьим-то мнением. В археологии же последующие поколения могут восстановить первоначальный облик городища и картину прошлых раскопок только по публикациям и личному архиву своего предшественника. Увидеть же памятник «в стерильном состоянии» уже невозможно. Любое дальнейшее изучение памятника, даже если будут предприняты на нем новые раскопки, будет проходить отчасти опосредованно, через его «первораскопщика». Потому-то среди археологов так сильно стремление быть «первым»: лишь публикация новых материалов расценивается как «настоящая наука», все остальное, за редким исключением, проходит скорее по статье «компиляция». Только новые находки дают известность и признание, а потому утрата «своей территории» для археолога подчас равнозначна уходу из когорты «исследователей».

Потому-то «географический фактор» был столь важен при создании УзИскЭ. Именно он таил в себе половину будущего успеха экспедиции. Несмотря на многие драматические перипетии на протяжении почти сорока лет ее существования, территория многолетних стационарных ра-

бот УзИскЭ оставалась практически неизменной - Северная Бактрия и Самаркандский Согд. Частично также были затронуты Бухарская, Кашкадарьинская и Ташкентская области (это произошло несколько позднее).

ПОЧЕМУ БЫЛ ИЗБРАН ИМЕННО ЭТОТ ГЕОГРАФИЧЕС- КИЙ АРЕАЛ?

172

Стремясь не ущемить «территориальные интересы» других археологических экспедиций, Г. Пугаченкова, избравшая для себя в качестве приоритетного направления исследование эллинизма в Средней Азии, на первых этапах никак не могла решить чему отдать свои предпочтения - Северной Бактрии или античному Согду. Северная Бактрия ее привлекала с постстуденческих времен, ибо первая археологическая экспедиция, в которой работала Г. Пугаченкова, ТАКЭ, вела исследование именно в этом географическом регионе, и именно здесь она впервые столкнулась с эллинизмом. После работы в ТАКЭ появилась её первая «эллинизирующая» статья о базах и капителях античной Средней Азии; до этого её интересы были сконцентрированы исключительно вокруг средневековой архитектуры. Таким образом, с Бактрией были связаны первые штудии эллинистической архитектуры. Но в отношении изобразительного искусства пальму первенства удерживал Согд - первые «эллинизирующие» статьи Пугаченковой в этой области строились на анализе согдийских терракот и гемм.

Однако античный Согд уступал античной Бактрии по степени изученности. К началу 1960-х годов уже ни у кого не вызывало сомнений, что именно в Бактрии находился основной театр античной среднеазиатской истории и что именно здесь был эпицентр взаимодействия коренных бактрийских, эллинистических и индийских культурных традиций. Первый прецедент «великих археологических открытий» в Бактрии был сделан на территории «советской» Бактрии. Открытие знаменитого айртамского фриза знаменовало собой начало изучения кушанского этапа в среднеазиатском искусстве. Сенсационные находки французской археологической миссии в Афганистане, сначала на Сурх-Котале, позже на Айханум подтвердили необычайную перспективность Бактрии с точки зрения потенциальных открытий и вывели изучение среднеазиатской античности в центр внимания мирового научного сообщества. Нужно было искать нечто, что стало бы еще одним свидетельством существования кушан в Средней Азии и что подкрепило бы право существования кушан-

ской проблематики в искусствоведении. Но где? Да где же, как не здесь, в самом сердце среднеазиатской античности, в Бактрии! Тем более, что Бактрия становилась все более и более привлекательной как для специалистов - археологов, историков, искусствоведов и эпиграфистов, так и для сторонних науке людей, суля международную славу и признание.

Решающим же в выборе географической зоны стало открытие Халчаяна - первого, самого главного памятника, обнаруженного совершенно случайно: во время земляных работ у колхозной машинно-тракторной станции ковш экскаватора задел круглую каменную базу в форме тора на квадратном основании, вне всяких сомнений - эллинистическую. В Институте искусствознания об этом узнали от директора Термезского областного краеведческого музея В. Козловского. Случайная находка, выплывшая в Халчаяне, во многом сыграла решающую роль в маятнике приоритетов, окончательно склонив выбор Пугаченковой в пользу Бактрии.

Однако параллельно УзИскЭ на первых порах (сезоны 1962, 1963, 1964 годов) вела работы и в античном Согде (в области Мианкаля), который был практически весь изрезан маршрутными рекогносцировками исследователей УзИскЭ Э. Ртвеладзе, Б. Тургунова, Д. Зильпер, Д. Сидоровой. На ряде же городищ, открытых в ходе рекогносцировок (Катта-Кумышкантепа, Чуанчитепа) производились археологические раскопки. Колебания однако вскоре прекратились - Согд не давал произведений изобразительного искусства, а Бактрия обещала великолепную скульптуру, что была так необходима для будущей истории искусства. Потому активные рекогносцировки в Согде прекратились вплоть до семидесятых годов, когда открытие иштиханских оссуариев вновь заставило Г. Пугаченкову обратить деятельное внимание на этот регион.

После пяти сезонов 1959-1963 годов, исчерпавших Халчаян, Г. Пугаченкова не оставила Бактрию, так как ждала от нее новых находок скульптуры, но начала здесь серию масштабных рекогносцировок и небольших археологических раскопок разведывательного характера. Маршрутные экспедиции получили наиболее широкий размах с 1968 года. География деятельности УзИскЭ значительно расширилась. Без преувеличения можно сказать, что маршрутными рекогносцировками по Сурхандарьинской области, проводимыми в основном Э. Ртвеладзе, была покрыта почти вся ее долинная и частично горная зона, где открыто больше сотни античных городищ, поселений, тепа. Не случайно, на археологической карте Средней Азии Сурхандарья - район действия УзИскЭ - предстает как один из самых изученных в археологическом отношении регионов, который может сравниться только с Самаркандом и его окрестностями, Хорезмом, Южным Туркменистаном и Чачем (в результате предпринятых рекогносцировок Э. Ртвеладзе были подготовлены археологические карты Сурхандарьинской области по отдельным историческим периодам).

После Халчаяна последовал возврат к Айртаму, затем городища Шортепа и Хатын-Рабат. Второй главной удачей Г. Пугаченковой стал Дальверзинтепа, где уже в 1961 году изучалась цитадель, а в 1966 году - буддийское святилище в округе. Экспедиции везло. Потом добавились рекогносцировки по Кашкадарьинской области, раскопки в Самаркандской области, в районе Мианкаля и Иштихана, единичные работы были проведены в Бухарской и Ташкентской областях.

ИСКУССТВОВЕД- ЧЕСКАЯ И ... КОМПЛЕКСНАЯ

Опираясь на опыт работы в составе Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) и Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) М. Массона, Г. Пугаченкова сориентировала деятельность экспедиции по трем направлениям: а) изучение методом рекогносцировок и последующих раскопок памятников, погребенных в земле под культурными напластованиями; б) тотальное

В экспедиции. Короткая передышка. Г. Пугаченкова, Б. Тургунов с рабочими. Дальверзинтепа, 1972 г. 11 x 16,5 см.

обследования наземных памятников архитектуры вне зависимости от степени их сохранности; в) изучение народно-прикладного искусства.

В составе экспедиции, объединившей как сотрудников Института искусствоведения, так и специалистов из других учреждений республики, работали в разное время представители нескольких поколений археологов, искусствоведов, архитекторов: Р. Абдурасулев, Т. Беляева, С. Болелов, А. Восковский, В. Долинская, Л. Жукова, П. Захидов, Д. Зильпер, Дж. Ильясов, А. Исламов, Ш. Илхамов, М. Исхаков, Т. К. Мкртычев, Л. Мережин, Е. Некрасова, Н. Немцева, С. Савчук-Курбанов, А. Сагдуллаев, М. Сафаров, Д. Сидорова, Н. Сотникова, Л. Ремпель, Э. Ртвеладзе, Д. Рузыбаев, Д. Русанов, Ш. Ташходжаев, Б. Тургунов, З. Хакимов, Х. Хуснутдинходжаев, Э. Юсвалиев. Помимо этого, при УзИскЭ под руководством Е. Федорович сложилась Экспериментальная лаборатория по научной реставрации и консервации произведений искусства, извлеченных из-под земли, как экспедиционной, так и последующей камеральной, где наряду со специалистами-химиками (С. Вивденко, С. Левушкина, В. Лунева, Н. Сотникова) работали скульпторы (В. Лунев, Д. Рузыбаев, Х. Хуснутдинходжаев). Отдельно при экспедиции была создана фотолаборатория (А. Варфоломеев, Д. Михайлов).

Несмотря на то, что решающим при создании УзИскЭ были научные интересы Г. Пугаченковой, ориентированные в ту пору на исследование эллинизма и кушанской Бактрии, экспедиция была толерантна ко всем историческим периодам.

Доантичная культура Бактрии была связана с рядом (более полусотни!) городищ протогородской и раннегородской цивилизаций, в частности, Моллалы и Кизилтепа в Миршаде (II тысячелетие до н. э. - первая треть I тысячелетия до н. э.), Бандыхан I-II, Талашкан, Джандавляттепа.

Античность и ближайшие предшествующие и последующие ей периоды были представлены раскопками городищ на территории Сурхандарьи - Халчаян (1959-1963), Айртам (1964-1966, 1979), Дальверзинтепа (1960-1963, с 1967 по настоящее время), Кызылтепа (1970-1986 с перерывами), Бандыхан (1972-1976), Кампыртепа (1979, 1982-1991), 1999-2000 годы - Хатын-Рабат, Шорттепа, Миршаде, Бараттепа, Биттепа; на территории Мианкаля - Кургантепа, Орлатский могильник (1980-1987), Катта-Кумышкенттепа, Арбинжан, Умаминтепа.

Исследования на средневековых памятниках проводились на городище Будрач в Сурхандарьинской (1977-1990), Иштихан в Самаркандской (1970, 1979) и Рабат-и-Малик в Бухарской областях (1973-1977). Раннее средневековье было представлено крупной буддийской ступой в районе Хазарбага, могильником Биттепа, замком Кулогликтепа, жилым комплексом в Шуроб-Кургане.

Историко-археологическому комплексному изучению были подвергнуты памятники средневекового зодчества: комплекс Шах-и Зинда, мав-

зелей Араб-Ата и мечеть в Тиме (Самаркандская область); ханака Имам-Бахра в Калаи-Дабус (Бухарская область); комплексы некрополей Ак-Астана-Баба (Сурхандарьинская область), Касби, Лянгар-Ата, Ташмечеть, Яланг-мечеть, Хазрати-Бахлол в селении Кукча (Кашкадарьинская область); мечеть Имам-Маин Хазрети-Шейх в селе Каучин, ханака Илимхан близ Китаба; комплекс некрополя Кусам-ата в селении Пудина.

Не осталась без внимания и поздняя архитектура Узбекистана. Исследования жилых домов, усадеб, культовых зданий - квартальных и сельских мечетей, бань - проводилось в Самаркандской области, где были также собраны данные о народных мастерах-строителях.

Музей Института искусствознания. Слева направо : Давыдов, Л. Ремпель, Г. Пугаченкова, Э. Ртвеладзе, С. Савчук (Курбанов), В. Лунева. Ташкент, 1989 г. Фото Д. Михайлова, 11,5 x 16,8 см.

Однако, не вдаваясь в детали - их каждый любопытствующий найдет в многочисленных научных и популярных статьях самой Г. Пугаченковой (отмечу в скобках, что всего по материалам УзИскЭ было опубликовано четырнадцать книг и сотни научных статей) - отмечу, не погрешив против истины, что именно находки памятников античного времени принесли экспедиции международную славу. Характер художественной культуры античной Северной Бактрии и мианкальского Согда выступил из глубины веков все более и более отчетливо (еще бы - ведь в ходе

рекогносцировок было выявлено более ста античных в своей основе городищ!), а понятие «среднеазиатская античность» окончательно утвердилось в научном лексиконе, как и признание самобытности синкретического искусства этого периода, несущего отблески различных культурных и религиозных систем.

Перестали быть загадкой приемы античного градостроительства в Средней Азии. Прояснилась урбанистическая структура города - её истоки - местный бактрийский субстрат и инородные влияния - восточно-иранское, эллинистическое, индийское, греко-римское; отчетливо обозначилась система социо-профессионального расселения городского населения,

177

Каменные базы айвана жилого дома на античном городище Дальверзинтепа (ДТ-6). 1972 г. 12 x 16,5 см

принципы фортификации, ирригационных сооружений, светского и культового строительства, приемы строительного дела (сырцовые и пахсовые конструкции стен, балочные и сводчатые системы перекрытий) и эстетические установки архитекторов той поры (двор в обводе помещений, колонный айван, сгруппированные жилые и хозяйственные помещения, изолированная домашняя молельня).

Новыми данными пополнились представления о религиозной жизни античной Бактрии. Наряду с буддийскими памятниками, отдельные

типы которых были известны научному сообществу и до начала работ УзИскЭ, были открыты и изучались архитектурные сооружения, связанные с иными, локальными, культами. Такие находки как два храма Великой бактрийской богини на Дальверзинтепа, погребальные наусы там же, довольно часто встречающиеся в Бандыхане и близ Кампыртепа, домашние святилища с нишами для возжигания огня свидетельствовали о наличии, параллельно буддизму, верований авестийского круга и культа предков.

Сложность религиозных представлений и социальной организации общества античной поры проявилась в скульптуре и живописи. Сенсационные пластические циклы, открытые УзИскЭ в дворцовых и храмовых сооружениях Халчаяна и Дальверзинтепа, спровоцировали продолжающуюся до сегодняшнего дня дискуссию о кушанском искусстве.

Проблемы стиля, которым столь много внимания уделяла в свое время Г. Пугаченкова, отошли на задний план: утверждение о том, что каменные фризы Айртама несут на себе черты влияния гандхарской художественной школы, где переплелись традиции эллинизма и индийской пластики, а скульптура Дальверзина и Халчаяна более локальна по своему исполнению, что дает право говорить о наличии уже самостоятельной бактрийской школы - стало аксиомой. Однако проблемы датировок, персональных идентификаций скульптурных изображений Халчаяна и Дальверзинтепа, иконографическое и символическое их толкование остаются в поле актуальных вопросов истории искусства и сегодня.

Не осталась без внимания и мелкая пластика. Работы УзИскЭ значительно - количественно и качественно - дополнили состав северо-бактрийских терракот, среди которых доминировали культовые изображения, в частности, Великой бактрийской богини, обожествленного всадника, что позволило детально разработать их типологические ряды. Уникальными же по своему характеру являются клад серебряных монет из Будрачтепа, древнейшие шахматные фигурки из слоновой кости, пластины из слоновой кости из Орлатского могильника, скульптурная головка из камня из Миршаде⁶².

Не менее интересные результаты дало изучение ювелирного искусства, великолепные образцы которого были воспроизведены в скульптурных портретах, а также найдены среди предметов погребального инвентаря в наусах Дальверзинтепа и Бандыхана и в составе знаменитого дальверзинского золотого клада, ставшего еще одной «звездной находкой» УзИскЭ. История этого открытия до сих пор рассказывается в ученых кругах как забавный анекдот.

ЗОЛОТОЙ КЛАД ДАЛЬВЕРЗИНА

Рабочий день клонился к концу. Студенты Театрально-художественного института Т. Дустаев и П. Харратов устало копали шурф в одном из углов узкого коридора в крупном доме аристократического квартала города, или иначе, по принятой на Дальверзинтепа археологической кодировке, в комнате № 13 объекта ДТ-5. Ну что интересного могла сулить эта «конура» со злосчастливым номером? Да и задача перед студентами

179

«Счастливым» кувшин, в котором был найден клад золотых вещей из дома ДТ-5 на Дальверзинтепа. Слева направо члены Узбекистанской искусствоведческой экспедиции (УзИскЭ) : Т. Беяева, Б. Тургунов, Э. Ртвеладзе, Г. Пугаченкова. Институт искусствознания, Ташкент, 1973 г. Фото А. Варфоломеева, 16 x 23 см.

была поставлена далеко не романтическая - нужно было всего-то на всего определить на материке ли (то есть на нетронутой почве) выстроил свой дом богатый горожанин или же ему предшествовали более ранние

*Представление золотого клада
Дальверзинтепа. Слева направо : И.
Морозов, Г. Пугаченкова, Э. Ртвеладзе, Б.
Тургунов, А. Рыбник, В. Захидов. Ташкент,
Институт искусствознания, 1973 г. Фото
А. Варфоломеева.*

археологические слои. То ли дело другие объекты - там были найдены каменные базы античных колон, живопись в айване, жженные кирпичи из бани с оттисками печатей с изображением Будды на лотосовом сиденье, шахматные фигурки. А здесь...

И вдруг под слоем забутовки из плотной пахсы - «Фальшивый пол, Таня!» - глухой звук. «Кувшин! С золотом!». «Ну и Бог с ним, прекратите разыгрывать», - руководитель раскопа Татьяна Беляева стойко верила в неудачное число. «Таня, правда, золото!».

Через минуту на соседнем раскопе слышалось уже Танино: «Эдик, золото!». Ртвеладзе явно не верил. Ему казалось, что Беляева решила отыграться за недавний розыгрыш. Расчищая старый раскоп, куда им же в конце прошлого сезона была закопана бумага, оберегающая вскрытую кладку, Эдик с таинственно-загадочным видом показал пыхтевшей ему в затылок Тане полуистлевшие за год остатки бумаги - «Рукописи!». Таня тут же исчезла, а через десять минут на раскоп Ртвеладзе прибежала Галина Анатольевна «Где рукописи?».

Но скепсис Ртвеладзе не выдержал Таниного напора. А вскоре из комнаты № 13 послали гонца к Б. Тургунову. Золото сложили на носил-

ки, присыпали землей и двинулись в лагерь в дом к Хасан-ака, где и сгрузили все сокровища в кухонной кладовке. Там же вечером составили первую опись клада из 115 наименований, а рано утром, проведя бессонную ночь с ружьем под подушкой, Э. Ртвеладзе и Б. Тургунов, набив золотом три походные сумки, отправились сначала на грузовой колхозной машине до Денау, а оттуда - автобусом до Душанбе. Как всегда, денауский автобус был переполнен, и кто-то из вновь вошедших, плюхнулся на одну из «золотых сумок». Так и ехали: остолебневшие, не смеющие проронить ни слова археологи и ничего не подозревающий пожилой узбек.

На первый рейс в Ташкент билетов уже не было, дождались, затолкав сумки под скамью, второго. К трапу шли, весело помахивая неподъемными сумками - никто не должен был догадаться, как они тяжелы! В Ташкент самолет прилетел уже к четырем часам пополудни. В Институте искусствознания не было ни души. Наконец-то удалось найти заместителя директора Института А. Рыбника. «Что у вас тут случилось?» - недовольно начал он, переходя порог своего кабинета. Со стола, на котором уже успели разложить сокровища II-III веков н. э., резко сдернули газеты. Последовал шок, затем серия телефонных звонков - секретарю ЦК по идеологии А. Салимову, его помощнику Морозову, потом и самому Ш. Рашидову. Клад перенесли в ЦК партии. Вскоре подошла Г. Пугаченкова, накануне уехавшая с Дальверзинтепа для подготовки к поездке в Афганистан, и было решено сдать клад на хранение в ташкентский банк. В полночь дальверзинские сокровища наконец-то были «оприходованы». И вплоть до сего дня золотой клад из Дальверзинтепа, оцениваемый специалистами выше, чем знаменитый Амударьинский клад (клад стерилен, четко датирован и содержит эпиграфические памятники), находится в золотом фонде Узбекистана. А что, если бы шурф был заложен в другом конце коридора? Клад бы мог пролежать еще не одно столетие.

Дальверзинский клад дал также и образцы надписей кхароштни, представленных в виде кратких записей на золотых брусках. Но не только «золотые письмена», так же как и отдельные фрагменты надписей на черепках из Халчаяна и Дальверзина, определили вклад УзИскЭ в эпиграфику античного Востока. Такой находкой стала многострочная посвятельная надпись бактрийским лапидарным письмом (более 200 знаков) в основании скульптурной стелы из Айртама, обнаруженная в 1979 году, вторая по своему значению в мире после знаменитой надписи из Сурх-Котала в Северном Афганистане, а также надписи на бересте из Кампыртепа.

Принципиальный интерес представляло также открытие в Иштихане в 1970 и 1979 годах богато оформленных оссуариев, входящих в единую стилистическую группу с обнаруженными еще в начале века знаменитыми оссуариями из Бия-Наймана, но дающих представление о

Иштиханские оссуарии. В. Лунев, Г. Пугаченкова, 1979.

локальной разновидности согдийских оссуарных захоронений на Мианкале.

И конечно же, как любая археологическая экспедиция, УзИскЭ не могла обойти стороной керамику - самый массовый, но и самый «разговорчивый» для археолога материал! В частности на Дальверзинтепа был раскопан квартал керамистов, позволивший восстановить облик керамических мастерских кушанского времени, устройство печей для обжига, реконструировать эволюцию основных форм и соотнести ее с локальными особенностями античной керамики Халчаяна, Айртама, Шортепа, Мианкаля.

При анализе археологических находок сотрудники УзИскЭ оказались верны первоначально избранному кредо: почти все они были не только описаны и опубликованы по правилам археологической науки, но и проанализированы с точки зрения историко-культурологических интерпретаций, художественных стилей и школ.

ПОБЕДА АРХЕОЛОГИИ - ФИАСКО ИСКУССТВОВЕ- ДЕНИЯ?

Но со временем археология все более явственно заявляла свои позиции в секторе истории искусства, руководимым Г. Пугаченковой. Экспедиция, приобретая мировую известность, явно доминировала, оттесняя другие направления деятельности сектора. Научные предпочтения Г. Пугаченковой теперь все более явственно концентрировались вокруг древнего искусства. Несмотря на стремление Галины Анатольевны успеть повсюду, другие области искусства постепенно отходили и становились прерогативой её коллег. И хотя Пугаченкова еще долго сохраняла роль инициатора многих научных разработок, а ее авторитет был неоспоримым для исследователей во всех отраслях истории искусства, назревала трансформация сектора.

Одной из первых заявила о своей самостоятельности архитектура. В первое десятилетие своего существования УзИскЭ, наряду со стационарными раскопочными работами, активно вела изучение архитектурных памятников Сурхандарьинской, Кашкадарьинской и Самаркандской областей. На некоторых из них были заложены стратиграфические шурфы (Султан-Саодат, мазар Зуль Кифль, Ак-Астана-баба) и проведены детальные раскопки (Кырк-Кыз, караван-сарай Рабат-и Малик, мавзолей Казызаде Руми в Самарканде).

Но постепенно идея подготовки общего кадастра памятников зодчества Узбекистана, зародившаяся у Г. Пугаченковой, начала перерастать масштабы не только экспедиции и сектора, но и всего отдела. Стало ясно, что ограничивать составление кадастра Сурхандарьинской областью - не решает проблему в целом; охватить же всю республику у УзИскЭ не хватало сил. Впоследствии идея тотального обследования узбекских памятников искусства и архитектуры была реализована в иных институциональных рамках. В начале 70-х годов Академия наук СССР и ее республиканские подразделения приступили к созданию всеобъемлющего Свода памятников истории и культуры республик СССР. В Узбекистане эта задача была разделена между Институтом искусствознания (Свод памятников архитектуры и памятники монументально-декоративного искусства), Институтом археологии АН РУз (Свод памятников археологии) и Музеем истории народов Узбекистана (Свод памятников истории). Курировать эту работу должна была Г. Пугаченкова, которой, строго говоря, принадлежала и сама идея составления кадастра архитектурных памятников и первые исследования, проведенные в этом направлении.

Специальную группу Свода, созданную в 1974 году и формально состоящую при отделе охраны памятников министерства культуры РУз, возглавила Л. Маньковская. Общее же ее руководство осуществляла Г. Пугаченкова. В состав группы вошли архитекторы, археологи и искусствоведы, многие из которых продолжали сотрудничать в секторе (И. Азимов, Ш. Аскарров, З. Аршавская, Г. Бабаджанова, А. Зияев, Э. Караев, С. Коренев, Н. Немцева, М. Нурмухаммедова, Х. Пулатов, Д. Русанов, С. Ходжаева, М. Юсупова). Однако и отдельные сотрудники сектора истории искусств и сектора современной архитектуры также включились в работу Свода (Т. Кадырова, П. Захидов, Э. Ртвеладзе, З. Хакимов).

Целью научно-исследовательской группы Свода было выявление, исследование, систематизация и паспортизация в рамках единого кадастра всех памятников архитектуры и монументально-декоративного искусства Узбекистана. В принципе эти задачи, как и методика, не намного расходились с первоначальными программами УзИскЭ. Разница была только в республиканском масштабе и в том, что помимо исследования средневековых памятников мусульманской архитектуры члены группы Свода занимались также изучением европейской архитектуры колониального периода и современной архитектуры и памятников монументального искусства.

Результатом восемнадцатилетней работы группы стало создание 12 томов Свода (согласно тогдашнему административному делению рес-

Г. Пугаченкова, Т. Кадырова. Керамика
Дальверзинтепа. Институт
искусствознания, Ташкент, 1972 г. Фото
А. Варфоломеева, 17,5 x 23,6 см.

публики по областям), объединившего подробные описания (научная паспортизация, историческая справка, фотофиксация, обмеры) более чем 1 500 наземных памятников архитектуры республики, алфавитный индекс к ним и библиографию. К сожалению, Свод до сих пор не издан, хотя его опубликование радикально решило бы проблему комплексного представления архитектурного наследия Узбекистана⁶³.

Другое направление деятельности УзИскЭ - изучение традиций художественного ремесла (в том числе анализ комплексов глазурованной керамики X-XII веков на городищах Афросиаб и Иштихан в Самарканде, Будрач, поселениях Гормалитепа в Чаганиане, на Рабат-и Малике в Бухарской области; анализ клада бронзовых изделий из раскопок на городище Будрач; выявление локальных особенностей традиционного ткачества, вышивки и деревообработки) - позднее было продолжено в специально созданном секторе народно-декоративного искусства.

После этого формального разделения сектор оказался практически тождественен экспедиции, чья деятельность сосредоточилась исключительно на древних памятниках, погребенных в земле. Вне УзИскЭ оказалось только изучение миниатюры и составление комплексного описания миниатюр из собрания восточных рукописей Института востоковедения АН РУз (Г. Пугаченкова, Э. Исмаилова), к сожалению, так до сегодняшнего дня не опубликованное в полном объеме.

Археология, пусть даже и максимально приближенная к истории искусства, торжествовала. Хотя для этой поры скорее можно говорить о паритете между археологией и искусствоведением в рамках искусствоведческой экспедиции.

Впоследствии, с уходом Г. Пугаченковой сначала в качестве академика-секретаря (1985-1987), потом - академика-советника (1987-1993) в Президиум Академии наук Узбекистана, УзИскЭ постепенно приобрела все более и более «археологический» характер. В 1989 году был заключен договор о научном сотрудничестве на шесть лет (1989-1994) между Университетом Сока (Токио) и УзИскЭ на проведение раскопок буддийского храма на Дальверзинтепа, вслед за которым последовал второй договор 1996 г. (Университет Канадзава, НИИ Шелкового пути г. Камакура и Музей Дальнего Востока, Токио), продленный вплоть до 2000 года⁶⁴. А с 1994 года УзИскЭ отделилась от отдела истории искусств (Э. Ртвеладзе) и образовала самостоятельный отдел (Б. Тургунов). Идея искусствоведческой экспедиции осталась в прошлом. В 1999 году при отделе была создана новая Тохаристанская экспедиция.

Но как бы не обстояло дело с формальным оправданием названия экспедиции и её последующей судьбой (увы, нередко зависящей от личных амбиций!), именно работа в УзИскЭ сделала Галину Анатольевну, остававшуюся на протяжении двадцати пяти лет ее бессменным руководителем, живой легендой и исследователем поистине международного масштаба.

ДИСКУССИЯ О СРЕДНЕАЗИАТ- СКОЙ ШКОЛЕ ХУДОЖЕСТВЕН- НОЙ МИНИАТЮРЫ

Имя Пугаченковой становилось узнаваемым. С ним связывались не только положительные отзывы и рецензии, но порой вокруг него возникали долгие, нередко нелюбимые споры. Одним из них была дискуссия о наличии в Мавераннахре самостоятельной школы художественной миниатюры в XV-XVII веках.

Г. Пугаченкова не была первопроходцем в этой области. Даже не вдаваясь в историографические детали, необходимо отметить, что в этой области ей предшествовали крупные западноевропейские и российские исследователи XIX - первой трети XX века - Э. Блоше, Ф. Мартин, В. Стасов, А. Сакисиан, Дж. Вилкинсон, Б. Грей, Л. Бинион, Б. Денике, А. Семенов.

186

Художественная ценность миниатюры - самого утонченного элемента восточной рукописи - в новое время обсуждению уже не подлежала. Чаще спорили о школах художественной миниатюры и о степени их самостоятельности. Господствующая среди ориенталистов точка зрения безусловное лидерство отдавала иранской школе миниатюры. В отношении бухарской школы миниатюры XVI века считалось, что она возникает исключительно в результате переезда в Бухару художников, работавших ранее в Герате. Соответственно, вопрос о наличии местной традиции миниатюры в Мавераннахре до XVI века не дискутировался. Первыми, кто робко высказались о наличии в Бухаре собственной школы миниатюристов, были В. Стасов, который использовал весьма размытый термин «турецко-джагатайская школа миниатюры», и Б. Денике⁶⁵, чья позиция, однако, как и близкая ему позиция Э. Блоше, вскоре изменилась. Бухарская школа перестала отводиться от иранской, а её своеобразие объяснялось исключительно «архаизмом»⁶⁶.

Новым толчком к развитию дискуссии послужил ряд открытий памятников монументальной живописи на территории Средней Азии в 1930-1950-е годы: росписи VII века на городище Варахша (В. Шишкин, 1938-1946 годы); фрагменты росписей и скульптуры VIII-X веков на городищах Ак-Бешим, Чон-Казак и Краснореченском (А. Бернштам, 1940-е годы); живопись III века на Топрак-кале (С. Толстов, 1945-1950-е годы); росписи Пенджикента VI-VIII веков (Б. Маршак, с 1948 года), Балалыктепа V-VI веков (Л. Альбаум, 1953) и Афросиаба VI-

VII веков (Г. Шишкина, вторая половина 1960-х годов). Стало ясно, что художественная культура Средней Азии, имевшая свои, столь хорошо разработанные художественные каноны, эстетические нормы, символику и технические приемы, была достаточно высоко развита в эпоху, предшествующую арабскому завоеванию, и, следовательно, не могла ограничиться только монументальной живописью. Исследователи вновь обратили свое внимание на миниатюру. В числе первых был А. Семенов⁶⁷, ставший по сути крестным отцом Г. Пугаченковой на этом поприще.

В послевоенные годы появляются не только публикации, содержащие описание лицевых рукописей и отдельных миниатюр, но и первые попытки стилистического анализа, целью которого было выявление характерных особенностей среднеазиатской миниатюрной живописи. Дискуссии о времени её возникновения и стали камнем преткновения, ибо подписных экземпляров, свидетельствующих о том, что миниатюра исполнена в Самарканде, Фергане или в ином городе Мавераннахра, не было.

Большую часть иллюстрированных рукописей или отдельных миниатюр восточнотемуридского круга принято относить к произведениям так называемой гератской школы. Гератская и ширазская школы XIV-XV веков определяются сопоставлением «беспаспортных» миниатюр с миниатюрами из немногих подписных манускриптов. Однако некоторые экземпляры при сравнении явно выпадают из этого более или менее атрибутированного круга, а потому и возникло предположение об их принадлежности к некоей иной школе XIV-XV веков, имевшей среднеазиатские корни.

Выразителями этой точки зрения стали узбекистанские и таджикистанские исследователи - А. Семенов, Г. Пугаченкова, В. Долинская, М. Ашрафи и некоторые российские ученые, в частности, Н. Дьяконова. Противниками её выступили Санкт-Петербургские (в ту пору Ленинградские) ориенталисты А. Иванов и О. Акимовский.

Расхождение наблюдалось уже при определении названия рассматриваемой школы миниатюры. В работах западных ученых говорилось о провинциальной ветви гератской школы - «бухарской школе»; А. Семенов, Н. Дьяконова, Г. Пугаченкова, В. Долинская, выделяют «среднеазиатскую школу». О. Галеркина предложила название «мавераннахрская школа», что с энтузиазмом было поддержано А. Ивановым.

Главными оппонентами в этом, растянувшемся на несколько десятилетий, споре, где был различен сам подход к определению школы как таковой, стали Г. Пугаченкова и А. Иванов⁶⁸.

Для А. Иванова «время и место переписки рукописи являются основными признаками, которые позволяют правильно, в большинстве случаев определить и школу украшающих её миниатюр»⁶⁹. В числе других критериев фигурируют стилистические особенности, имя каллиграфа, де-

тали костюма персонажей и, в редких случаях, подписи художника. А также рукопись не должна быть единична - «одна рукопись (или миниатюра) еще не свидетельствуют о наличии школы»⁷⁰.

Г. Пугаченкова, впитавшая принцип комплексности исследования еще в пору своей юности, перенесла его и в область изучения миниатюрной живописи, сформулировав свои критерии анализа: рассмотрение надписей (если они имеются); изучение иконографии (костюмов, ландшафта, архитектуры); ретроспективное сравнение с монументальной живописью и архитектурными памятниками; «метод исключения», согласно которому отсутствие аналогов в школах Шираза, Герата, Тавриза может быть расценено как показатель иного региона их создания⁷¹.

По сути, все критерии, за исключением последних, идентичны, но именно они, вкупе с разным подходом к источникам, и обусловили принципиально разную атрибуцию одних и тех же миниатюр. Там, где Г. Пугаченкова видит начало формирования в Самарканде несколько провинциальной, но самостоятельной школы, А. Иванов не находит ничего более того факта, что в 1393 году из Багдада в Самарканд был вывезен Темуром миниатюрист Абд-ал-Хайа, остававшийся там некоторое время⁷².

Любопытно отметить, что в дискуссию о среднеазиатской школе миниатюры был вовлечен и М. Массон⁷³. Речь шла об атрибуции миниатюры, помещенной в конце экземпляра произведения Абд-ар-Рахмана Джами «Силсилат аз-захаб» («Золотая цепь») из Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина. А. Иванов и О. Акимускин считали её произведением гератской школы 60-70-х годов XV века, хотя и признавали, что «по сравнению с современными ей миниатюрами она стоит как-то особняком и выделяется своими размерами и необычной гаммой темно-серого и коричневого цвета»⁷⁴. М. Массон, отталкиваясь от естественнонаучных наблюдений (ландшафт, который он связывает с одним из горных уголков между долинами Амударьи и Кашкадарьи, типы животных и растений) и нумизматических данных (ссылается на изображение льва и солнца на монетах Халил Султана, правившего Мавераннахром с 1405 по 1409 год, что было идентично изображению на Ак-Сарае, описанном Клавихо, игнорируя при этом замечание А. Иванова о том, что пока неизвестно о существовании геральдики в странах Ближнего Востока XIV-XV веков, а подобная эмблематика встречается в целом ряде монет других правителей Ирана и Золотой Орды), не только определяет данную миниатюру как среднеазиатскую, но и считает, что главное действующее лицо на ней - Улугбек.

Вторая проблема, вокруг которой крутились научные споры, - миниатюра XVI-XVII веков в Средней Азии. Факт её существования не оспаривался, речь шла о том, насколько самостоятельна была в данное время «бухарская» школа.

Г. Пугаченкова выступила против устоявшегося мнения о том, что

в это время в Бухаре под влиянием бежавших сюда гератских мастеров создаются произведения, продолжающие традиции иранской школы⁷⁵. По её мнению гератские мастера основали в регионе свою локальную школу миниатюры, а потому можно говорить, что первое сорокалетие XVI века в среднеазиатской миниатюре представлено двумя тенденциями - с одной стороны, прямое следование традициям Бехзада (иранская школа), и с другой, более суровая по стилю, самобытная творческая манера, представители которой находились не только в Бухаре, но и в Самарканде, Ташкенте, Шахрухии, Хиве⁷⁶. О школе, отличной по своим особенностям от иранской в первой четверти XVI века, писали А. Семенов, О. Галеркина, В. Долинская, Н. Дьяконова и М. Ашрафи. Для А. Иванова - идея о самаркандской школе была не более чем «стадией предварительных разговоров»⁷⁷; возможность же наличия школ миниатюры в других городах вовсе не рассматривалась ленинградским ориенталистом.

Споры возникли и по поводу природы взаимоотношений среднеазиатской и индийской миниатюры после создания Бабуром государства Великих Моголов. Для В. Долинской и Г. Пугаченковой это взаимодействие шло из Мавераннахра в Индию⁷⁸. По мнению А. Иванова, направление вектора были диаметрально противоположным, и именно этот контакт он расценивает как толчок для расцвета миниатюрной живописи в Мавераннахре⁷⁹.

Точки над «i» в этом споре не проставлены до сегодняшнего дня. У каждой стороны были свои сильные и слабые доводы. Тонкая интуиция и талант эмоционально-художественной оценки произведения отличали работы Галины Анатольевны, но в тоже время незнание языка средневековых письменных источников порой серьезно ослабляло её позиции. В этом сказалась принципиальная разница между Санкт-Петербургской и Ташкентской школами. Для исследователей Санкт-Петербурга, как впрочем и для представителей французской археологической школы, на первом месте стояла филологическая подготовка. Знание древних языков, дававшие возможность прямого обращения к источнику, служило своего рода гарантом правильности последующих выводов. Ташкентских ученых характеризовало скорее обращение к уже утвердившимся в науке переводам или же к помощи своих коллег-востоковедов - методика не противопоставленная науке, но серьезно сужающая источниковедческую базу, а при работе с миниатюрами нередко ведущая к поверхностным выводам.

Вместе с тем, Г. Пугаченковой в области изучения восточной миниатюры принадлежит пионерское начинание - с её легкой руки миниатюра стала рассматриваться не только как самоценное произведение искусства, но и как источник для изучения других произведений художественной культуры. Эту особенность миниатюры как источника, для постижения которого не требуется знания древних языков, отмечал еще А. Семенов: «Все эти чудесные лицевые рукописи рассматриваемой эпохи являются вместе с тем драгоценными документами её культурно-историчес-

кой жизни, представляя подлинные памятники быта, костюмов, головных уборов, посуды, устройства садов, и, в некоторых случаях, документы из истории архитектурно-строительной техники, все запечатленное в превосходном и блестящем письме первоклассных мастеров»⁸⁰.

Логично, что как историк архитектуры, Г. Пугаченкова первоначально рассматривала миниатюру в качестве источника по истории архитектуры XV-XVI веков⁸¹, тем более ценный, что она давала возможность реконструировать наряду с религиозным зодчеством и постройки гражданской архитектуры, практически не сохранившиеся. Сведения об урбанистической структуре средневекового города, фортификационных системах, банях, рынках, мостах и водохранилищах, планировочной организации городского или пригородного сада с садово-парковыми постройками и продуманной системой ирригации⁸², облике жилого дома с внутренним двором, убранстве интерьеров, особенностях планировочной конструкции, техники строительства, способах заготовки и доставки материала, а также о существовавшей специализации мастеров по различным видам строительного ремесла были впервые «вычитаны» Пугаченковой в миниатюрной живописи.

Впоследствии Галина Анатольевна обратила свое внимание на изучение по данным миниатюры истории среднеазиатского костюма⁸³, заложив таким образом еще одно направление в узбекском искусствоведении - вслед за её пионерскими штудиями появляются в этой области исследования В. Долинской⁸⁴, З. И. Рахимовой⁸⁵, Д. Фахретдиновой⁸⁶ и других искусствоведов.

А на повестке возникла новая многолетняя дискуссия.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА УЗБЕКИСТАНА - БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

В конце 1950-х годов мы с Л. Ремпелем решили подготовить «Историю искусств Узбекистана с древнейших времен до середины XIX века». Долго дискутировали, определяли структуру, нащупывали основные идеи. Лазарь Израилевич, всегда игравший в нашем дуэте роль генератора «великих идей», писал мне по этому поводу следующее: «...как мыслю я себе стиль, манеру, характер изложения «Истории искусств Узбекистана»? Речь идет, видимо, не о том, какой взять тон, а о более существенных вещах. Если архитектура требует, прежде всего, освещения уровня техники конструкций, бытовых условий и других явлений жизни общества, а

затем уже формотворчества, то другие виды искусств, изобразительные, обладают, казалось бы, более самостоятельным выражением своего «спонтанного» развития. И потому, если в архитектуре можно избежать анализа в плане исторического развития категорий линейного, живописного, пространственного и т. д. стиля, то в изобразительном искусстве существо стиля и проявляется ярче всего в саморазвитии этих формальных категорий.

Как быть с ними? Не взять ли именно искусствоведческие категории изобразительного искусства также и для архитектуры, памятуя, что искусства все сосуществуют во времени и, даже будучи вне синтеза, служат проявлением единого художественно-философского и эстетического мышления? Так я понял Ваши сомнения. Вопрос сложный.

Мне кажется, что всякая односторонность была бы в ущерб делу. Будем исходить из сознания целостности художественных процессов, но не станем эту целостность искать в застывших категориях - ни формы искусства, ни «психоидеологии» господствующих классов той или иной формации общества. Будем исходить из целостности самой жизни со всеми присущими ей в каждую эпоху противоречиями. Это значит, что в основу основ положим подлинный историзм. Разделив историю искусств на периоды по принципу исторической периодизации общества, мы не станем искать формул, выражающих стиль (мышление) каждой эпохи, ибо всякая формула - только часть истины. В искусстве каждой эпохи нам важно вычленивать, что стало с взятым из прошлого, в каких формах, идеях, образах сложилось новое; что в нем со временем омертвело и что было зародышем грядущего. Это азбучно, но это должно быть, мне кажется, общим принципом построения всех разделов книги. Отдельные виды искусств должны быть четко расчленены и составлять каждый - замкнутое звено. Структура глав должна продемонстрировать фон, на котором располагаются эти звенья, и заключительную часть, где все звенья в рамках данной главы ставятся в связь с культурой эпохи в целом, и на основе этого устанавливается реальное содержание категорий стиля, их строго исторический смысл.

Таким образом, это будет не история «реализма», как некоторые эстетики хотят представить всю историю искусств и не история стилей вообще, а реальная история того, как, почему и для чего возникали отдельные художественные школы и направления; как лучшее приобретало черты общенародного; как историческая ограниченность идей прошлого создавала противоречия, в которых только и могла проявиться данная эстетическая система». (2.08.1957).

В общем, эта концепция и была взята за основу. Разделы будущей книжки мы поделили так. «У истоков искусства», «Искусство V-X веков», «Искусство XI - начала XIII века», «Искусство XVIII - первой половины XIX века» взял на себя Лазарь Израилевич. А я начала писать разделы «Античное искусство», «Искусство XIII-XV веков» и «Искусство XVI-

XVII веков». Потом мы обменивались написанным, читали, критиковали друг друга, дополняли, исправляли, в результате в одном из самых престижных в советское время издательстве «Искусство» в 1965 году появилась книга, аналогий которой ранее в Средней Азии не было. По сути, это была первая обобщающая монография, панорамно представляющая историю развития среднеазиатского искусства на территории одной, «отдельно взятой» республики. А в 1966 году мне с Л. Ремпелем за эту работу была присуждена республиканская премия имени Хамзы. Вручал её первый секретарь ЦК Коммунистической партии Узбекистана Ш. Рашидов, который встретил меня несколько ошарашивающим вопросом: «Ну, как хозяин поживает?». По-видимому, он имел в виду М. Массона. Книжкой же нашей он был очень доволен.

Эта работа, безусловно знаковая для среднеазиатского искусствоведения, подводящая итог большому периоду исследований, спровоцировала жесткий спор между её авторами и московским историком искусства Б. Стависким, который не окончен вплоть до сегодняшнего дня⁸⁷.

Аргументы сторон сводимы в общих чертах к следующему. С точки зрения Г. Пугаченковой и Л. Ремпеля любое государство, в том числе государства Средней Азии, имеет право на свою собственную историю, соответственно, «История искусств Узбекистана», где доминирует исключительно республиканский масштаб, имеет право на существование.

Б. Ставиский отстаивал позицию, согласно которой говорить об искусстве Узбекистана в древний период абсурдно, ибо Узбекистан как государственное образование, появившееся только в 1924 г., не существовал на географической карте античного мира и средневековья. А потому ограничивать изложение древней и средневековой истории рамками современного государства, исключая, например, Пенджикент из истории согдийского искусства только потому, что он находится сейчас на территории Таджикистана, неоправданно. Единственно возможным методом изложения исторических событий, с этой точки зрения, является историко-культурный подход, согласно которому история каждого периода должны быть представлена как максимум в рамках существовавших в ту или иную эпоху государственных образований или, как минимум, в рамках единого географического региона, связанного типологически близкими природными и культурными характеристиками. Позицию Б. Ставиского разделял и С. Певзнер, выдвинувший аналогичные претензии авторам в своей рецензии на книгу Л. Бретаницкого «Зодчество Азербайджана XII-XV вв.»

Каждая из этих точек зрения, доведенная до крайности, становится ложной. С одной стороны, немыслимо включать в обобщающую историю искусств, скажем, Узбекистана или Средней Азии анализ искусства всей империи Александра Македонского или его диодохов только на том основании, что Средняя Азия входила в её состав на правах нескольких сатрапий. С другой стороны, оставлять за рамками анализа ключевые

для эпохи памятники, как в случае с Пенджикентом, только на том основании, что они лежат за современными границами, тоже нелогично (замечу в скобках, что Пенджикент все же в «Истории искусств Узбекистана» фигурирует). Наиболее оптимальным вариантом, пожалуй, является ориентация на природно-географический ареал, названия которого менялись от столетия к столетию (Трансоксиана, Мавераннахр, Туркестан), но суть оставалась практически константной. Наука всегда предполагает определенную долю абстракции; проблема в том, что принятым исследователями категориям должны быть предпосланы соответствующие объяснения, в идеале - лишенные политической подоплеки. В этом контексте и обвинение «ташкентской школы» в «узбекском национализме», и призывы мыслить с позиций новых государственных образований, обретших независимость после 1991 года, соотносимы скорее не с наукой, а с политикой, пусть и разнополюсной.

Интересны в этом контексте более поздние оценки Л. Ремпеля, высказанные спустя годы после появления «Истории искусств Узбекистана»: *Задумываюсь, невольно, над тем, что нового со времени выхода в свет нашей «Истории искусств Узбекистана»? В том, что надо бы писать Среднюю Азию в целом - это мы учили в «Очерках». Напомню Вам, что в Москве, на совещании речь шла о создании «Истории культуры Средней Азии и Казахстана». Позже по почину казахов эта идея провалилась. Как сейчас будет? Или мы вернемся на стезю «Истории» каждой из республик? Выходит, что мы были правы? Рабовладельческий строй, азиатский способ производства - мы и тогда обходили эти темы, как спорные (а может, во многом, и надуманные, ибо Энгельс в старости признал, что все формации взяты были в абстракции, что на деле чистых образований не было, разве что, отмечал он не без сарказма, «в Иерусалимском королевстве»)). Но в чем мы были не совсем правы, так это в оценке влияния религии на искусство региона. Тут сказалась и недооценка «влияний», особенно сильных в регионах общности религиозного единства культур, и в недооценке таких явлений, как суфизм и всякая система «двуверия». Но это еще ждет более вдумчивого (чем до сих пор) исследования.* (8. 09. 1989).

[...] ведь когда-то существовали разные точки зрения, шла борьба мнений, а мы столько лет играли, били в одни ворота. Призываю Вас, мой друг, еще разок взглянуть на нашу «Историю искусств Узбекистана». Она выдержала испытание временем? Да! Нам нечего краснеть. И все же? Что там вообще обошлись без теории - я бы этого не сказал. А было бы не вредно оглянуться и на хорошее, и на дурное. Скажете: сейчас уже поздно! Практически, да! Но умозрительно, через плечо - интересно! (25.11.1990).

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЕ ОДИССЕИ

Впервые мне удалось побывать в Афганистане в 1959 году. То было время некоторого послабления существовавшего в СССР строгого запрета на выезды за границу. Была организована туристическая поездка в Афганистан (за государственный счет!) для представителей науки из Узбекистана и Таджикистана, среди которых были историки, востоковеды и - в моем лице - искусствовед. В нашу группу входил также известный художник В. Уфимцев, с которым мы тогда очень подружились.

Хотя поездка была недолгой, она оставила глубокое впечатление. Памятники зодчества, и хорошо знакомые по книгам, и ранее абсолютно неизвестные, наконец-то удалось увидеть в натуре, где они были в сотни раз прекраснее (в который раз приходится только сожалеть, что практика отправки за границу «пенсионеров» - молодых исследователей, готовящихся к научной карьере, безвозвратно кануло в прошлое после 1917 года!). А потом нам удалось ознакомиться с памятниками древнего искусства, сосредоточенными в Кабульском музее, созданном еще при Амануллахоне и из года в год пополнявшего свои коллекции благодаря работам, большей частью, французских археологов. Не меньшее впечатление оставили природа страны и ее своеобразный народ.

194

Шел ноябрь. Когда наш автобус выехал из Кабула, где было уже холодно, направляясь через горный перевал в Джелалабад, лежащий на юго-востоке в зоне субтропиков, мы стали свидетелями интереснейшего, насчитывающего тысячелетия процесса перекочевки пуштунов, обитающих в горных районах Афганистана. Вместе со своими скромными пожитками, груженными на величавых верблюдах, мощных лошадей и мелко семенящих ишаков, они ежегодно перебираются на зиму в область Джелалабада, остаются там до весны и с наступлением тепла вновь возвращаются в родные места. Все - мужчины, женщины, дети - совершают длинную перекочевку пешком, лишь младенцы посажены в корзины, укрепленные на ишаках. В отличие от афганских женщин из оседлых племен, с ног до головы закутанных в ужасные накидки с вишитыми на уровне глаз «смотровыми» сетками, горные пуштунки лишь накидывают длинное черное покрывало, оставляя приоткрытым лицо. Но меня поразило другое - невероятно выразительные, огромные черные глаза пуштунов - и у мужчин, и у женщин. Как нам потом рассказали - глаза подведены черной сурьмой, что широко использовалась здесь как лекарство против свирепствовавшей саркомы. Как подстать величественному, дикому пейзажу были эти красивые люди!

Виктор Иванович Уфимцев был как зачарованный. Его альбомчик чуть ли не ежечасно пополнялся все новыми и новыми набросками, а по возвращении в Ташкент он, не без влияния П. Кузнецова и М. Сарьяна,

Г. Пугаченкова. Афганистан, 1974 г.

создал целую «Афганскую сюиту». Один из его этюдов, который я очень люблю, до сих пор красуется в моей комнате - изысканная морда верблюда на горделивой шее возвышается над головой женщины под черным покрывалом, с огромными черными глазами, глядящими в упор на зрителя.

В 1966 году для узбекистанцев была организована еще одна зарубежная поездка, прошедшая по трем странам Ближнего Востока - Сирии, Ливану и Ираку. Древнее искусство этих стран было мне хорошо известно по читавшемуся мною в ТаиГУ лекционному курсу «Искусство Востока», и, как выяснилось, я была гораздо лучше осведомлена в этих вопросах, чем прикрепленный к нам гид, а потому мне пришлось в значительной мере выполнять его функции. Но какова же была моя радость от узнавания прославленных памятников, и как далек был их реальный образ от привычных мне книжных иллюстраций! Римские колоннады Пальмиры, Большая мечеть Дамаска и сам город, Ктесифонский дворец сасанидского шаха Хозрова на берегу Тигра, остатки дворца халифов и винтообразный минарет в Самарре - тоже на Тигре; город из сказок 1001 ночи - Багдад; мечеть у погребения мучеников Хасана и Хусейна в Кербеле, музей Бейрута!

А в 1967 году мне было прислано из Министерства культуры СССР приглашение на командировку в Афганистан для экспертизы технического состояния памятников тамошней архитектуры и выработки рекомендаций для их последующей реставрации. То было приятной неожиданностью - выбор «центра» пал не на московских специалистов и не на

чиновников-»технарей». В Москве, в Министерстве культуры мне детально объяснили цели моей поездки, оформили документы и ... вот я снова в Афганистане, теперь уже на месяц: с 14 июня по 13 июля 1967 года.

Здесь ко мне помощником был прикреплен сотрудник Кабульского музея доктор А. Вардак, скромный, очень внимательный человек, который снял с меня все бытовые проблемы и всячески помогал в организации архитектурных обследований в Гератской и Балхской провинциях. Даже в самых глухих, затерянных в горах местах доктор Вардак охотно объяснял жителям ближайших селений цель наших работ, и повсюду я встречала исключительно благоприятное к себе отношение. Ведь я была «шурави» - советская, а в ту пору отношения СССР и Афганистана, заложенные первым советским послом Ф. Раскольниковым еще при Амануллахане, были самые добрые. Многие молодые афганцы учились в советских ВУЗах или проходили в СССР стажировку. И вот в стране самого угнетенного положения женщины, живущей в замкнутой половине дома - ичкари, обреченной всегда носить скрывающий её с ног до головы черный чачван, мне - немусульманке - было разрешено исследовать мечети и мазары, ведь я - «шурави» из дружеской страны. Увы, это отношение резко изменилось в 1979 году - после государственного переворота и той «грязной войны», когда по указанию Л. Брежнева в Афганистан был введен «ограниченный контингент» советских войск.

Г. Пугаченковой были осмотрены, составлены экспертные заключения и подготовлены рекомендации по реставрации следующих объектов Афганистана: в Герате - мазар (хазире) Абдаллаха Ансари; мавзолеев Гаухар-шад; минарет медресе Гаухар-шад; минарет Мусалля; крытый водоем XV века.; минареты медресе Султан Хусейна Байкары; джума-мечеть; масджиди Хаузи-Харбоз; мавзолеев Шейхзаде Абдулла; мазар Султан Мир Абду-Вахид-Шахид; мазар Шейх Абул Вали. В Гератской провинции (Зиаратгох) - Джума-мечеть Масджиди-Чиль-Сутун; Ханака Мулло-Калян. В Кухсане - мавзолеев Гаухар-Шад. В Балхе - мечеть Абу-наسر Парса; Нагара-дарваза; Ну-Гумбед. В Давлетабаде - минарет Мухаммед-Али. В Мазари-Шерифском районе - мечеть Тахтапуль. В Таш-Кургане - Чарсу (или чартак).

Мое открытие Ирана произошло в 1968 году - во время проходившего в Тегеране V Конгресса иранского искусства и археологии. Еще в период моего студенчества, в 1935 году в Ленинграде, по инициативе директора Эрмитажа академика И. Орбели проходил III Международный конгресс по этой тематике. От Средней Азии там выступал М. Массон, чей доклад о раскопках на городище Айртам был настоящей сенсацией. По материалам конгресса в 1939 году был опубликован большой том, который я внимательно изучала в юности. И вот теперь я сама участник научного мероприятия того же ранга! В конгрессе принимали участие также ученые из Москвы и Ленинграда, я представляла

Узбекистан, сделав доклад на тему «Изучение и исследование архитектурных памятников Мавераннахра и северного Хорасана (1957-1967 год.)».

Открытие конгресса было обставлено очень парадно, перед началом его работы шах и его супруга устроили прием в честь участников конгресса. Члены делегации стояли группами в обширном зале, царственная чета церемонно обходила ученых, произнося слова приветствия и еще пару-тройку любезных фраз, полагающихся по этикету. Я набралась смелости, сказав по-французски шахине, что мы в некотором роде коллеги. Дело в том, что когда-то она училась в Париже на факультете архитектуры. Там-то её и увидел шах, пленился ее красотой, и вскоре состоялась их свадьба. Гарема шах не имел - следовал западным принципам. В ту пору в Иране была взята установка на усвоение всего передового, чем обладал западный мир. В частности, женщины ходили свободно, без сопровождения мужчин, одевались по европейской моде - коротенькие платья, туфельки на шпильках были обычным явлением на улицах иранских городов. Сама шахиня одевалась у Диора. Если встречалась женщина закрытая с головы до ног - значит это была курдянка, пришедшая с гор. В университете мы увидели несколько женщин-преподавательниц. Всему этому был положен конец после «исламской революции» Хомейни - женщин упрятали в ичкар, одели в длинный, до пят, мешкообразный наряд (язык не поворачивается назвать это дамским платьем), закрыли голову платком, оставив открытыми лишь глаза, лишили права выходить из дому свободно, без сопровождения мужчин.

Для участников конгресса были устроены экскурсии к скалам Таки-Бустана, где выбиты сцены, прославляющие сасанидских шахов, в Исфахан с его великолепной архитектурой XV-XVII веков, в город Хафиза - Шираз и оттуда к ахеменидским дворцам Персеполя.

Два года спустя, в 1970 году, я вновь оказалась в Афганистане, Иране, Индии и Пакистане. Только теперь это была командировка, организованная ЮНЕСКО в рамках программы по изучению культуры центрально-азиатского региона XIV-XV веков. Целью её был осмотр, описание и фотосъемка памятников искусства для альбома о культуре эпохи Темуридов в Центральной Азии и создание научно-популярного фильма на ту же тему. Инициатива издания роскошного альбома исходила от Советского комитета при ЮНЕСКО, который возглавлял Б. Гафуров - президент Академии наук Таджикистана, позднее - директор Института востоковедения АН СССР, а переговоры со мной о деталях поездки вел его секретарь по ЮНЕСКО Л. Мирошников. Для них я оказалась идеальной кандидатурой - мои знания восточного искусства не замыкались только границами Советского Союза, да и опыт зарубежных поездок у меня уже к этому времени имелся немалый (обстоятельство отнюдь не маловажное для чиновников того времени!). Моими спутниками стали археолог З. Хакимов, хорошо знавший таджикский, по сути - персидский

язык, и кинооператор Салиев. В Индии же обязанности переводчика с английского выполняла я. В изучении памятников Ирана большую поддержку нам оказали иранские ученые Ф. Багирзаде и А. Таджведи.

В эту поездку я увидела иной Иран. В день нашего прилета в Тегеран лил декабрьский дождь, тоскливо ныло сердце, улицы были запружены потоком машин, тысячи магазинов и лавок ломились от изобилия товаров, преимущественно привозных, в кинотеатрах крутили второсортные вестерны с выстрелами и красотками, и город почему-то показался мне безрадостным, слишком утомленным своими рабочими буднями и в чем-то все же очень провинциальным.

Перед тем, как приступить к съемкам, в департаменте кинематографии нас ознакомили с документальными фильмами о мечети Джамии и Масджиди-шах в Исфахане, потом был Археологический музей Бустан, вслед за чем мы отправились к мастерским мастеров-миниатюристов и ткачей. В мастерской миниатюристов все художники были как на подбор с физическими дефектами - у одного перекосившееся лицо, другой - горбат, третий молоджавый красавец с бакенбардами на всю щеку - глухонемой. Какое величие человеческого духа над физической ущербностью, торжество творческого начала, преодолевающего постоянно грызущее душу этих людей ощущение собственного уродства! Счастье, что их согревает талант, а каково тем калекам, которые его не имеют? Больно резанула одна деталь. Один из наших киношников попросил пересест калеку-мастера, чтобы спрятать его уродство. Тот просто, не сказав ни слова, ушел из мастерской, унося с собой в свое одиночество привычную горечь. Лучшие, наверное, было бы нам не вмешиваться в принятый в мастерской порядок. Душа человека не всегда переносит переизбыток созидательной энергии, тем более, если она уже изранена, и у человека нет способности сопротивляться грубости внешнего мира...

Прибыли в Мешхед, где я была в прошлом году, в тот же отель «Иран», оттуда в Рабат-и-Шариф, затем в Нишапур. Все было ужасно запущено, и я ловила себя на мысли, что та страна, что открылась мне, отнюдь не та, что встретила когда-то в двадцатые годы французского исследователя А. Годара. Запомнились съемки мавзолея Омара Хайяма и мавзолея Атмара. День был удивительно ясный, светлый, и я отдыхала душой в покое природы и в тиши прекрасных памятников. Я думала о страдающей душе Омара Хайяма, излитой им в бессмертных рубаи (бессмертные, потому что те же «проклятые вопросы» гнетут людей и через тысячу лет после него, но именно у него они отлиты в совершеннейшую образно-словесную форму). Но вдруг появились двое - видимо, студенты, уселись прямо на его надгробие, тут же, весело болтая и хихикая, бросили свои большие сумки. Она подобрала под себя ноги. Потом Он отошел и стал фотографировать Ее. Мне подумалось, что Хайям бы на это не обиделся, несмотря на все строгие предписания ислама: у нас есть (надолго ли?) то, что столь малой мерой отпущено людям - ра-

Эллинистическое городище Ай-ханум.
Археологи П. Бернар, Г. Пугаченкова, Анри-
Поль Франкфор. Афганистан, 1972 г.
21 x 15 см.

дость жизни. Я улыбалась - в голове не было и мысли делать какое-либо замечание. Да и зачем? Старческое брюзжание никого никогда не переубеждало, а лишь нагоняло на все унылую тень отгорающего дня. Я ненавижу эгоизм старости! Я никогда не позволю ему завладеть собой!

Материал был собран. Фильм снят и передан в ЮНЕСКО. Книжка, задуманная Б. Гафуровым, написана. Мной был составлен общий обзор и аннотации памятников Ирана и Афганистана, среднеазиатские же памятники были описаны П. Захидовым и Л. Маньковской. Правда, издана эта работа была гораздо позднее, в 1981 году. Но, к счастью, мои связи с Афганистаном и Ираном на этом не оборвались.

В 1970 году мне довелось участвовать в проходившем в Кабуле международном семинаре по кушанской проблеме, организованном ЮНЕСКО при активной поддержке тогдашнего короля Афганистана. Здесь были исследователи из Англии, Индии, Ирана, Италии, Пакистана, США, Франции, ФРГ. В состав советской археологической делегации, кроме меня, входили профессор М. Асимов и И. Кругликова. Для меня участие в этом семинаре подарило возможность личного знакомства с рядом ученых, чьи имена я знала лишь по печатным трудам. С многими из них, в частности,

с П. Бернаром, Ж. Фюсманом (Франция), М. Таддеи (Италия), Б. Роу-ланд (США) добрые отношения впоследствии поддерживались многие годы. Тогда же состоялось знакомство с молодым афганским археологом Ш. Мустаминди, получившим хорошую подготовку во Франции. После переворота 1979 года, он вместе с женой-итальянкой эмигрировал в США, где, как говорили, открыл небольшой ресторанчик экзотической для Америки афганской кухни. Дальнейшей его судьбы я не знаю...

СОВЕТСКО- АФГАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕС- КАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

200

Из всех стран зарубежного Ближнего и Среднего Востока, пожалуй, именно Афганистан занял центральное место в сердце исследовательницы, посвятившей ему одну из своих фундаментальных монографий⁸⁸: *Увлекает здесь «археологическая целина», - писала Г. Пугаченкова, - все ново, никем еще не опознано, и, кроме того, - удивительная сохранность покинутых городов, овеянных и очищенных ветром пустыни. Иногда этот ветер задувает с неслыханной силой, неся песчаные клубы. А потом в природе наступает покой, умиротворенность голубого неба и мягких лучей осеннего солнца. (15. 11. 72).*

Эта удивительная страна была связана для Г. Пугаченковой не только с кратковременными командировками и научными конференциями. В 1972-1974 годах она принимала участие в работах Советско-афганской археологической экспедиции, которую с советской стороны возглавляла И. Кругликова, с афганской - директор Института афганской археологии Г. Тарзи. Коллегами же Г. Пугаченковой в эти два полевых сезона стали московские археологи В. Сарияниди и В. Долгоруков, художник-реставратор В. Бурый, археологи - из Узбекистана З. Хакимов, Р. Сулейманов и Ш. Пидаяев; из Таджикистана - А. Бабаев и А. Мухтаров; из Туркмении - О. Бердыев, Т. Ходжаниязов. Периодически в экспедиции появлялись афганские археологи, но, как правило, они не принимали регулярного участия в ее работе.

Как всегда, на Г. Пугаченкову были возложены архитектуроведческие задачи - изучение открытых в процессе раскопок зданий и рекогносцировки близлежащих районов. Однако в Афганистане она выступала и как археолог, производя самостоятельные археологические вскрытия.

Основным объектом раскопок Советско-афганской экспедиции было бактрийско-кушанское городище Дильберджин, открытое при раз-

ведках З. Хакимовым. Здесь Г. Пугаченковой довелось раскапывать крупный многокомнатный жилой дом за крепостной стеной античного города с прилегающей к нему крытым водохранилищем-сардобой, расположенный неподалеку дом ремесленника, остатки небольшого буддийского храма, находящийся у городских ворот «солдатский» храм Геракла, а также соседнее (в 3 км от Дильберджина) городище Джигатепе. На центральном же памятнике Дильберджина - храме Диоскуров - Галине Анатольевне довелось лишь проводить архитектурные обмеры; раскапывала его И. Кругликова.

Маршрутные работы позволили изучить систему внешней античной стены Балхского оазиса, ряд сооружений на городище Топрак-кала, буддийскую ступу Ярты-Гумбез, руины средневековых укреплений и жилых домов VI-VII веков у селения Гарчи-Как.

В 1969 и 1974 годах, уже вне работ СААЭ, Г. Пугаченкова совместно с А. Мухтаровым продолжала изучать ранее практически неизвестные памятники в районе Балха и Мазари-Шарифа (мечети Ну-Гумбез на окраине Балха и Ханакаи-Калян, мавзолей Баба-Рушнаи у селения Дехи-Маран, Мири-Рузауф, Салар-Халида, Баджгохи и мавзолеев, который местное население связывает с Абу-Хурейрой).

А её полевые дневники, наряду с описанием памятников, пополнялись короткими заметками о чарующей афганской земле. *Снова невообразимо прекрасная дорога через Салангский перевал: серпантин дороги (подвиг советских дорожников-строителей) взбегают по невероятной крутизне над пропастью на 3500-метровую высоту над уровнем моря, ныряя в галереи и туннели. На скатах скал ступенями лепятся домишки горцев с плоскими крышами и башенками, наподобие осетинских. Небо над красно-желто-палевыми горами той пронзительной голубизны, которую уловил и передал Рерих в своей гималайской сюите. И вот, с наивысшей точки, где в первозданной породе пробит 15-километровый туннель, начинается спуск: из Параномисад мы попадаем в Бактрию. Все иное - желто-серый фон, жара, дома сельских жителей в окружении деревьев с айванами, а потом, ближе к Таиш-Кургану - с многочисленными куполами или «балхи». Нет, не благодатный климат гор, а тысячелетняя борьба с природой создавала в древности те высокие цивилизации, изучению которых мы посвящаем годы своей жизни.*

ОТКРЫТИЕ ЕВРОПЫ

Изучение художественного наследия Востока открыло для Г. Пугаченковой и Западную Европу. Франция, притягательная с детства, известная и любимая не только благодаря художественной литературе и

искусству, но и по маминым воспоминаниям, впервые стала реальностью в 1962 году, когда Союз архитекторов Узбекистана устроил для своих членов поездку от Парижа до Марселя. Впоследствии даже великолепная Италия не смогла затмить Париж, куда Галина Анатольевна приезжала неоднократно. Здесь в 1963 году она принимала участие в работе VIII Международного конгресса классической археологии, представляя Среднюю Азию докладом об античной художественной культуре Северной Бактрии-Тохаристана. А в 1976 году была приглашена для чтения отдельных лекций по античному и средневековому искусству Средней Азии в Музее Гиме, в Сорбонне и в Страсбургском университете.

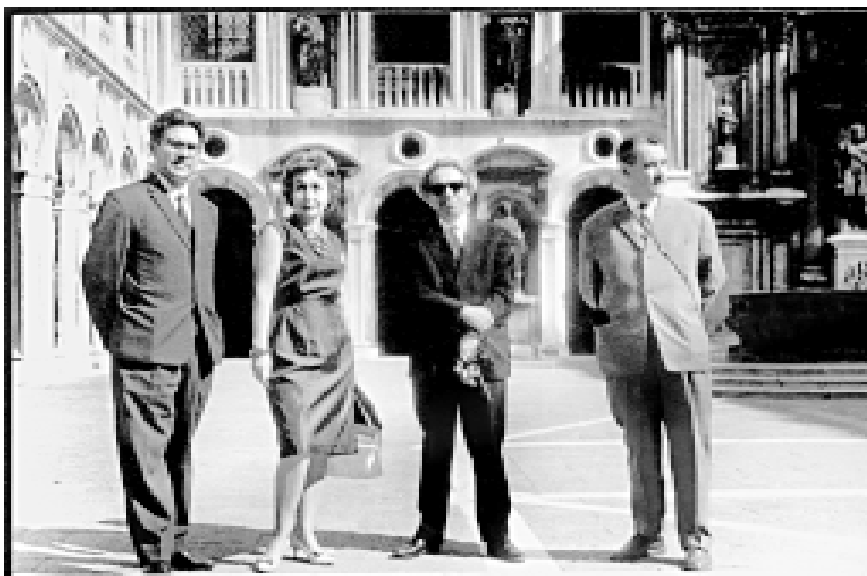

Г. Пугаченкова. Париж, 1963 г.

Забавно, но в день второй лекции Г. Пугаченковой в Страсбурге студенты бастовали против правительственной реформы и не являлись на занятия - объявление о лекции висело рядом со студенческими призывами к митингу протеста, однако зал на её лекции был полон. В Страсбурге её ждал сюрприз - присуждение почетного звания «доктор honoris causa» Страсбургского университета. И конечно, не пресловутый «год женщин» был тому причиной! Иначе как объяснить, что в 1985 году она была избрана членом-корреспондентом Германского археологического институ-

та, в 1987 - членом-корреспондентом Итальянского института Среднего и Дальнего Востока, в 1993 - почетным академиком Международной Академии архитектуры стран Востока, а в 1995 - кавалером Академических пальм Франции.

Г. Пугаченкова была интересна мировому научному сообществу не только как блестящий исследователь, архитектор, археолог, искусствовед, но и как специалист, тонко разбирающийся в вопросах охраны и реставрации архитектурных памятников. Эта проблематика занимала немалое место в ее жизни. С юности будучи связанной с системой Узкомстариса, она в течение ряда лет руководила в Союзе архитекторов сек-

Советская делегация на конференции ICOMOS (International Council of Monuments and Sites). Патио дворца Дожей. Венеция, 1964 г. 11,2 x 16,5 см.

цией истории архитектуры и охраны памятников. Еще с 1967 года, с момента, когда было организовано Общество по охране памятников истории и культуры Узбекистана, Пугаченкова стала его активным членом, как участвуя в регулярных заседаниях Общества в Ташкенте, так и проводя регулярные консультации с краеведами и активистами Общества на местах своих экспедиционных работ. В 1968 году в Узбекистане был создан Научно-методический совет по вопросам охраны и изучения памятников истории и реставрации архитектурных объектов при Главном научно-производственном управлении министерства культуры Узбекиста-

на, объединивший ведущих специалистов в этой области. Г. Пугаченкова, избранная заместителем председателя НМС, по сути взяла на себя научное руководство его деятельностью, давая заключения по проектам консервации или реставрации памятников, их изучению и пропаганде.

В 1964 году Г. Пугаченкова впервые выступает с докладом по этой тематике «Существенные дополнения к истории архитектуры Среднего Востока в результате исследований памятников Узбекистана» на мировом уровне на II Международном конгрессе по реставрации памятников, проходившим в Венеции, а в 1966 году становится членом Международного Совета по охране памятников и достопримечательных мест (International Council of Monuments and Sites, ICOMOS).

Советский комитет ICOMOS находился в Москве, - вспоминает Галина Анатольевна, - возглавлял его, как это нередко бывало, чиновник Министерства культуры А. Халтурин. Его заместителем и по сути «душой дела» был видный знаток древнерусской архитектуры, искусствовед В. Иванов; практическим координатором работ выступала секретарь Н. Роцина. На мою долю выпало курировать среднеазиатские дела, в частности, на официальный запрос из Парижа мной была подготовлена подробная справка о памятниках Самарканда, уже отреставрированных или находящихся в процессе реставрации, и о технике реставрации - будь то полное восстановление или частичное укрепление.

Пребывание в составе ICOMOS предоставило возможность побывать в ряде стран, где время от времени проводились его международные ассамблеи и colloquiums, в ходе которых поднимались вопросы сохранения мирового культурного наследия, шел продуктивный обмен идеями, опытом, возникала возможность общения с интересными людьми.

Оглядываясь сегодня на прошлое, я, пожалуй, не могу назвать ничего иного, что дало бы мне больший заряд творческой энергии, чем мои поездки. Пожалуй, это было лучшее в моей жизни. Судьба подарила мне возможность путешествовать по всему миру, открывая для себя новое, неизвестное, другое. И это несмотря на то, что сейчас советский режим называют самым закрытым.

Первый из таких конгрессов ICOMOS проходил в Оксфорде. Навсегда запомнился мне этот прелестный, чистый и такой английский не только по архитектуре, но и по стилю жизни городок, его старинный собор, где был организован специально для нас концерт хора мальчиков, потом - поездка в знаменитый Стоунхендж и в Лондон, в котором мне все показалось очень знакомым, словно сошедшим со страниц книг Диккенса - Трафальгарская площадь, Гайд-парк, Британский музей и даже королевский прием, устроенный в честь участников конгресса.

В 1971 году Генеральная ассамблея ICOMOS состоялась в Будапеште, приоткрывшем передо мной красоту венгерского зодчества. А в 1973 году советский комитет ICOMOS совместно с Национальным ко-

Четвертая генеральная ассамблея ICOMOS
(International Council of Monuments and
Sites). Ротенбург аб-Таубер, 1975 г.
10,5 x 14,6 см.

митетом Чехословакии провел научную конференцию по теме «Охрана исторических центров и проблемы современной организации их жизненных функций» в литовском городе Вильнюсе.

Одной из самых запоминающихся для меня была VI Генеральная ассамблея ICOMOS 1975 года, местом для проведения которой был избран небольшой городок Ротенбург об-Таубер в тогда еще Федеративной республике Германии. Мы прилетели во Франкфурт-на-Майне, где и аэропорт и сам город воспринимались как масса однообразных высоких параллелепипедов серого цвета. Не отражали ли это однообразие и сухость архитектуры черты немецкого национального характера? Совсем же иное впечатление произвел Ротенбург, куда мы прибыли поездом, уставшие после многочисленных пересадок. Но наградой нам был ландшафт Баварии - тщательно возделанные равнины и взгорья, прорезанные небольшими лесными массивами, аккуратненькие деревеньки с двухэтажными домиками под черепичной кровлей и неизменно-обязательный католический храм, торжественно доминирующей над всей округой. Белый - штукатурка - и красный - черепица - цвета архитектуры, растворенные в зелени аккуратно подстриженных деревьев и чисто вымытых цветущих трав и кустарников, создавали этот незабываемый идиллический сель-

ский пейзаж. Ротенбург был городком из сказок братьев Гримм - крутые скаты черепичных крыши, узкие улочки, внешняя каменная стена с башнями, собор, огромный монастырь - поздняя немецкая готика и немецкий Ренессанс. Сразу за стеной - огромный парк, поросшие лесами холмы, по которым вьются дороги и отовсюду слышится щебет птиц. Этот рай на земле не случайно был выбран в качестве места проведения очередного colloquium ICOMOS, темой которого было сохранение исторического наследия и качества жизни малых городов. Я рассказывала о Хиве - городе долгой истории и прекрасных памятников.

Средневековой архитектуре стран Востока был посвящен мой доклад и на V Генеральной ассамблее ICOMOS, проходившей в Суздале. Новых открытий персонально для меня этот конгресс не принес, но столь приятно было представлять зарубежным коллегам шедевры русской архитектуры!

К сожалению, со временем ICOMOS распался. Однако мои заграничные поездки на этом не закончились.

В 1985 году я была членом советской делегации на V Международном тюркологическом конгрессе, который проходил по шести секциям в Стамбуле в здании университета. Советская делегация состояла из двенадцати специалистов из Москвы, Ленинграда, республик Средней Азии, Azerbaijan, Уфы. Я принимала участие в работе секции истории искусства, выступив с докладом об эволюции архитектурного типа среднеазиатских рабатов периодов Караханидов и Шейбанидов и уже вне регламента рассказали о развитии искусствоведения в республиках Средней Азии. Пребывание в Стамбуле дало возможность знакомства с его прославленными памятниками, как византийскими, так и мусульманскими, а также с миниатюрами в хранилище библиотеки Йилдыз.

В 1986 году я получила приглашение из Фонда Агахана, затрачивающего немало средств на поддержание памятников мусульманского зодчества во многих странах мира, выделяя, в частности, премию за наиболее удачные реставрации. Церемония премирования проходила в Марокко, в городе Марракеш, где все премированные работы были представлены фотографиями на устроенной по этому поводу выставке. Увы! Средняя Азия в качестве образца для подражания в области реставрации памятников там не фигурировала. Потом были экскурсии, когда я впервые смогла увидеть архитектурные подлинники мавританской архитектуры XV века.

Следующая встреча с Ближним Востоком состоялась у меня в 1990 году. Местом ее стал Кувейт. Незадолго до этого Ташкент посетила принцесса Кувейта Хусса Сабах, высокоинтеллигентная и инициативная женщина. Она задумала создать в Кувейте Национальный музей исламского искусства, выстроила для него в центре столицы великолепное здание и теперь занималась покупкой музейных экспонатов в различных странах мусульманского Востока. Кувейт к этому времени благодаря продаже нефти стал одним из богатейших государств мира, а по-

тому средств на «культуру» не жалели. В Ташкенте, в Министерстве культуры меня попросили побеседовать с этой дамой, тем более, что она прекрасно говорила по-французски. Я показала ей найденный нами клад золотых предметов из Дальверзинтепа, рассказывала об исследованиях УзИскЭ, об образцах восточной миниатюры, хранящихся в Узбекистане. А вскоре получила приглашение посетить Кувейт, где днями должна была открыться выставка восточных предметов из Эрмитажа во вновь созданном музее.

И вот я в этой удивительной стране, которая, словно по мановению волшебной палочки, перескочила из кочевой цивилизации бедуинов, затерянной среди безлюдной пустыни, в развитую цивилизацию XX века, особенно ярко запечатленную в столице с её парадной многоэтажной архитектурой, среди которой выделялось вновь построенное здание музея. Здесь была развернута выставка и проходила научная конференция, на которой я выступала с докладом по архитектуре Средней Азии XV-XVI веков. И как страшно было узнать осенью того же года об агрессии Ирака, нанесшего Кувейту непоправимый удар, надолго остановивший не только его развитие, но вообще нормальную жизнь.

В ту самую осень 1990 года состоялась и моя поездка в Японию. О посещении ее мечтала, не веря в такую возможность, с детства. Так же как и о Страсбургском соборе, которым любовалась на открытках маминой молодости. Япония же меня очаровала семейным альбомом, подаренным отцу в годы его молодости. Лаковые крышки, на лицевой стороне выложенная слоновой костью фигурка богини, мчащейся на драконе в небесных черных сферах. А внутри на каждой странице акварельные росписи - цветы, облака, бамбук. И как это тонко, как поэтично! Позднее, прочитав книги о японском искусстве со множеством иллюстраций, повидав в музеях живописные подлинники, познакомившись с японской поэзией (ханка и танка - словесные кальки этой живописи), была очарована навсегда. Кажется, именно японцы (или китайцы?) различали три уровня поэзии: низкий - описательный, более высокий - образный, высший - «поэзия намека» - это когда читающий восполняет недосказанное собственным воображением, сотворчество, причем у каждого свое...

И вот я лечу в Японию. К этому времени уже существовала договоренность с приехавшим в Ташкент профессором токийского Университета Сока К. Като о включении группы японских археологов в работы УзИскЭ на Дальверзинтепа. Потому-то он организовал для ряда сотрудников Института эту поездку. Мы получили редкую возможность увидеть эту страну прекрасной древней культуры, органично вобравшей от современной цивилизации все передовое в области экономики, техники, образования и, вместе с тем, сохранившей свою неповторимую национальную ауру. Помимо посещения самого Токио нам были организованы поездки к древним храмам, из мчащегося поезда видели мы и священную гору Фудзияму, побывали во многих музеях. Я должна была читать сту-

дентам лекцию в Университете Сока, и чтобы доставить мне удовольствие, студенты перед её началом спели хором русскую песню - но не популярную «Катюшу», а «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан». Лекцию мою, фраза за фразой, переводил сам профессор Като. В годы войны он молодым солдатом попал в плен и три года провел в лагере для военнопленных в Сибири, где и изучил русский язык, не раз пригодившийся ему впоследствии.

1996 год был годом моей последней поездки по белу свету. В Узбекистане он был объявлен «годом Амира Темура» в честь 660-летия великого завоевателя. По договоренности Президента Узбекистана И. Каримова с председателем ЮНЕСКО Ф. Майором решено было отметить эту дату и в Париже. 21 апреля в центральном здании ЮНЕСКО была открыта выставка и начала свою работу однодневная научная конференция «Расцвет науки, культуры и образования в эпоху Темуридов», на которой выступили семь наших ученых и семь исследователей Франции и Англии. Мне поручили председательствовать на утреннем заседании. Тогда же я сделала свой доклад «Творческий синтез в архитектуре времени Темура» и передала свой раздел для V тома подготавливаемой ЮНЕСКО «Истории цивилизаций Центральной Азии». Мой последний французский вояж был коротким, но запомнился надолго. Наверное поэтому, что 1996 год оказался для меня роковым - два месяца спустя у меня был инсульт. К счастью, без паралича и потери речи, как это часто бывает, но его последствия я ощущаю ежедневно...

АКАДЕМИК- СЕКРЕТАРЬ

Официальным признанием научных заслуг Галины Анатольевны стало её избрание в 1968 году членом-корреспондентом АН Узбекистана, а затем, в 1984 году - и её действительным членом. Пиком же ее академической карьеры можно считать тот период с 1985 по 1987 год, когда она была назначена академиком-секретарем отделения истории, языка и литературы АН Узбекистана. Несмотря на массу текущих организационных дел, научные занятия по-прежнему занимали доминирующее место в её жизни. Занимаясь, как и раньше, самостоятельными исследованиями, публикуя новые находки (всегда стремилась быть первой во всем - будь то публикация терракотовой скульптуры или опубликование целого городища), Г. Пугаченкова все больше внимания стала уделять подготовке научных изданий. Ею была задумана серия «Культура Среднего Востока - развитие, связи, взаимодействие (с древнейших времен до наших дней)», которая мыслилась как издание на длительную перспективу, открытое для всех специалистов-гуманитариев республики. Но увы! - удалось под-

готовить и издать всего три книги - «Градостроительство и архитектура» (1989), «Изобразительное и прикладное искусство» (1991) и «Музыкальное, театральное искусство и фольклор» (1992) - на этом все и оборвалось...

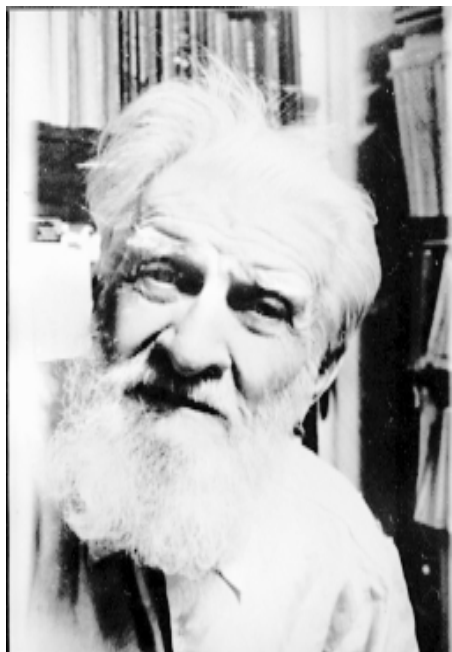
Почему? Свою роль в этом сыграло и то обстоятельство, что к началу 90-х годов Г. Пугаченкова сначала была переведена на пост академика-советника в Институт истории (1987-1993), а затем, в 1994 году, на должность ведущего научного сотрудника в Ташкентский отряд Института археологии АН Узбекистана. Но не последним фактором здесь были и те политические перипетии, что пришлось на рубеж 1980-1990-х годов - перестройка, развал Союза, создание новых независимых государств. Социально-политическая ситуация в Средней Азии радикально поменялась, а вместе с ней и научная парадигма. Галина Анатольевна стала символом ушедшей в прошлое эпохи, хотя и продолжала активно работать, выпускать книги, писать статьи...

СТАРОСТЬ

Среди впечатляющего художественного наследия Леонардо да Винчи есть удивительные рисунки - лица стариков с отвислыми щеками, морщинами, иссохшим, опущенным ртом, лысиной. Но нет портретов старух. Очевидно, рисовать старость в женском обличье ему не позволяло его восхищение женской красотой. Даже Мать Мария у него прекрасна, исполнена достоинства и спокойствия. Непривлекательные образы старух встречаются в немецкой средневековой живописи и у «маленьких голландцев», но в сценах простонародной жизни, где вульгарны и безобразны все участники. Эрмитажный портрет старушки Рембрандта исполнен высокой духовности; здесь внешние признаки старости смягчены тем золотистым светом, который он так гениально умел передавать.

Первым, кто беспощадно изобразил старость в женском ее воплощении, был О. Роден. Это «Красавица Омиэр» на стихи Виллони. Когда-то пленявшая сердца, она предстает во всем безобразии старости: тощие плечи, словно тряпки - обвисшие груди, изборозженное морщинами лицо. Образ жестокий, отталкивающий еще больше, чем леонардовы старики.

Как-то по телевидению показывали передачу, посвященную старейшей актрисе Е. Гоголевой, что скончалась в 1993 году. Контраст шокировал осознанием безысходности перед нещадным временем: ее портрет в молодости - аристократически горделивой красоты - и съемки последних лет - почти хищный профиль, деформация лицевых мышц, отеки, складки, которые не смогли изменить все ухищрения косметики и операции по натяжению кожи.

*М. Массон за два месяца до смерти.
Ташкент, 1986 г. Фото Л. Альбаума 1
4 x 19,5 см.*

Этот разрушительный акт старения я наблюдаю на себе. После семидесяти пяти - резкий скачок, после восьмидесяти началась уже не старость, а разложение. Иссохли мышцы, кожа обвисла на руках, на бедрах, на некогда пышной груди. Лицо не просто в морщинах, но изменилось на незнакомое, появилось чуждое ему очертание, искажен «лицевой угол», некогда распахнутые глаза сузились, хорошенькая родинка на подбородке превратилась в безобразную бородавку, некогда изящные кисти рук ныне в голубоватых, похожих на червяков венах, на пальцах - когтистые наросты солевых отложений ... Стареет ум - ослабла память, вмещавшая так много, дряхлеет душа - в ней нет желаний и порывов...

Вспоминаются стихи К. Померанцева, точно передающие психологическое состояние человека, перешагнувшего за порог зрелых лет:

*Как унижительно стареть
Так невпопад, так неумело,
И, съезжившись, у печки греть
Свое слабеющее тело.*

Всадник из Халчаяна. Институт
искусствознания, Ташкент, 1989 г. Фото
Д. Михайлова, 11,2 x 17,5 см.

О да, как удручает осознание неотвратимости физического увядания и угасания душевных сил! Как не хочется быть свидетелем этого угнетающего процесса распада и понимать, что все это происходит именно с тобой, с тобой!

Как я хотела бы скорей уйти в Ничто! Мне непонятна боязнь Смерти у пожилых людей - даже таких как Л. Толстой или И. Бунин. Как боялся ее Михаил Евгеньевич - как любил пугать меня, что он уйдет из жизни рано, как его отец в пятьдесят четыре года, но дожил до восьмидесяти восьми и все последние годы с тревогой спрашивал «Я ведь еще проживу?». Я хотела быть с внуками и не могла - так как у меня на попечении долгое время было старчески бессильное и капризное дитя - восьмидесятилетний муж. Потом поняла, что и я теперь буду вряд ли им нужна. Боюсь лишь длительных мучений для себя и окружающих от инсульта или рака, когда беспомощное тело обречено на неподвижность и страдания, а сердце все еще движет токи крови, все не дает ей остановиться. Быть в тягость себе и близким - это ужасно! Да и кто у меня остался из близких? У всех троих детей своя жизнь, и мой полутруп стал бы для них такой обузой!

Приди ко мне скорей, мое Ничто!

Сто лет тому назад И. Мечников, как физиолог, вел наблюдения

над процессом своего старения - физического и духовного. Выводы его объективны и нерадостны, но всегда он испытывал при этом творческое удовлетворение ученого-экспериментатора. Вот и я приглядываюсь к себе, но кроме горечи, - уввы!- это ничего не вызывает.

Слабеют чувства. Вначале это физические органы чувств - зрение (все чаще меняю очки на увеличение диоптрий), слух (плохо разбираю негромкую речь собеседника), обоняние (после очередного гриппа я его почти утратила, а как тонко я разбирала запах различных духов). А потом стала иссякать чувствительность души. Любовь? Да, она сохранилась к детям, внукам, но знаю, что им она уже не очень нужна. Желая успеха в творческом плане? Его уже нет, какой-то уровень достигнут (спортсмены называют его «планка»), зачем стремиться его превзойти? Это было бы пустым тщеславием. Удовольствия? Но какие? Все уже познано, желание угасло.

Не смея ставить точки, я перелистываю ее дневниковые записи последних лет, не ежедневные, так, от случая к случаю. В них - та Галина Анатольевна, которую не знает никто. Этот образ, тщательно скрываемый, известен только ее дневникам. Но и теперь - она свидетель и участник событий своего времени, и ее заметки и размышления, если и не прельщают прелестью канувших в небытие лет, то подкупают искренностью в констатации фактов и ... горечью оценок.

СТРОЧКИ ИЗ ДНЕВНИКА

Без даты, 1990 г.

Вот уже третий год я не выезжаю в экспедицию - вначале помехой было состояние Массона, в 1986 году ушедшего из жизни, потом тяжёлая травма руки, да и другие неприметно подкрадывавшиеся болезни. По счастью пока еще остается возможность работы за письменным столом - сколько неосвоенных полевых материалов, сколько несформированных идей!

8 апреля 1992 г.

На днях в Союзе архитекторов был прием иностранных архитекторов-участников конкурса, финансируемого Фондом Агахана, на строительство культурного центра имени Улугбека в Самарканде. Выступил М. Булатов и заявил примерно следующее: До сих пор мы жили в условиях колониального ига, но ныне мы - независимый Узбекистан, и только теперь для нас открылись пути свободы и творчества». Это говорит татарин, который получил образование в лучшем архитектурном ВУЗе Москвы, который по приезде в Ташкент стоял у руководства, позднее ударился в науку, но никто ему не мешал и никто не угнетал.

7 февраля 1993 г.

Впервые за 78 лет встречаю свой день рождения не дома, за праздничным столом, а в лечебном заведении. Это так называемый стационар № 1, нечто вроде санатория для привилегированных, куда причислены и академики. Он расположен в небольшом изолированном парке в районе Луначарского шоссе (кажется, район уже переименовали). Я была вынуждена здесь побывать уже трижды в разные годы, но то была весна, когда цвели розы, порхали и перекрикивались стаи птиц, или осень, когда деревья были в багровеющем уборе, вдали синела кромка гор, и в воздухе была разлита тихая, умиротворяющая грусть. А сейчас голый февраль, мокрый снег сменяется мелким нудным дождем, на дорожках ни души, и я бреду по ним, погруженная в думы и отмечающая машинально стометровые отметки.

Три длинных трехэтажных корпуса - здесь врачи, больные, лаборатории, кабинеты, позади хозяйственный корпус. А внизу в парке небольшой двухэтажный особняк для членов правительства - он почти необитаем, правители предпочитают собственные дачи или закрытые санатории в Кисловодске и Ялте. Но сейчас это уже зарубежье, причем не столь уж близкое.

Для меня же Кисловодск, где мы каждое лето отдыхали с Михаилом Евгеньевичем, остался в прошлом; в настоящем же мне уготовано довольствоваться только стационаром № 1. Добирались мы сюда со Стивой не на машине, бензин стал предметом роскоши, так взвинчена цена. Ехали в метро, потом в переполненном автобусе. Первый корпус, первый этаж - он заселен женищинами; почти все они старые и средних лет узбечки - жены и матери «номенклатуристов». Кроме меня - еще одна русская - Хлебушкина. Я узнала ее - однажды сидели в одном президиуме, а иногда ее показывают по телевидению. Она воплощение жизненного подвига: в годы войны организовала прием эвакуированных детей, помогла им не только выжить, но и получить профессии, выйти в самостоятельную жизнь. Для многих она и поныне «мамочка» - навещают, пишут...

9 февраля 1993 г.

Лечение и чтение. Читаю с выбором, не так, как в былые времена, когда глотала все подряд. Начав, уже определенно, чутьем, - «то или не то»...

12 февраля 1993 г.

Прогулки. Японцы обязательно проделывают по 5 км в день и для этой цели имеют при себе маленький карманный шагомер. Вдоль одной из дорожек посажены тонкоствольные деревца (не знаю их названия). У них изогнутая веером крона - это искусственная деформация) - и когда они покрыты листвой - это видится куполообразной пышной шапкой. Но сейчас, когда ветви обнажены, видно, какое же насилие совершил над ними человек! Часть ветвей была спилена на определенной высоте, часть

скручена, выгнута, образуя безобразные узлы, и из них выпущены тонкие веточки, которые согнуты полукругом вниз. Они то и образуют купол, который с весны покрывается листвой. Мне подумалось, что это как бы образ советского искусства - соподчиненного грубой силе, исковерканного, и все же дающего красоту, но лишь соподчиненную заданной форме, вместо того, чтобы вольно тянуться к небу и солнцу, свободно раскидывая свои ветви.

13 февраля 1993 г.

Вспомнился старик Юренев, который в годы войны, оказавшись в оккупированной зоне, спас от разгромления городской музей, но все равно был осужден за то, что был «под немцами» и выслан в Бухару. Жители называли его «Бобо калян» - Великий старец. И не только за высокий рост, но и за то достоинство, которое не покидало его в нелегкие годы его жизни. В каком источнике он его черпал?

17 февраля 1993 г.

Созвонилась с Р. Мукминовой - предложила ей совместную подготовку раздела «Художественные ремесла VIII-XVIII век.» - она о положении ремесленников, их статусе, корпорациях, а я - о самих ремеслах. Кажется, ей это понравилось. А мне уже все неинтересно. Во многом и «Градостроительная культура» и «Прикладные ремесла» будут сводкой (не компиляцией, но сводкой) материалов на последнем уровне их накопления и познания и только. Никакого полета идей... да и способна ли я теперь к полету? Работа над двумя темами гарантирует мне на три года работу и зарплату - прожить в наши дни на пенсию невозможно, да и не смогу я без дела, которое кому-нибудь все же будет нужно, ведь будут же снова печатать научные труды?

А в общем мне наскучило жить.

20 февраля 1993 г.

Воскресный день, пьянящий воздух, в траве первые миниатюрные незабудки. Но, Бог мой, не писать же мне о погоде!

21 февраля 1993 г.

Вечером на ясном небе одинокая яркая звезда - не звезда, а планета - Юпитер. Мне вспоминаются ярчайшие звезды в черном небе Афганистана, где мы вели археологические работы накануне «грязной войны»; они заполняли все пространство, порождая мысли о бесконечности вселенной и задевая какие-то особые струны души, которые никогда не затронет созданная человеком культура.

Без даты, 1998 г.

Еще в 1996 году, в связи с 2500-летним юбилеем Бухары мной был подготовлен текст с характеристикой архитектурных памятников Бухары. Предполагалось его издание через Союз архитекторов Узбекистана с небольшим предисловием его председателя Ф. Аишафи. Недавно, когда я находилась в больнице, мне принесли два экземпляра этой книги, изданной, оказывается, еще в 1997 году в Индии на трех языках, богато иллюс-

трированной. Каково же было мое удивление, когда я увидела на второй странице список «авторов-составителей»: Г. Пугаченкова, Ф. Аишафи, Б. Усманов, Ф. Касымов, Н. Шарипов, в то время как в книге лишь мой текст. В чем участие «авторского коллектива» - мне не ясно. Характерно, что у всех «авторов» указаны все их почетные регалии и научные звания, за исключением моей персоны. Или я уже не вписываюсь в «новую жизнь»?

5 июня 1998 г.

Я не признаю утверждения, что самоубийство - это грех. Перед кем? Перед Богом, в которого я не верю, перед обществом, которому безразлична судьба составляющих его людей?

Нет, лучше Тютчева не скажешь:

Когда дряхлеющие силы
Нам начинают изменять
И мы должны, как старожилы,
Пришельцам новым место дать,

Спаси тогда нас, добрый Гений,
От малодушных укоризн,
От клеветы, от озлоблений
На изменяющую жизнь,

От чувства затаенной злости
На обновляющийся мир,
Где новые садятся гости
На уготованный им пир.

Прмечания:

1 Об этом подробно см.: Ртвеладзе Э. Первая экспедиция с Галиной Анатольевной. Архитектура и строительство Узбекистана. Ташкент, 1990, №2.

2 О принципах, заложенных в понятие научной школы, см. Массон М. Среднеазиатская археологическая научная школа Ташкентского государственного университета. Археология Средней Азии. VII, Труды ТашГУ, в. 295, Ташкент, 1966.

3ЦГА РУз, ф. Р-394, оп.1, д.28, л.331, 333.

4 Ставиский Б., Жукова Н. Проблемы сохранения памятников культуры и искусства в советских республиках Средней Азии (1917-1941 год.). Консервация и реставрация музейных художественных ценностей. Обзорная информация, вып. 1, М., 1989, с. 12,19.

5ЦГА РУз, ф. Р-394, оп. 1, д. 36, л. 30.

6Распоряжение по Наркомпросу УзССР от 3 окт. 1928 г. См.: ЦГА РУз, ф. Р-2296, оп. 1, д. 2, л. 5.

7 Массон М. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении. Ч. I., Труды САГУ, новая серия, вып. LXXX, кн. 12, Т., 1956, с. 25.

8ЦГА РУз, ф. Р-2296, оп. 1, д. 2, л. 2-3; Кары-Ниязов Т. Очерки истории культуры советского Узбекистана. - М.: АН СССР, 1955. Германов В. Всего лишь пыль с обложки книги... Звезда Востока. 1995. № 1-2, с. 105-107.

9М. Массон. Краткий очерк... Указ. соч., с. 25.

10Постановление ЦИК Советов и СНК УзССР № 50 от 19 марта 1929 г. и Положение об Узкомстарисе. См.: ЦГА РУз, ф. Р-2296, оп. 1, д. 1, л. 1-2.

11Узкомстарис был организован первого апреля 1928 г., а Средазкомстарис упразднён первого октября 1928 г. См.: ЦГА РУз, ф. Р-2296, оп. 1, д. 1, л. 27; д. 2, л. 5.

12Там же, д. 3, л. 5.

13Первоначально Узбекстанский Комитет по делам памятников культуры и природы, под председательством М. Ю. Саиджанова, находился в ведении Наркомпроса УзССР (1929-1932). С июня 1932 г. Узкомстарис был переведён в ведение СНК УзССР уже в качестве Узбекстанского Комитета по охране и изучению памятников материальной культуры под председательством Н. Ходжаева. При этом между ними «в силу ряда причин, не оказалось даже преемственности персональной, по линии личного состава». В мае 1946 г. Узкомстарис был ликвидирован. См.: ЦГА РУз, ф. Р-2296, оп. 1, д. 22, л. 12; д. 3, л. 52-53; ф. Р-2406, оп. 1, д. 21, л. 9; Горшенина С. Муса Саиджанов - историк, археолог, искусствовед. ОНУз, 1995, № 1-2-3, с. 26-29.

14ЦГА РУз, ф. Р-2296, оп. 1, д. 6, л. 32.

15Уполномоченным Узкомстариса по Ташкенту и Фергане был В. Жуков; по Хорезмскому округу - Давлятов; Шахрисябзский комстарис возглавлял Х. Бердиев, в Бухаре по-прежнему работал В. Шишкин. См.: ЦГА РУз, ф. Р-2296, оп. 1, д. 6, л. 31; д. 7, л. 28; д. 9, л. 22-25; д. 45, л. 5.

16 Массон М. Городища Старого Термеза и их изучение. Тр. УзФАН СССР, Т., 1940, сер. I, вып. 2.

17Ещё в 1922 г. Б. Денике так определил задачи «для русских работников в области искусства Востока: 1) изучение памятников Востока, находящихся в Петрограде и Москве...; 2) работа экспедиций в Русском и Китайском Туркестане; 3) подготовка специалистов путём командирования их в научные центры Запада (Берлин, Вена и т. д.) и на места нахождения памятников; 4) соби́рание и описание памятников и предметов искусства и издания соответствующих трудов, устройство музеев; 5) применение при изучении искусства Востока тех же методов, какие употребляются при изучении западного искусства. Изучение искусства не только при посредстве формального метода, но как единого целого, в котором неразрывно связаны форма и содержание (синтетический метод)». Жизнь национальностей. 1922. 15 июня. с. 12; См. также: Денике Б. Искусство Востока. Очерк истории мусульманско-

го искусства. Казань: Изд. Комбината Издательства и Печати АТССР, 1923.; Он же. Искусство Средней Азии. - М.: Центризд. народов СССР, 1927.

18 Яворская Н. Отделение искусствознания и социологическая секция Института археологии и искусствознания РАНИИОН, Сов. искусствознание '82, М., 1983, вып. 1, с. 281.

19 В 1925 г. им были обследованы памятники Семиречья и г. Туркестана, в 1925-27 год. - Шахриябза и Мерва; в 1926-28 год. - в Средней Азии работало три экспедиции Московского музея восточных культур, главной целью которых было изучение памятников Узгенда и городища старого Термеза.

20 Культура Востока. Сб. музея восточных культур. I, М., 1927; Культура Востока. Сб. музея восточных культур. II, М., 1928; Б. Денике, «Термез (Работы экспедиции музея восточных культур в 1927 г.)», Новый Восток, М., 1928, кн. 22, с. 208-223. Результаты экспедиции 1928 г. полностью не были опубликованы, но частично нашли отражение в работах её участников: Б. Денике, Б. Засыпкина, А. Стрелкова, П. Корнилова, В. Чепелева, Б. Веймарна, например: Б. Денике. Резная шtukовая стенная декорация в Термезе. Тр. секции искусствознания РАНИИОН, М., 1928, вып. III, с. 61-65; Он же: Изображения фантастических зверей в термезской резной декорации. Тр. секции истории искусств РАНИИОН, М., 1930, вып. V, с. 79-85; Он же: Архитектурный орнамент Средней Азии.-Л., 1939; Он же: Резная декорировка здания, раскопанного в Термезе. III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады, Ленинград, сентябрь, 1935, М.-Л., 1939, с. 39-44; Б. Веймарн. Орнаментация дворца XII века в древнем Термезе. Из открытий советского востоковедения. Искусство, 1934, № 6, с. 104-113; Б. Засыпкин. Архитектурные памятники Средней Азии. Проблемы исследования и реставрации. Вопросы реставрации, М., 1928, т. II, с. 207-283; Он же: Кирпич в архитектурных сооружениях Средней Азии домонгольского периода (IX-XIII век). Строительная промышленность, 1928, № 5, с. 307-312; Он же. Памятники монументального искусства советского Востока. Художественная культура советского Востока, М.-Л., 1931, с. 21-49; П. Корнилов. Изучение искусства Средней Азии. Казань: Татполиграф, 1930, 10 с.; Он же: Термез и Сарай. Вестник научного общества татароведения, Казань, 1930, № 9-10, с. 178-180; Он же: Узгент и его памятники (из поездки 1928 г.), Казань, 1931.

21 ЦГА РУз, ф. Р-368, оп.1, д.147, л. 22-24.

22 Историческая группа изучала всеобщую историю искусства; в группе русской словесности штудировали историю русского искусства; для групп исламоведения и иранской филологии читались курсы по истории искусства и археологии античного мира и древнего Востока, истории мусульманского искусства и археологии мусульманского Востока, а также курс по нумизматике Ахеменидов и Сасанидов. Студенты историко-литературной секции в группе иранской филологии дополнительно слушали ещё и лекции по истории персидского искусства. См.: ЦГА РУз, ф. Р-368, оп. 1, д. 147, л. 23-24.

23 Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1921 год., 1944, с. 176. Цит. по: Джимбинов С. Коэффициент искажения. Революция и культура. Новый мир, 1992, № 9, с. 209-210.

24 ЦГА РУз, ф. Р-368, оп. 1, д. 147, л. 17.

25 Тандем археологии и искусствоведения был представлен спецкурсами: археология Средней Азии в связи с историей среднеазиатского монументального искусства, искусство Средней Азии в связи с общей историей искусств Востока, мусульманская нумизматика, мусульманская палеография, социология искусства, теория искусства, общая археология в связи с историей первобытной и древней культуры, история прикладного искусства Средней Азии, искусство восточных народов в средние века и новое время, музейное дело. См.: ЦГА РУз, ф. Р-368, оп. 13, д. 4, л. 16-41.

26 Лунин Б. Восточный факультет (Краткий очерк истории востфака ТашГУ) Т., 1981, с. 11.

27 Теория и история мирового искусства, социология искусства, история му-

сульманского искусства, археология и нумизматика, история китайского искусства. См.: ТГА, ф. 38, оп. 1, д. 212, л. 6.

28 Б. Луни, Восточный факультет... с. 10.

29 ЦГА РУз, ф. Р-2231, оп. 1, д. 150, л. 2; Германов В. «Истинно говорю, что один из вас...» Звезда Востока, 1995, № 3-4, с. 109-127.

30 Луни Б. Восточный факультет... с. 16.

31 Ковалёв П., Аюбян Н. Из истории исторического факультета ТаиГУ им. В. Ленина. Науч. тр. ТаиГУ. Т., 1970, вып. 392, с. 3-27.

32 Архив ТаиГУ, оп. 1 1/с, папка 46, приказ № 617 от 4/XII-1942 г.

33 ТГА, ф. 38, оп. 1, д. 581, л. 141.

34 ТГА, ф. 38, оп. 1, д. 636, л. 248.

35 М. Массон разработал и читал курсы: «Археология Средней Азии», «Нумизматика Средней Азии», «Историческая топография городов Средней Азии»; А. Семенов - «Эпиграфика Средней Азии», А. Хамраев - «Исламоведение».

36 ТГА, ф. 38, оп. 1, д. 636, л. 250.

37 ТГА, ф. 38, оп. 1, д. 583.

38 Луни Б. Восточный факультет... с. 18.

39 ТГА, ф. 38, оп. 1, д. 597, л. 5; д. 603, л. 1.

40 Халиков М. За новый подъём узбекской литературы. Звезда Востока, 1949, № 4, с. 120.

41 О марксистско-ленинском освещении истории и истории культуры народов Узбекистана. Стенографический отчёт расширенного заседания отделения гуманитарных наук АН УзССР. 21-27 апреля 1949 г. Т.: Изд. АН УзССР, 1951, с. 7.

42 ЦГА РУз, ф. Р-2665, оп. 1, д. 200, л. 11.

43 ТГА, ф. 38, оп. 1, д. 715, л. 62.

44 ТГА, ф. 38, оп. 1, д. 879, л. 37.

45 Речь шла о научной теме Г. Чаброва.

46 Додонов И. О направлениях научно-исследовательской работы на гуманитарных факультетах САГУ. (Доклад на расширенном заседании учёного совета САГУ 24.09.49 г.). См.: ТГА, ф. 38, оп. 1, д. 818, л. 10.

47 ТГА, ф. 38, оп. 3, д. 634, л. 78.

48 Там же, оп. 1, д. 881, л. 23.

49 ТГА, ф. 38, оп. 1, д. 881, л. 16.

50 Там же, д. 1282, л. 30.

51 О дальнейшей судьбе кафедры искусствоведения см.: Горшенина С. Из истории подготовки искусствоведческих кадров в Узбекистане. ОНУз, 1995, № 5-6-7-8, с. 31-35.

52 Пугаченкова Г. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана. поры рабовладения и феодализма. Тр. ЮТАКЭ, т. 6, М., 1958, с. 476.

53 Пугаченкова Г. Халчаян. ФАН. Т., 1966, с. 266.

54 Пугаченкова Г. К проблеме архитектурной археологии в изучении зодчества Средней Азии. Краткие сообщения Института археологии АН СССР, вып. 172, М., 1982.

55 Последующие исследования (Ш. Ратия, Г. Пугаченковой и других), не меняя принципиально комплексного решения, предложенного Н. Щербиной-Крамаренко, вносили уточнения в количество колонн в галереях, в форму минаретов, ориентации мечети и др. См.: Ратия Ш. Мечеть Биби-Ханым. Исследование и опыт реставрации. Изд. и 1 тип. Гос. изд. архитектуры и градостроительства, 1950, с. 79-82.

56 М. Булатов, В. Воронина, Ш. Ратия и др.

57 В рамках Хорезмской археолого-этнографической экспедиции традиция графических реконструкций восходит к работам М. Орлова, В. Пилявского, Б. Лаврова. Ряд реконструкций принадлежит В. Нильсену, в том числе открытых в ходе археологических раскопок на Варахше, Пенджикенте, Балалыктепа. Практика реконструкций широко использовалась в археологической деятельности Эрмитажа (Б. Мар-

иак, Г. Семенов), Института истории материальной культуры (В. Массон), Узбекско-французской археологической миссии (П. Бернар, Ф. Гренз, К. Рапен). И. Азимов и Д. Русанов (УзИскЭ) дали реконструкции цитадели и фортификационной системы Кампыртепа и т. д.

58 См. коллективную монографию «Ишират-хона», табл. I-XXII, 1958.

59 Нильсен В. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V-VIII вв.). Т., 1966.

60 Горшенина С. История Института искусствознания: связь времен. Санъатишунослик масалалари. Илмий маколалар туплами. Юбилейный сборник Института искусствознания, Ташкент, 1998, с. 20-31; Gorshenina S. L'Institut Khamza de Tachkent: bilan de 70 ans d'existence. La Timouride. 19, mai 1999, pp. 11-20.

61 Другие названия: Институт народной музыки и хореографии, Научно-исследовательский институт восточной музыки, Научно-исследовательский институт национальной музыки и хореографии Узбекистана.

62 Большая часть находок УзИскЭ представлена в музее Института искусствознания, а также отражена в каталогах: Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки в 2-х книгах, М., 1991; Древности Южного Узбекистана, Токио, 1991.

63 Частично материалы свода опубликованы: Булатова В., Маньковская Л. Памятники зодчества Хорезма, Т., 1978; Азимов А. Архитектурные памятники Ферганской долины, Т., 1982; Ариавская З., Ртвеладзе Э., Хакимов З. Средневековые памятники Сурхандарьи, Т., 1982; Булатова В., Маньковская Л. Памятники зодчества Ташкента, Т., 1983; Азимов А. Росписи Узбекистана, Т., 1987; Пугаченкова Г., Ртвеладзе Э. Северная Бактрия-Тохаристан. Очерки истории и культуры. Древность и средневековье, Т., 1990.

64 О результатах совместных работ см.: Материалы полевых исследований Узбекстанской искусствоведческой экспедиции (УзИскЭ). Три выпуска., 1997-1999; Дальверзинтепа-Шахристони. Хамза номидаги санъатшунослик институти; Сока университети, 1996 г. (на узбекском и японском языках)

65 Денике Б. Искусство Средней Азии, М., 1927, с. 43-44.

66 Денике Б. Живопись Ирана. М., 1938, с. 132-133.

67 Чабров Г. Вклад А. А. Семенова в изучение искусства народов Средней Азии. Рукопись, 11 л., ЦГА РУз, ф. Р-268, оп. 1, д. 179.

68 Г. Пугаченкова пишет о появлении среднеазиатской школы в своих работах «К истории костюма Средней Азии и Ирана XV- первой половины XVI вв. по данным миниатюры», «Восточная миниатюра как источник по истории архитектуры XV-XVI вв.» и др. А. А. Иванов выступил против этого утверждения в статье «История изучения мавераннахрской (среднеазиатской) школы миниатюры. Статья I» (в сб.: Средняя Азия в древности и средневековье. История и культура, М., Наука, 1977, с. 144-157) и «История изучения мавераннахрской (среднеазиатской) школы миниатюры. Статья II» (в сб.: Древность и средневековье народов Средней Азии, М., Наука, 1978, с. 35-55). Продолжением дискуссии явились статьи Г. Пугаченковой «К дискуссии о среднеазиатской школе миниатюрной живописи XV в., и А. Иванова «По поводу статьи Г. Пугаченковой» - обе в журнале Искусство за 1979 (№ 2, с. 50-53) и 1980 (№ 11, с. 6-70) годы. И, как последний аккорд, - сборник работ Г. Пугаченковой Из художественной сокровищницы Среднего Востока со статьей «К дискуссии о среднеазиатской миниатюре XV столетия» (Т., 1987, с. 186-217).

69 Иванов А. История изучения мавераннахрской (среднеазиатской) школы миниатюры. Статья I, Средняя Азия в древности и средневековье. История и культура, М., Наука, 1977, с. 145.

70 Там же, с. 147.

71 Пугаченкова Г. К дискуссии о среднеазиатской миниатюре XV столетия, Из художественной сокровищницы Среднего Востока, Т., 1987, с. 188.

72 Иванов А. История изучения мавераннахрской (среднеазиатской) школы

Г. А. Пугаченкова

миниатюры. Статья II (в сб.: Древность и средневековые народы Средней Азии, М., Наука, 1978, с. 37; Пугаченкова Г., Ремпель Л. История искусств Узбекистана, М., Искусство, 1965, с. 285.

73 Массон М. К истолкованию миниатюры «шахская охота. Из истории живописи Средней Азии. Традиции и новаторство. Т., Изд. литер. и искусства им. Гафура Гуляма, 1984, с. 113-124.

74 Акимущин О., Иванов А. Персидские миниатюры XIV-XVII вв. М., Наука, 1968, с. 13.

75 Иванов А. История изучения мавераннахрской (среднеазиатской) школы миниатюры. Статья II (в сб.: Древность и средневековые народы Средней Азии. М., Наука, 1978, с. 44.

76 Пугаченкова Г., Ремпель Л. История искусств Узбекистана. М., Искусство, 1965, с. 362.

77 Иванов А. История изучения мавераннахрской (среднеазиатской) школы миниатюры. Статья II (в сб.: Древность и средневековые народы Средней Азии. М., Наука, 1978, с. 51.

78 Долинская В. Миниатюрная живопись Средней Азии. Звезда Востока, 1958, № 7, с. 157; Пугаченкова Г., Ремпель Л. История искусства Узбекистана. М., Искусство, 1965, с. 365.

79 Иванов А. История изучения мавераннахрской (среднеазиатской) школы миниатюры. Статья II (в сб.: Древность и средневековые народы Средней Азии. М., Наука, 1978, с. 54.

80 Семенов А. Гератская художественная рукопись эпохи Навои и её творцы, Алишер Навои. М.-Л., Изд. АН СССР, 1946, с. 170.

81 Пугаченкова Г. Восточная миниатюра как источник по истории архитектуры XV-XVI вв. Архитектурное наследие Узбекистана. Т., 1960, с. 113-147.

82 Пугаченкова Г. Среднеазиатские сады и парки XV века. Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Т., 1987, с. 172-185.

83 Пугаченкова Г. К истории костюма Средней Азии и Ирана XV - первой половины XVI в. по данным миниатюр. Труды САГУ. Новая серия, вып. 81, Ист. науки, кн. 12, Т., 1956, с. 85-121.

84 Долинская В. Миниатюры рукописи «Тарих-и-Абул-хайр-хани» из собрания Института востоковедения АН УзССР. Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР, вып. 2 (17). Сталинабад, 1958, с. 31-56.

85 Рахимова З. Среднеазиатский женский костюм на миниатюрах Мавераннахра XVI-XVII веков. Культура Среднего Востока. Изобразительное и прикладное искусство. Т., ФАН, 1990, с. 136-151.

86 Фахретдинова Д. Ювелирное искусство Узбекистана. Изд. лит и искусства им. Г. Гуляма. Т., 1988.

87 Ставиский Б. К вопросу о новом подходе к изучению искусства Средней Азии. Искусство, 1971, № 5, с. 47-48; Он же: Веймарн поддерживает. Жизнь для науки, М., 1997, с. 66-70; Ремпель Л. О старом и «новом» подходе к истории искусств Средней Азии. Искусство, 1972, № 2, с. 37-40; Пугаченкова Г., Ремпель Л. По поводу одной рецензии. Народы Азии и Африки. 1969, № 1, с. 244.

88 Г. Пугаченкова, История искусств Афганистана...

БИБЛИОГРАФИЯ НАУЧНЫХ РАБОТ Г. А. ПУГАЧЕН- КОВОЙ.

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ.

1941.

1. Ишрот-хана. / Гюлистан, 4, с. 16-17.

1945.

2. Архитектура Средней Азии эпохи Навои. / Канд. диссертация, автореф., бюл. САГУ, 23, с. 181.

3. Архитектурная характеристика мавзолея Ишрат-хана. / Автореф., там же, с. 181-182.

4. Акант в архитектуре Средней Азии. / Автореф., там же, с. 182-183.

5. Ансамбли Дар-ус-сиадаат и Дар-ут-тилават в г. Шахриябзе. / Автореф., там же, с. 182-183.

6. Архитектурное наследие Средней Азии и проблемы его освоения в строительной практике социалистического Узбекистана. / Автореф., там же, с. 183-184.

7. Деревянные средневековые колонны из г. Туркестана. / Автореф., там же, с. 182.

8. Зооморфные элементы в тимуридской керамике Самарканда. / Автореф., там же, с. 184.

9. Историко-архитектурная характеристика памятников Шахриябза эпохи Тимура и Улугбека. / Автореф., там же, с. 182.

10. Мавзолеи Самарканда Ишрат-хана и Ак-Сарай. / Автореф., там же, с. 181-182.

11. Мавзолеи с шатровым перекрытием в архитектуре стран Востока. / Автореф., там же, с. 183.

12. Навои и архитектура. / Автореф., там же, с. 182.

13. Своды помещений западного устоя портала Ак-Сарая в г. Шахриябзе. / Автореф., там же, с. 182-183.

14. Типы художественной керамики эпохи Тимура и Улугбека из раскопок Гури-мира. / Автореф., там же, с. 184.

15. Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах. / Автореф., там же, с. 182.

16. О резных деревянных колоннах XIV-XV вв. в Средней Азии. / Тезисы докл. Науч. сессии, посвящ. 25-летию САГУ. Ташкент, с. 53.

17. Фрагменты эллинистической архитектуры правобережного Тохаристана. / Тр. АН УзССР, история, археология. Сер. 1. т. 2. Ташкент, с. 65-81.

1947.

18. Миниатюры «Хамсэ» Низами 1562-1563 гг. Самаркандского музея. / Тезисы

науч. докл. на сессии АН УзССР 9-14 июня 1947 г., Ташкент, с. 147-148.

1948.

19. Кемаледдин Бехзад. / Звезда Востока, 9, с. 118-127.
20. О народной традиции в орнаментации «Гумбез-Манаса». / Тр. Ин-та языка, литературы, истории Кирг. ФАН СССР. Вып. 2, с. 147-149.
21. О каменных колоннах из Таласской долины. / Там же, с. 151-154.
22. О резных деревянных колоннах XIV-XV вв. в г. Туркестане. / Изв. АН Каз. ССР. Сер. архитектурная, вып. 1, с. 40-53.

1949.

23. Бухара. Сокровища зодчества народов СССР. М., 66 с. Совместно с Л. Ремпелем.
24. Архитектурные памятники Нисы. Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад, т. 1, с. 201-259.
25. Глазурованная керамика Нисы XV-XVI вв. / Там же, с. 400-418.
26. К проблеме возникновения «шатровых мавзолеев» Хорасана. / Материалы ЮТАКЭ, Ашхабад, вып. 1, с. 57-78.

1950.

27. Гумбез Манаса. М., 144 с., ил. Совместно с М. Массоном.
28. Изучение древнего искусства Средней Азии за 25 лет. / Тезисы науч. докл. на юбил. конф. САГУ. Таш-кент, с. 23-25.
29. К вопросу о реконструкции ансамбля Дорус-Сиадат, тимуридской усыпальницы в Шахриябзе. / Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана. Вып. 1. Ташкент, с. 58-72.
30. Мавзолей Калдыргач-бия. / Изв. АН Каз. ССР. Сер. архитектурная, вып. 2, с. 90-94.
31. Миниатюры «Фатх-наме» - хроники побед Шейбанихана из собрания Института по изучению восточных рукописей АН УзССР. / Тр. САГУ. Новая сер. Вып. 11. Гуманит. науки. Кн. 3, с. 121-137.
32. Резной михраб из Ашта. / Сообщ. Тадж. ФАН СССР. Вып. 25, с. 33-37.
33. Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах. / Тр. Ин-та истории и археологии. Материалы по археологии и этнографии Узбекистана. Т. 2, с. 8-57.
34. Самаркандская керамика XV века. / Тр. САГУ. Новая сер., вып. 11. Гуманит. науки, кн.3, с. 91-121.

1951.

35. Архитектура среднеазиатской античности. / ВДИ, 4, с. 186-199.
 36. Архитектурные памятники Дахистана, Абиверда, Сарахса. / Тр. ЮТАКЭ, Ашхабад, т. 2, с. 192-253.
 37. Реконструкция квадратного зала парфянского ансамбля Старой Нисы. / Там же, с. 143-147.
 38. Садово-парковое искусство Средней Азии в эпоху Тимура и тимуридов. / Тр. САГУ. Новая сер., вып.23. Гуманит. науки, кн. 4. История, с. 143-169.
 39. Сосуд из Термеза с вакхической сценой. / ВДИ, 1, с. 128-136.
 40. Хроника научно-исследовательской работы в области древней истории и археологии в университетах, педагогических вузах и музеях СССР. / ВДИ, 4, с. 235-236.
-

1952.

41. К истории паранджи. / СЭ, 3, с. 191-195.
42. К характеристике крепостной архитектуры Старой Нисы. / Изв. АН Туркм. ССР, 1, с. 16-21.
43. Конструктивные элементы мавзолея Санджара. / Изв. АН Туркм. ССР, 2, с. 24-30.
44. Некоторые изобразительные сюжеты на памятниках искусства древнего Согда. / Изв. отделения общественных наук Тадж. ССР. Вып. 2, с. 53-64.
45. Парфянские крепости Южного Туркменистана. / ВДИ, 2, с. 215-225.

1953

46. Архитектура туркменского народного жилища. М., 84 с. Совместно с В. Левиной, Д. Овезовым.
47. О датировке и происхождении рукописи «Хамсе» Эмира Хосрова Дехлеви в собрании Ин-та востоковедения АН УзССР. / Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвящённый 80-летию со дня рождения А. Семёнова. Сталинабад, 1953, с. 186-196.
48. О Таш-рабате. / Тр. Ин-та языка, литературы и истории Кирг. ФАН СССР. Вып. 3, с. 213-218.
49. По листам миниатюр. (Из истории среднеазиатского искусства XIV-XIX вв.) / Изв. АН УзССР, 4, с. 106-112.
50. Храм и некрополь в парфянской Нисе. / ВДИ, 3, с. 159-167.
51. Шахриябз при Тимуре и Улугбеке. / Тр. САГУ. Новая сер., вып. 49. Гуманит. науки, кн. 6, с. 17-99. Совместно с М. Массоном.
52. К вопросу о научно-художественной реконструкции мечети Биби-ханым. / Там же, с. 127-131.

223

1954.

53. Буддийская кумирня в Мерве. / КСИИМК. Вып. 54, с. 140-145.
54. Оттиски парфянских печатей из Нисы. / ВДИ, 4, с. 159-169. *Совместно с М. Массоном.*
55. Сауранские башни. / Тр. САГУ. Вып. 57, с. 163-167.
56. Хароба-кошук. / Изв. АН Туркм. ССР. Сер. Обществ. наук, 3, с. 15-19.

1955.

57. История Туркменской ССР. / Т. 1. Макет. Раздел - художественная культура Туркменистана VI-XVIII вв. Ашхабад, с. 164-169, 233-238, 340-366.
58. Наука и литература Туркменистана VIII-X вв. и XI-XV вв. / Там же, с. 445-454, 548-569.
59. Некоторые архитектурные памятники левобережья Аму-Дарьи. / Изв. АН Туркм. ССР. Сер. Обществ. наук, 4, с. 3-12.

1956.

60. Очерки по истории искусства Туркменистана. Ашхабад. 148 с., ил. Совместно с Л. Ельковичем.
61. Архитектурные памятники в с. Астана-баба. / КСИА, вып. 61, с. 70-85.
62. Выступление по вопросам периодизации истории искусства Средней Азии. / Материалы объединённой сессии, посвящённой Истории Средней Азии и Казах-
-

стана в дооктябрьский период. Ташкент, с. 118-121.

63. Драконы мечети Анау. / СЭ, 2, с. 125-129.

64. К истории костюма Средней Азии и Ирана XV - первой половины XVI в. по данным миниатюр. / Тр. САГУ. Новая сер., вып. 81. Ист. науки, кн. 12, с. 85-121.

65. Миниатюры к «Хамсе» Низами 1562-1563 гг. Самаркандского музея. / Сборник статей, посвящённых искусству таджикского народа. АН Тадж. ССР, с. 17-31.

66. Основные черты средневекового архитектурного наследия Южного Туркменистана. / Изв. АН Туркм. ССР. Сер. обществ. наук, 3, с. 5-14.

67. Три ахеменидские геммы из собрания Музея истории Узбекской ССР. / Тр. Музея истории Узбекской ССР, вып. 3, с. 81-87.

68. Туркменская ССР. Архитектура и изобразительное искусство. / БСЭ, 2-е изд., т. 43, с. 470-472. Совместно с М. Массоном, Л. Ельковичем.

69. Узбекская ССР. Архитектура и искусство. / БСЭ, 2-е изд., т. 44, с. 36-38.

70. Ханака в Мехне. / Тр. ЮТАКЭ, т. 5, с. 163-170.

1957.

71. Памятники архитектуры Средней Азии эпохи Навои. Ташкент. 98 с.

72. Геммы из Мерва. / Изв. АН Туркм. ССР. Сер. обществ. наук, с. 65-73.

73. Изобразительное искусство Узбекистана до 1917 г. / Изобразительное искусство Узбекистана. Ташкент, с. 9-57.

74. Культура Северного Хорасана и Хорезма в VI-VII вв. / История Туркм. ССР. Т. I, кн. 1. Ашхабад, с. 170-176.

75. Культура Северного Хорасана и Хорезма IX-X вв. / Там же, с. 237-244.

76. Культура Туркменистана в XI-XV вв. / Там же, с. 343-369.

77. Культура Туркменистана в XVI-XVIII вв. / Там же, с. 449-457.

78. Культура Туркменистана. / История Туркм. ССР. Т. I, кн. 2, Ашхабад, с. 57-62.

79. Материалы по восточной глиптике. / Тр. САГУ. Новая сер. Вып. 3. Ист. Науки, кн. 25, с. 139-155.

80. Мраморные статуи парфянского времени из Старой Нисы. / Ежегодник Ин-та истории искусств АН СССР, т. 7, с. 460-489. Совместно с М. Массоном.

81. Туркменистаным сунгатыным тарыхы очеркleri. Ашхабад. 140 б. Совместно с Л. Ельковичем.

1958.

82. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана. Ташкент, 291 с. Совместно с Л. Ремпелем. Рец.: Жадова Л. Вклад в изучение узбекского искусства. / Творчество, 1, с. 23. Рец.: Лунин Б. Жемчужины узбекского зодчества. / Звезда Востока, 5, с. 148-150. Рец.: Лунин Б. Две новые книги по истории архитектуры Узбекистана. / ИМКУ, вып. 2, с. 313-316.

83. Ниса (краткий путеводитель). Ашхабад. 30 с.

84. Нусай (Гысгаче справочник). Ашхабад. 32 с.

85. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Тр. ЮТАКЭ, т. 6, М., 491 с.

86. Архитектурная характеристика мавзолея Ишрат-хана. / Мавзолей Ишрат-хана. Ташкент, с. 40-90. Рец.: Лунин Б. Две новые книги по истории архитекту-

-
- ры Узбекистана. / ИМКУ. Вып. 2, Ташкент, с. 313-316.
87. Археологическая рекогносцировка области среднего Мургаба. / Изв. АН Туркм. ССР. Сер. Обществ. наук, 6, с. 74-83.
88. Древние связи в искусстве Средней Азии и Афганистана. / Материалы I Всесоюз. науч. конфер. востоковедов в г. Ташкенте. Ташкент, с. 411-416.
89. Мастер-керамист Мухаммад-Али Инойтон из Мерва. / СА, 2, с. 78-91.
90. Новые материалы к истории архитектуры Южного Туркменистана. / Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад, т. 8, с. 283-313.
91. Своды в архитектуре Южного Туркменистана. / Там же, с. 218-283.
92. Памятники гандхарской скульптуры из Беграма. / Искусство, 11, с. 67-70.

1959.

93. Зодчество Узбекистана. Альбом. Ташкент, 48 с. Рус., англ., араб., кит., нем., фр., хинди.
94. Мечеть Анау. Ашхабад, 56 с.
95. Парфянские ритоны Нисы. Альбом. Москва - Ашхабад, 16 с., 120 ил. Рус., туркм., фр., перс. Совместно с М. Массоном.
96. Парфянские ритоны Нисы. Текст. Ашхабад. 266 с. Совместно с М. Массоном.
97. Бухарские миниатюры в списке Джамии XVI века. / Искусство, 5, с. 71-74.
98. Грифон в изобразительном искусстве Средней Азии. / СА, 2, с. 70-84.
99. Маргианская богиня. / СА, 29-30, с. 119-140.
100. Этнографические памятники туркменской народной архитектуры. / Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад, т. 9, с. 247-243.

225

1960.

101. Выдающиеся памятники изобразительного искусства. Ташкент. 328 с. Совместно с Л. Ремпелем.
102. Старый Мерв (Путеводитель по городищам и памятникам). Ашхабад, 58 с.
103. Ак-Астана-Баба. / СА, 3, с. 323-327.
104. Акант в архитектуре Средней Азии. / Тр. АН Тадж. ССР, т. 120, с. 169-180.
105. Археологическая разведка у сел. Халчаян. / Изв. АН УзССР. Сер. обществ. наук, с. 49-50.
106. Восточная миниатюра как источник по истории архитектуры XV-XVI вв. / Архитектурное наследие Узбекистана. Ташкент, с. 111-161.
107. К открытию люстровой керамики Мерва. / Изв. АН Туркм. ССР. Сер. Обществ. наук, 4, с. 84-86.
108. К проблеме среднеазиатской школы миниатюры XVI-XVII вв. М., 11 с. (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР).
109. Миниатюры мастера Мусалли в ширазском списке «Хамсе» Эмира Дехлеви. / Тр. Ташк. ун-та. Новая сер., вып. 172. Ист. науки, кн., 37, с. 103-118.
110. Орнаментированный сосуд из Ургенча. / Там же, с. 197-201.
111. De l'ecole des miniaturistes de l'Asie Centrale des XVI-XVII siecles / XXV Congres internationale des Orientalistes. Conferences presentees par la Delegation de l'USSR. М., р. 12.
-

1961.

112. Самарканд. Бухара. М., 214 с.
113. Бронзовое зеркало из Термеза. / СЭ, 1, с. 153-155.
114. К открытию мавзолея Араб-ата в Тиме. / ОНУ, 9, с. 33-39.
115. К характеристике крепостной архитектуры Султан-калы. / Изв. АН Туркм. ССР. Сер. обществ. наук, 3, с. 37-43.
116. Мавзолей Абдуллы ибн Бурейды. / Изв. Туркм. ССР. Сер. обществ. наук, 2, с. 29-35.
117. Мазар Араб-ата в Тиме. / СА, 4, с. 198-211.
118. Некоторые итоги экспедиционных исследований Института искусствознания АН УзССР. / ОНУ, 3, с. 65-68.
119. Новый шедевр средневековой архитектуры Узбекистана. / САУ, 2, с. 26-27.
120. Ярты-гумбез. / Эпиграфика Востока, 14, с. 12-22.

1962.

121. Архитектурные заметки. / ИЗУ. Вып. 1. Ташкент, с. 178-210.
122. Архитектурный генезис мавзолея Саманидов в Бухаре. / ОНУ, 2, с. 47-53.
123. Коропластика древнего Мерва. / Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад, т. 11, с. 117-173.
124. Образ чаганианского правителя на терракотовом медальоне из Халчаяна. / ВДИ, 2, с. 88-95.
125. Marmorstatuen der Partherzeit aus Alt Nisa. / BCO, Berlin, 4, s. 221-222. Совместно с М. Массоном.

226

1963.

126. Искусство Афганистана. Три этюда. М., 248 с.
 127. Мавзолей Араб-ата. (Из истории архитектуры Мавераннахра IX-X вв.) / ИЗУ, вып. 2, Ташкент, 118 с.
 128. Кадимий асрлардан. / Узбекистон, 5, б. 22.
 129. К истории античной строительной техники Бактрии - Тохаристана. / СА, 4, с. 72-84.
 130. К исторической топографии Чаганиана. / Тр. Ташк. Ун-та. Новая сер., вып. 200. Ист. науки, кн. 41, с. 49-65.
 131. Резные камни античной поры в Музее истории Узбекистана. / Там же, с. 65-86.
 132. К итогам полевых исследований искусствоведческой экспедиции 1961 года. / ОНУ, 4, с. 55-58.
 133. К проблеме стиля и школ архитектуры феодального Востока. / Там же, 6, с. 41-45.
 134. Материалы к истории хорезмского зодчества. / Материалы Хорезмской экспедиции. М., вып. 7, с. 118-137.
 135. Международный форум археологов в Париже (3-13 сент. 1963 г.). / ОНУ, 12, с. 61-62.
 136. Мервские геммы-инталии. / Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад, т. 12, с. 201-212.
 137. Новое в архитектуре средневекового Мерва. / Там же, с. 225-249.
 138. Портрет Имамкули-хана. (К истории среднеаз. школы миниатюрной живописи) / Искусство, 1, с. 66-68.
 139. Халчаянская Афина. / ВДИ, 2, с. 155-166.
 140. Isthrat-Khaneh and Ak-Saray two Mausoleums in Samarkand. / Ars Orientalis.
-

Baltimore / 5, p. 177-180.

1964.

141. Мавзолей Исмаила Самани. Ташкент, 8 с. / Узб., рус. 2-е изд., 1969 г.
142. VIII Международный конгресс по классической археологии. / ВДИ, 4, с. 184-187. Совместно с Б. Петерсом.
143. К проблеме искусства Северной Парфии и Северной Бактрии. / ОНУ, 6, с. 51-53.
144. Круглый храм парфянской Нисы. / СА, 4, с. 119-135. Совместно с Н. Крашенинниковой.
145. Скульптура Халчаяна. / Искусство, 6, с. 59-64.
146. Форум в Венеции. / СА, 8, с. 30-31.
147. La arkitekturaj monumentoj de Samarkando et la tempo de Ulugbek. / Heroldo di Esperanto. I Junio.
148. Zum Geschichte der antiken Bautechnik in Baktrien - Tocharistan / BCO. Berlin,
149. Un supplement substantiel a l'histoire de l'architecture de Moyen-Orient resultant des etudes pratiquees en Ouzbekistan / Li monumento par l'homo. Venezia, p. 768-771.

1965.

150. Бухара. Торговые купола. Ташкент, 8 с. Узб., рус.
 151. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века. М., 688 с. Совместно с Л. Ремпелем. Рец: Бретаницкий Л. Вклад в советскую искусствоведческую науку. / Искусство, 11, с. 69-71.
 152. Архитектурные памятники Мавераннахра эпохи Улугбека. / Из истории эпохи Улугбека. Ташкент, с. 227-256.
 153. К иконографии Герая. (О некоторых вопросах раннекушанской истории.) / ВДИ, 1, с. 127-136.
 154. К разведке античных памятников Согдианы. / ОНУ, 7, с. 53-54.
 155. Международный свод памятников культуры. / Искусство, 7, с. 53-54.
 156. Неизвестные архитектурные памятники горных районов Узбекистана. / ИЗУ. Вып. 3. Ташкент, с. 66-88.
 157. Мастера среднеазиатской архитектуры. / Там же, с. 121-130.
 158. Новые материалы по архитектуре ансамбля Султан-Саодат. / САУ, 9, с. 39-41.
 159. Об одной группе терракотовых статуэток Тохаристана. / Новое в советской археологии. М., с. 248-252.
 160. Отголоски античной художественной традиции в средневековой живописи Средней Азии и Ирана. / Тезисы докладов сессии, посвященной истории живописи стран Азии. Л., с. 7-8.
 161. Памятники мусульманского зодчества в Хара-хото. / СА, 3, с. 258-261.
 162. La sculpture de Khaltchayan. / Iranica Antiqua. Leiden, vol. V, fasc. 2, p. 115-121.
 163. Die Athena von Khaltchayan. / BCO, Berlin, 2, s. 112-113.
 164. Des problemes de l'art de la Parthie du Nord et de la Bactriane du Nord. / VII Congres Internationale d'archeologie classique. Paris, p. 597-601.
-

1966.

165. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент, 286 с.
166. Девушка с лютней в скульптуре Халчаяна. / Культура античного мира. М., с. 214-223.
167. К дискуссии о Сотере Мегасе. / Тр. Ташк. Ун-та, вып. 295. Археология Сред. Азии, 7, с. 15-26.
168. Мавзолей Султана Санджара (XII в.). / Памятники Туркменистана, 2, с. 17-21.
169. О панцирном вооружении бактрийского и парфянского воинства. / ВДИ, 2, с. 27-43.
170. Халчаянский маскарабоз. / Искусство, 5, с. 61-64.
171. Ein Rundtempel im parthischer Nisa. / BCO, Berlin, 2, s. 294. Совместно с Н. Крашенинниковой.
172. Zum Iconographie des Herayos. (Zu einige Frage des Fruhgeschichte der Kuschandynastie). / BCO, 6, s. 210.
173. Die Sculpture von Chaltchayan. / BCO, Berlin, 6, s. 106.

1967.

174. Искусство Туркменистана. Очерк с древнейших времен до 1917 г. М., 326 с.
175. Две ступы на юге Узбекистана. / СА, 3, с. 257-264.
176. К стратиграфии новых монетных находок в Северной Бактрии. / ВДИ, 3, с. 74-88.
177. Материалы по короoplastике Бактрии - Тохаристана. / Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. М., с. 176-186.
178. Погребение монгольского времени в Халчаяне. / СА, 2, с. 252-258.
179. Художественный штамп в посудной керамике Мерва. / Памятники Туркменистана, 4, с. 30-32.
180. Дионисийская тема в искусстве Средней Азии. / Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungariae. Budapest, t. XV, p. 423-428.
181. Zum Erdkundung der antiken Denkmaler Sogdiana. / BCO, Berlin, s. 236.
182. Turkmenistan. Union of the Soviet Socialistic Republiks. / Encyclopaedia of the World Art. London, t. XIV, p. 551-554.
183. Uzbekistan. Union of the Soviet Socialistic Republiks. / Там же, p. 554-561.
184. Искусство Афганистана. Перевод Мухаммада Сидыка Тарзи на дари. Ariana, Kabul. vol. XXV, 3-6. 1967

1968.

185. Ишрат-хана. Ташкент, 16 с. - 2-е изд, 1970.
186. Самарканд. Бухара. Изд. 2-е доп. М., 204 с.
187. Античная скульптура Узбекистана. / Творчество, 12, с. 19-22.
188. Вопросы развития строительной техники в древнем и средневековом зодчестве Средней Азии. / САУ, 3, с. 33-35.
189. Гандхарская скульптура в Мерве. / Искусство, 6, с. 61-64.
190. Два средневековых замка (X-XI вв.). / Памятники Туркменистана, 2, с. 24-26.
191. К изучению памятников Северной Бактрии. / ОНУ, 8, с. 26-37.
192. К проблеме кушанского искусства. / Проблемы археологии Средней Азии.
-

ТД, Л., с. 43-44.

193. Кушанское искусство в свете новейших открытий в Северной Бактрии. / Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. ТД. Душанбе, с. 53-55.

194. Памятники Южного Узбекистана. / Культура и искусство Средней Азии в кушанскую эпоху. Каталог выставки. Л., с. 23-26.

195. Страница из истории тимуридской культуры (мавзолей Гаухар-Шад в Кухсане). / НАА, 4, с. 129-135.

196. Kushan Art in the Light of Recent Discoveries in Northern Bactria. / An International Conference on the History, Archaeology and Culture of Central Asia. М., p. 54-56.

197. Les monuments peu connus de l'architecture medievale de l'Afghanistan. / Afghanistan. Kabul. Vol. XXI, 1, p. 17-52.

198. Über die Panzerbewaffung der parthischen und bactrischen Krieger. / BCO, Berlin, 1, s. 246.

1969.

199. Торговые купола. Ташкент, 8 с. Узб., рус.

200. Архитектурная композиция обсерватории Улугбека. / ОНУ, 3, с. 30-42.

201. Архитектурная композиция обсерватории Улугбека. / Объединённая научная сессия, посвященная 2500-летию Самарканда. ТД. Ташкент.

202. Архитектура в конце XIV-XV в. / История Самарканда. Т. I. Ташкент, с. 237-255.

203. Искусство. / Там же, с. 293-303.

204. Бактрийский и парфянский вклад в формирование гандхарской школы. / Искусство Индии. М., с. 47-74.

205. Зодчество эпохи Тимуридов в его основных чертах. Международный симпозиум по искусству Центральной Азии эпохи Тимуридов. Париж, 13 января 1969 г. Париж, 10 с.

206. Зодчий Кавамеддин Ширази. / Тезисы докладов Всесоюзной конференции по искусству и археологии Ирана. М., с. 28-29.

207. К вопросу о международном центре документации. / Международный совет по охране памятников и достопримечательных мест. Симпозиум «Памятники культуры и общество», Л., с. 96-98.

208. Общественное положение и роль средневекового зодчего в Средней Азии. / ИЗУ, 4. Ташкент, с. 5-25.

209. Архитектура обсерватории Улугбека. / Там же, с. 107-132.

210. По поводу одной рецензии. / НАА, 1, с. 244. Совместно с Л. Ремпелем.

211. Портрет Улугбека. К проблеме миниатюрной живописи тимуридского Самарканда. / НАА, 6, с. 97-103.

212. Трон Митридата из парфянской Нисы. / ВДИ, 1, с. 161-171.

213. Три поздне-тимуридских памятника в Зиаратгохе близ Герата. / ОНУ, 8-9, с. 30-42.

1970.

214. Архитектура Средней Азии. / Всеобщая история архитектуры. Т. I. М., с. 348-365.

215. К изучению бактрийско-кушанских памятников на правом берегу Сурхан-

Дарьи. / АО 1969 года. М., с. 408-410.

216. Кушанская скульптура из Дальверзин-тепе. / Искусство, 2, с. 60-65.

217. Ну-Гумбед в Балхе (Афганистан). / СА, 3, с. 241-250.

218. A l'étude des monuments Timurides d'Afghanistan. / Afghanistan, vol. XXIII, p. 24-49.

219. The Architecture of the Central Asia of the Time of the Timurids. / Afghanistan, vol. XXII, p. 15-27.

220. К стратиграфии монетных находок в Северной Бактрии. Ariana, Kabul, vol. XXVIII, 3, p. 80-95. (На дари).

1971.

221. Скульптура Халчаяна. М., 204 с. Рец.: Мешкерис В. Большой вклад в изучение искусства Бактрии. / Известия АН Тадж. ССР. Серия обществ. наук, 1975, 2, с. 108-111. Рец.: Кошеленко Г. / СА, 1974, 2, с. 304-305.

222. Археологические исследования Узбекстанской искусствоведческой экспедиции. / АО 1970 года, М., с. 420-423.

223. Зодчество Средней Азии и Ирана в исторических связях. / История Иранского государства и культуры. Л., с. 237-246.

224. Искусство Средней Азии и Казахстана. / История искусств народов СССР, Т. I, М., с. 224-254.

225. Новое в изучении Дальверзин-тепе. (К истории бактрийско-кушанской городской культуры) / СА, 4, с. 186-203.

226. Новые монетные находки из правобережной Бактрии. / ВДИ. 4, с. 101-115. Совместно с Э. Ртвеладзе.

227. Antiochus Commagene et le prince Kushan: du probleme de la forme dans la sculpture de l'Orient hellenise. / Annales archeologiques arabes Syriennes. Vol. XXI. Damas, p. 113-114.

228. Die Kuschaner. / Ideen des extraten Wissen. Stuttgart. October, s. 697-706.

229. More on the Studies of the Kushan Monuments in Southern Uzbekistan. / Kushan culture and History. Kabul.

230. Pour un centre internationale de documentation sur les monuments. / Colloque sur les monuments et societe ICOMOS. Paris, p. 75-76.

231. Un supplement substantiel a l'histoire de l'architecture d'Uzbekistan. / ICOMOS. Le monument pur l'homme. Bologna, p. 768-771.

1972.

232. Ниса. Краткий путеводитель. Ашхабад, 32 с. Рус., туркм., англ.

233. Античность в искусстве Востока и Запада. Центральнo-азиатский мир и Средиземноморье. К постановке проблемы. / Проблемы взаимодействия художественных культур Запада и Востока. ТД, М., с. 42-47.

234. Архитектура Средней Азии и Ирана в связях и взаимодействиях. / ОНУ, 10, с. 32-36.

235. В поисках памятников древнего искусства Средней Азии. / Наука и человечество, 1971-1972. М., с. 68-85.

236. Из археологических открытий 1972 г. / УСА. Вып.2. Л., с. 55.

237. К архитектурной типологии среднеазиатских ханака. / Ближний Восток, Кавказ, Средняя Азия. Краткие ТД конф. Л., с. 14-15.

238. Культура бактрийских городов в свете исследований в Южном Узбекиста-

не. / Тезисы докладов на сессии и пленумах, посвящённых итогам полевых исследований в 1971г. М., с. 46-47.

239. Музыка в камне. / Памятники Туркменистана, 1/13, с. 12-16.

240. Новый памятник древнебактрийской культуры. / УСА. Вып. 1. Л., с. 47-49.

241. Работы Узбекстанской искусствоведческой экспедиции. / АО 1971 года. М., с. 520-521.

242. Самаркандские очажки. / Из истории искусства великого города. Ташкент, с. 206-232.

243. Ханак шейха Садреддина, малоизвестный памятник тимуридского времени в Афганистане. / НАА, 2, с. 140-144. Совместно с З. Хакимовым.

244. Decouvertes et etudes des monuments architecturaux de Mawar al-Nahr et de Khorasan (1957-1967). / Vth International Congress of Iranian Art and Archaeology. Tehran, vol. 2. p. 368-378.

1973.

245. В поисках позабытой цивилизации. / Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, с. 3-10.

246. Новые данные о художественной культуре Бактрии. / Там же, с. 78-129.

247. Вклад учёных Узбекистана в изучение архитектурного наследия республики. / САУ, 7, с. 1-3.

248. Изучение культуры бактрийских городов в Южном Узбекистане. / Вестн. АН СССР, с. 70-78.

249. Исследования и открытия Узбекстанской искусствоведческой экспедиции в 1972 г. / Тезисы докладов сессии, посвящённой итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент, с. 39-41.

250. К архитектурной типологии в зодчестве Бактрии и Восточной Парфии. / ВДИ, 1, с. 121-131.

251. К изучению истории искусства народов, стран и историко-культурных регионов Ближнего и Среднего Востока. (О формировании искусства античного Узбекистана). / НАА, с. 122-127.

252. К интерпретации некоторых памятников парфянского зодчества Южного Туркменистана. / Изв. АН Туркм. ССР. Сер. обществ. наук, 1, с. 17-23.

253. Керамические печи кушанского времени в Южном Узбекистане. / СА, 2, с. 205-215.

254. Кушанское царство. Искусство. / БСЭ, 3-е изд., т. 14, с. 178. Совместно с Б. Стависким.

255. Образ Будды в античном и раннесредневековом изобразительном каноне. / Проблемы канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М., с. 144-170.

256. Памятники архитектуры и современный город. / Архитектура СССР, 9, с. 57-60. Совместно с Л. Маньковской.

257. Работы в Шурчинском районе Узбекской ССР. / АО 1972 года. М., с. 467-469.

258. Ariana. Kabul, vol. XXXI, 1, 1973, p. 64-71. (На дари).

1974.

259. Зодчество Бактрии - традиции и связи. / Всесоюзная конференция по проблемам искусства народов Закавказья, Средней Азии, Казахстана и восточных

республик РСФСР. ТД. М., с. 28-30.

260. Из недавних открытий в Южном Узбекистане. К проблеме бактрийской городской культуры. / Памятники культуры. Новые открытия. М., с. 412-437.

261. Искусство Средней Азии и Казахстана (XIII-XV вв.). / История искусств народов СССР. Т. 3, М., с. 321-370.

262. Исследования Дальверзинтепе в 1972 году. / Древняя Бактрия. Л., с. 58-74. Совместно с Б. Тургуновым.

263. К открытию неизвестных архитектурных памятников в Узбекской ССР. / Архитектура СССР, 9, с. 26-29.

264. Новое о Кушанах. Дальверзинский клад. / Наука и жизнь, 1, с. 97-99.

265. О культах Бактрии в свете археологии. / ВДИ, 3, с. 127-135.

266. Ювелирные изделия дальверзинского клада. / Советское искусствознание - 73. М., с. 427-428.

267. L'art Bactrien de l'époque Kushan. / Afghanistan. vol. XXVII, 2, p. 18-23.

1975.

268. Мавзолей Исмаила Самани. Ташкент. 18 с. Узб., рус., англ.

269. Два неизвестных памятника средневековой архитектуры Северного Афганистана. / САУ, 5, с. 28-31.

270. И все-таки - мавзолей! (О самаркандском памятнике Ишрат-хана) / САУ, 12, с. 10-13.

271. Иштыханский оссуарий - новый памятник согдийского искусства. / ОНУ, 3, с. 33-42.

272. Кушанское искусство в свете новых открытий в Северной Бактрии. / Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., с. 312-319.

273. Советско-афганская экспедиция. / АО 1974 года. М., с. 559-561. Совместно с И. Кругликовой, В. Сарианиди.

274. Samarkand. Bukhara. Berlin. VEB Deutscher Verlag der Wissenschaft. 88 s.

275. Auf der Suche nach antiken Kulturdenkmäler Mittelasiens. / Wissenschaft und Menschheit - 1974. Leipzig, 10, s. 45-63.

276. Khiva - le probleme de la protection et du developpement d'une ville historique en Asie Centrale. / Colloque sur les petites villes historiques. Rotenburg ob der Tauber, s. 158-159.

1976.

277. Зодчество Центральной Азии, XV век. Ведущие тенденции и черты. Ташкент, 115 с., Рец.: Ноткин И. Исторический опыт архитектуры Центральной Азии. / САУ, 1980, 3, с. 34-35.

278. Термез, Шахрисабз, Хива. М., 207 с.

279. Архитектура и искусство Бухары (античность и раннее средневековье). / История Бухары. Ташкент, с. 52-56.

280. Архитектура и искусство Бухары (феодалный период). / Там же, с. 141-154.

281. Архитектура и искусство Бухары (вторая половина XIX - нач. XX в.). / Там же, с. 190-192.

282. Архитектура и искусство Хорезма (раннее средневековье). / История Хорезма. С древнейших времен до наших дней. Ташкент, с. 53-59.

283. Архитектура и искусство Хорезма (средневековье). / Там же, с. 101-109.

-
284. Архитектура и искусство (Хивинского ханства). / Там же, с. 153-154.
285. Бактрийский жилой дом (к вопросу об архитектурной типологии). / История и культура народов Средней Азии. М., с. 38-43.
286. Забытый архитектурный памятник Самаркандской области (ханака Имам-Бахра. XVI в.). / САУ, 12, с. 36-40.
287. К изучению произведений живописи из открытий Узбекстанской искусствоведческой экспедиции. / Реставрация, исследование и хранение музейных художественных ценностей. Вып. 1. М., с. 32-33.
288. К открытию надписей кхарошти на золотых предметах Дальверзинского клада. / ВДИ, 1, с. 64-71.
289. К познанию античной и раннесредневековой архитектуры Северного Афганистана. / Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969-1973 гг. М., с. 125-163.
290. Раскопки Узбекстанской искусствоведческой экспедиции на античных памятниках в 1973 г. / Бактрийские древности. Л., с. 83-93.
291. L'art antique de la Bactriana, IV s. avant - IV s. apres notre ere d'apres les fouilles dans la Republique Sovietique de l'Uzbekistan. / Academie des inscriptions et Belles-Letters. Comptes rendus de 1976. Paris, p. 217-227.
292. Splendors of Samarkand Architecture. / MARG. Bombay, vol. XXI.

1977.

293. Большой дом (раскоп V). / Дильберджин, ч. 2. М., с. 5-47.
294. Сардоба. / Там же, с. 48-60.
295. Дом ремесленника (раскоп VII). / Там же, с. 91-103.
296. Геракл в Бактрии. (По материалам археол. раскопок в Афганистане). / ВДИ, 2, с. 77-92.
297. Два неизвестных архитектурных памятника в округе Балха (Афганистан). / НАА, 6, с. 136-145. Совместно с А. Мухтаровым.
298. Два предмета римского художественного экспорта на Бактрийской земле. / Искусство Востока и античности. М., с. 62-71.
299. К интерпретации Аниковского блюда. / Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тез. Всесоюз. науч. конф. в г. Пенджикенте. Душанбе, с. 145-146.
300. Римский маскарон из Северной Бактрии. / История и культура античного мира. М., с. 183-185.
301. Туркменская ССР (Архитектура и искусство в дооктябрьский период). / БСЭ. 3-е изд., т. 26, с. 362-364.
302. Узбекская ССР (Архитектура и искусство в дооктябрьский период). / БСЭ. 3-е изд., т. 27, с. 510-512.

1978.

303. Les tresors de Dalverzin-Tepe. Leningrade, 1978, 104 p. Рус., фр.
304. Введение. / Дальверзинтепе-кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, с. 5-12.
305. Укрепления Нижнего города. / Там же, с. 21-32.
306. Дом рядового горожанина. / Там же, с. 65-74. Совместно с Б. Тургуновым.
307. Буддийское святилище в загородной зоне. / Там же, с. 90-97. Совместно с Б. Тургуновым.
-

308. Квартал керамистов. / Там же, с. 115-143.
309. Керамика Дальверзинтепе. / Там же, с. 143-161. *Совместно с Е. Некрасовой.*
310. Винодельня, винохранилище, северо-восточный шурф. / Там же, с. 171-175.
311. Дальверзинтепе и некоторые общие вопросы истории культуры Северной Бактрии. / Там же, с. 176-222. Рец.: Bernard P. - Une nouvelle contribution sovietique a l'histoire des Kushans: la fouille de Dalverzintepe (Uzbekistan) / Bulletin del Francaise Ecole d'Extreme-Orient, t. LXVIII, Paris, p. 314-348.
312. Зодчество античной Бактрии-традиции и связи. / Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., с. 217-225.
313. Изучение Дальверзин-тепе и Умарамин-тепе. / АО. 1977 г. М., с. 534-536. *Совместно с Б. Тургуновым.*
314. Историко-архитектурные исследования и открытия Узбекистанской искусствоведческой экспедиции. / САУ, 9, с. 7-9.
315. К интерпретации и типологии некоторых архитектурных памятников Мерва и Нисы / Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад, т. 16, с. 16-30.
316. Неизвестные среднеазиатские миниатюры двух лицевых манускриптов. / Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. Л., с. 313-330.
317. Султан-Али - художник XV века из Абиверда. / Памятники Туркменистана, 2, с. 16-18.
318. Терракотовая печать из Дальверзин-тепе. / История и археология Средней Азии. Ашхабад, с. 82-89.
319. Туркменская ССР. Архитектура древн. и средн. Периода. / Энци. Искусство стран и народов мира. Т. 4, М., с. 390-399.
320. Изобразительное искусство. / Там же, с. 406-410.
321. Узбекская ССР. Архитектура и искусство древнего и средневекового периодов. / Там же, с. 473-483.
322. Архитектура Узбекистана XVII - начала XX в. / Там же, с. 486-488.
323. Справки о городах Узбекистана. / Там же, с. 497-504.
324. Хадда / БСЭ, 3-е изд., т. 27, с. 161.
325. Халчаян. / Там же, с. 178.
326. Хива. / Там же, с. 249.
327. Шахи-Зинда. / Там же, т. 28, с. 248.
328. Шахрисабз. / Там же, с. 249.
329. Бомиён. / Энциклопедияи советии тоҷик, ч. I. Душанбе, с. 466.
330. A Short History of Ancient Art of Afghanistan. Kabul, 208 p.
331. La culture de la Bactriane du Nord a la lumiere des decouvertes archeologiques dans la vallee de Sourkhan-Darya. / Colloques internationale du C.N.R.S., 567. Paris, p. 281-296.
332. Little Known Monuments of the Balkh Area. / Art and Archaeology Reaserch Papers. London, 13, p. 31-39.
- 1979.**
333. Искусство Бактрии эпохи Кушан. М., 248 с., Рец.: Блэк В. / ОНУ, 1980, 6, с. 54-57.
334. Миниатюры Средней Азии в избранных образцах. М., 207 с. Совместно с О. Галеркиной. Рец.: Ахмедов Б. / ОНУ, 1980, 10, с. 71-73. Рец.: Веймарн Б. Сокровища среднеазиатской живописи. / Искусство, 1981, 1, с. 70-72.
335. Жига-тепе (раскопки 1974 г.). / Древняя Бактрия. Т. 2., М., с. 63-95.
-

-
336. К датировке кирпичей с орнаментальными штампами из Мианкаля. / УСА, Вып. 4. Л., с. 44-45.
337. К дискуссии о среднеазиатской школе миниатюрной живописи XV века. / Искусство, 2, с. 50-53.
338. К типологии монументального зодчества древних стран ираноязычного региона. / Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времён. М., с. 71-72.
339. О мастерах мавзолея Шади-Мульк-ака. / САУ, 1, с. 31-32.
340. Позднеантичное искусство Бактрии - Тохаристана: тенденции и стиль. / Античная культура Средней Азии и Казахстана. ТД. Ташкент, с. 7-10.

1980.

341. Двадцать лет Узбекистанской искусствоведческой экспедиции: проблематика и итоги. / ОНУ, 7, с. 24 -30.
342. Исследования в Иштиханском районе. / АО 1979 года. М., с. 452-454.
343. К проблеме сохранения памятников археологии в городах Узбекистана. / САУ, 12, с. 24-26.
344. Некоторые проблемы сохранения памятников археологии в городах Узбекистана. / Проблемы охраны памятников археологии в населённых местах. Ереван, с. 44-46.
345. Миниатюрная живопись Средней Азии XIV- XV вв. / Адабий мерос, 4, с. 60-94.
346. Черты эллинизма в искусстве среднеазиатско-пенджабского региона. / Всесоюзный симпозиум по проблеме эллинистической культуры на Востоке. ТД. Ереван, с. 65-67.
347. Shakhri Syabz pri Timure i Ulug Beke (Shahr-i Sabz from Timur to Ulug Beg). Pt. II. / Iran, vol. XVIII, London, p. 121-144.

235

1981.

348. Музей под открытым небом. Архитектурные сокровища Узбекистана. Ташкент, 252 с., Узб., рус., англ. Рец.: Кошелева В. Музей под открытым небом. / Вечерний Ташкент, 1981, 2 июля. Рец.: Барханов В. О памятниках старины. / Советский Узбекистан, 1984, 5.
349. Архитектура дооктябрьского периода. / Узбекская Советская Социалистическая Республика. Энциклопедический одготомник. Ташкент, с. 397-401.
350. Изобразительное искусство дооктябрьского периода. / Там же, с. 410-413.
351. К датировке и интерпретации трех предметов «восточного серебра» из коллекции Эрмитажа. / Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., с. 53-63.
352. Уникальная группа монет чаганианского чекана VI века. / Культура и искусство древнего Хорезма. М., с. 250-262.
353. Храм Бактрийской богини на Дальверзин-тепе. / Древний Восток и мировая культура. М., с. 112-118.
354. Chefs d'oeuvre d'architecture de l'Asie Centrale XIV-XV siecle. Vandome-Bologne. Les presses de l'UNESCO, 194 p.
355. Termez. Shahr-i Sabz. Chiwa.- Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaft, 90 s.
-

1982.

356. Древний Мерв. Ашхабад, 48 с. Туркм., рус., нем., англ.
357. Искусство Гандхары. М., 195 с. Рец.: Беленицкий А., Мешкерис В. / ВДИ, 1984, 2, с. 195-198.
358. Очерки искусства Средней Азии. Древность и средневековье. М., 269 с., Совместно с Л. Ремпелем.
359. Бактрийско-индийские связи в памятниках искусства. / Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., с. 244-267.
360. К проблеме архитектурной археологии в изучении зодчества Средней Азии. / КСИА, 172, с. 24-30.
361. К проблеме консервации пещерной архитектуры Средней Азии. / Международный симпозиум по охране и реставрации пещерных комплексов. ТД. Тбилиси, с. 2.
362. К созданию Среднеазиатской региональной инициативной группы Советского комитета ИКОМОС. / САУ, 6 с. 31-33.
363. К типологии монументального зодчества древних стран среднеазиатского региона. / *Iranica Antiqua*, vol. XVII, Leiden, p. 21-42.
364. Проблемы наследия в культуре античной Бактрии. / Древнейшие культуры Бактрии. Среда, развитие, связи. ТД советско-французского симпозиума. Душанбе, с. 60-61.
365. The Parthian Rytons of Nisa. - Firenze, Mesopotamia, t. I, 150 p., 124 pl. Совместно с М. Массоном.
366. Caractere de l'architecture antique de fortification dans la region de l'Asie Centrale. / Le Colloque sur la fortification a Valbonne. Paris.

1983.

367. Памятники искусства Советского Союза. Средняя Азия. Справочник-путеводитель. М. - Лейпциг, 426 с.
368. Архитектурный сюжет на миниатюре из «Зафар-наме» XV века. / Международный симпозиум по искусству восточных ковров. ТД. Баку, с. 79-80.
369. Дорогами поиска. Предисловие к кн. Сагдуллаев А., Ртвеладзе Э. В стране золотого огня. Ташкент, с. 5-12.
370. Иштыханские древности (некоторые итоги исследований 1974 г.). / СА, 1, с. 252-256.
371. Курган-тепе (согдийско-кангюйский симбиоз). / Советская археология в XI пятилетке. Тез. пленарных докл. М., с. 13-16.
372. Об обращении греко-бактрийских монет в Северной Бактрии. / ОНУ, 5, с. 31-37. Совместно с Э. Ртвеладзе.
373. Международный симпозиум по охране и консервации памятников пещерной архитектуры. / Там же, с. 63-64.
374. Работы Мианкальской группы. / АО 1981 года. М., с. 463-464. Совместно с В. Карасевым, С. Савчуком.
375. Средневековая архитектура и художественные школы центрально-азиатского региона (X-XVII в.). / Информ. бюлл. Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. Вып. 5. М., с. 72-74.
376. Творческая встреча советских и французских археологов. / ОНУ, 2, с. 41.
377. Хорасанские мавзолеи. / Художественная культура Средней Азии IX-XIII века. Ташкент, с. 14-29.
-

378. Architectural Topic on a Miniature from the 15-th Century «Zafar-Name» / Международная конференция по искусству восточных ковров. ТД, Баку, с. 174.

1984.

379. В поисках позабытого. / АСУ, 10, с. 10-11.

380. К типологии рабата Челебихан. / Там же, с. 11-14.

381. Дальверзинский наус. Опыт реконструкции. / АСУ, 6, с. 13-15.

382. История искусства народов СССР. Т. 9, кн. 2. Приложение, М., с. 345, 353, 358-360, 363-365.

383. Камалиддин Бехзад (К 535-летию со дня рождения). / Материалы науч. конф. Ташкент, с. 9-17.

384. Межреспубликанская зональная конференция Среднеазиатской региональной группы Комитета ИКОМОС. / АСУ, 5, с. 10-11. Совместно с Л. Маньковской.

385. Мианкальные оссуарии - памятники культуры Древнего Согда. / Наука и человечество, М., с. 79-90.

386. Миниатюра Мухаммада Мурада Самарканди из фондов Института востоковедения АН УзССР. / ОНУ, 2, с. 47-50. Совместно с А. Мадраимовым.

387. Позднеантичная живопись Бактрии-Тохаристана. Тенденции и стиль. / Из истории живописи Средней Азии. Традиции и новаторство. Ташкент, с. 86-112.

388. Работы Мианкальной группы. / АО 1982 года. М., с. 480-482.

389. Раскопки Южных городских ворот Дильберджина. / Древняя Бактрия. Т. 3, М., с. 93-112.

390. Советско-афганское сотрудничество в изучении древностей Афганистана. / СССР и развивающиеся страны Востока. Ташкент, с. 96-107.

391. Уникальная чаша из Шуроб-Кургана. / ОНУ, 5, с. 32-34.

392. Afrasiab. / Encyclopaedia Iranica. London-Boston, vol. I, fasc. 6, p. 576-578. Совместно с Э. Ртвеладзе.

393. Die Ossuarien von Miankali. Kulturdenkmaler aus dem alten Sogdien. / Wissenschaft und Menschheit, s. 79-80.

1985.

394. Новая функция в старинной форме: памятники Узбекистана. / Проблемы охраны и современного использования памятников архитектуры. Коллоквиум ИКОМОС, с. 45-48. Совместно с Л. Маньковской.

395. Новое о художественной культуре античного Согда. / Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1983 г., Л., с. 521-531.

396. V Международный тюркологический конгресс / ОНУ, 12.

397. Черты эллинизма в искусстве среднеазиатско-пенджабского региона. / Культурное наследие Востока. Проблемы, поиски, суждения. Л., с. 185-189.

398. Четверть века работы Узбекстанской искусствоведческой экспедиции. / Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии. Ташкент, с. 3-6.

399. Anaw (Historical Period). / Encyclopaedia Iranica, vol. II, fasc. 1. London, Boston and Henly, p. 4.

400. Le probleme de l'heritage dans la culture antique de la Bactriane antique / Actes du colloque franco-sovietique «L'archeologie de la Bactriane ancienne». Paris,

р. 253-256.

401. Миниатюра Мирзы Хамдама из фонда Института востоковедения АН УССР. / ОНУ, 9, с. 39-41.

402. Les ostheques de Miankal. / Mesopotamia, t. XX. Firenze, p. 147-185, ill.

403. On Some Scientific and Technical Foundation in the Architecture of the Central Asian Region. / Indo-Soviet Seminar on scientific and technological exchanges between India and Soviet Central Asia in medieval period. Dehli, p. 255-260.

1986.

404. Шедевры Средней Азии. Ташкент, 222 с., Рец: Апухтин О. Новинка любителям искусства. / Советский Узбекистан, 1986, 10. Рец: Бабаджанова Г. О жемчужинах среднеазиатского искусства. / Звезда Востока, 1987, 1, с. 174-175.

405. Бехзад. / Популярная художественная энциклопедия. т. 1, М., с. 81-82.

406. Газни. / Там же, с.152.

407. Гератская школа миниатюры. / Там же, с. 161.

408. Среднеазиатская школа миниатюры. / Там же, т. II, М., с. 256.

409. В поисках памятников искусства древнего Узбекистана. / Сквозь века, вып. 2, М., с. 43-60.

410. К дискуссионным вопросам бактрийской нумизматики. / Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда (IV в. до н. э. - VIII в. н. э.). Ташкент, с. 83-86.

411. О «золоте безымянных царей» из Тилля-тепе. / Из истории культурных связей народов Средней Азии и Индии. Ташкент, с. 5-24. *Совместно с Л. Ремелем.*

238

412. Об эфталитской чаше из Челека. / Проблемы античной культуры. М., с. 273-279.

413. Очажные подставки из Булакбаши. / Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. М., с. 58-59.

414. Очажные подставки из Булакбаши (к идеологии древнего скотоводческого населения Самаркандского Согда). / ОНУ, 5, с. 34-37.

415. Памятники в системе исторических городов Средней Азии. / АСУ, 2-3, с. 26-39.

416. Художественное наследие Средней Азии. Перспективы поиска. / Будущее науки, вып. 19. М., с. 257-271.

417. Archaeology. Islamic Central Asia. / Encyclopaedia Iranica, vol II, fasc. 3-4. London, Boston, Henly, p. 322-326. Совместно с Э. Ртвеладзе.

418. Architecture. Central Asia. / Там же, fasc. 4-5, p. 276-278.

419. Art in Iran, III. Islamic Central Asia. / Там же, vol. II, fasc. 6. London and New York, p. 618-620.

420. Un temple du feu dans le «Grand Sogd». / Cultes et monuments religieux dans l'Asie Centrale preislamique. Paris, p. 53-61.

421. Caractere d'architecture defencieve antique en Asie Centrale (a la lumiere des recherches les plus recentes). / La fortification dans l'histoire du Monde Grec. Paris, p. 57-69.

1987.

422-436 Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент, 224 с. Античное и средневековое зодчество Южного Туркменистана в его многовеко-

вом развитии. Черты эллинизма в среднеазиатско-пенжабском регионе. Искусство Бактрии - эволюция стиля. Храм огня в Великом Согде. Образ кангюйца в согдийском искусстве. Геракл в Бактрии. Эфталитская чаша из Чилека. Мианкальские оссуарии. О стиле и школах архитектуры Среднего Востока. Малоизвестные памятники Северного Афганистана. Зодчество конца XIV-XV вв. в его основных чертах. Среднеазиатские сады и парки XV века. К дискуссии о среднеазиатской миниатюре XV столетия. На тропах поиска и открытий.

437. Бактрийско-юечжийские и согдийско-кангюйские взаимопроникновения в художественной культуре. / Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. ТД Советско-французского симпозиума. Алма-Ата, с. 112-113.

438. Еще о халчаянской скульптуре. / Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., с. 253-267.

439. К неутраченной дискуссии: Варварский Гелиокл, Герай, Сотер Мегас. / Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Материалы советско-французского симпозиума (Самарканд, 1986). Ташкент, с. 98-107.

440. К стратиграфии Кумушкент-тепе. / СА, 4, с. 74-86. Совместно с Т. Беляевой.

441. Послесловие к кн. И. Азимова. Росписи Узбекистана. Ташкент, с. 140-142.

442. Шор-тепе. / ИМКУ, вып. 21, Ташкент, с. 21-45.

1988

443. The Art of Central Asia. Leningrad. 280 p., Англ., нем., франц. Совместно с А. Хакимовым.

444. Жемчужины Средней Азии. / По древним городам Узбекистана. Ташкент, с. 6-10.

445. О средневековых архитектурных школах Средней Азии. / Изв. АН Тадж. ССР, сер. востоковед., ист., филол. 1 (9), с. 65-67.

446. Buddhist Sculpture under the Kushans in Northern Bactria. / Mesopotamia, t. XXIII, Firenze, p. 157-167.

447. L'«image du K'ang-Kiu dans l'art Sogdien. / Orientalia Jozephi Tucci Memoriae Dicata. Seria Orientalia, LVI, 3. Rome, p. 1143-1158.

448. La culture de la Bactriane du Nord. / Actes des XIII Internationalen Congresses für Classische Archeologie. Berlin.

449. Les origines bactriennes et sogdiennes de l'architecture medieval du Maverrannah (Transoxiana). / Colloque Historique de l'Asie Centrale preislamique. Resumes de communications. Paris, p. 88-93.

1989.

450. Древности Мианкаля. Ташкент, 204 с.

451. Бактрийский феномен. / Вехи времён. Ташкент, с. 56-65.

452. В поиске культурных ценностей прошлого. / Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. Ташкент, с. 7-28.

453. К реконструкции кафиркалинского кешка. / АСУ, 10, с. 5-8.

454. Новый буддийский памятник в Южном Узбекистане. / Памятники культуры, новые открытия. Ежегодник 1988 г. М., с. 514-590. Совместно с Б. Тургуновым.

455. Об одном иконографическом образе в искусстве Бактрии. / ВДИ, 4, с. 96-105.

456. Образы божеств в скульптуре Северного Тохаристана времени Кушан. /

Краеведение Сурхандарьи. Ташкент, с. 20-43.

457. Образы юечжийцев и кангюйцев в искусстве Бактрии и Согда. / Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. Ташкент, с. 96-110.

458. Памяти ушедшей. / АСУ, 1, с. 35.

459. Памятники позднефеодальной архитектуры Северного Афганистана. / Культура Среднего Востока, развитие, связи и взаимодействия (с древнейших времён до наших дней). Градостроительство и архитектура. Ташкент, с. 135-150.

460. От редактора. / Там же, с. 5-6.

461. Римский воин на терракотовой плитке из Кампыртепа. / ОНУ, 4, с. 55-57.

462. Buchar. Archaeology and Monuments. / Encyclopaedia Iranica, vol IV, fasc. 5. London and New York, p. 525-527. Совместно с Э. Ртвеладзе.

463. The terracotta Horses of Bactria-Tokharistan: semantics and image. / Bulletin of the Asia Institut New Series, vol. 3. Detroit, p. 15-19.

1990.

464. Северная Бактрия - Тохаристан. Очерки истории и культуры. Древность и средневековье. Ташкент. 218 с. Совместно с Э. Ртвеладзе.

465. Золотые изделия античной поры из Узбекистана. / Древняя и средневековая археология Средней Азии (К проблеме истории и культуры). Ташкент, с. 49-57.

466. К интерпретации одного из персонажей на бийанайманском оссуарии. / Культура древнего и средневекового Самарканда. Ташкент, с. 78-80.

467. Мои учителя, мои сокурсники. / АСУ, 2. с. 6-8.

468. Монументальная архитектура в системе позднефеодальных среднеазиатских городов. / Позднефеодальный город в Средней Азии. Ташкент, с. 58-64.

469. На путях познания художественного наследия Средней Азии. / Изобразительное и прикладное искусство. Культура Среднего Востока. Развитие, связи и взаимодействия с древнейших времён до наших дней. Ташкент, с. 18-27.

470. Предметы иноземного импорта на среднеазиатских трассах Великого шелкового пути. / На среднеазиатских трассах Великого шелкового пути. Ташкент, с. 23-39.

471. Привозные художественные изделия на среднеазиатских трассах Великого шелкового пути. / Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в странах Азии в древности и средневековье. Ташкент, с. 178-179.

472. Ташкентская школа среднеазиатской нумизматики. / Нумизматика Узбекистана. Ташкент, с. 3-6.

473. La culture de la Bactriane du Nord. / Akte du XII Internationalen Kongresses für Klassische Archeologie. Berlin, Mein an Ebein, p. 61-64.

474. Some architectural aspect of the Ulughbeg Observatory. / Interaction between Indian and Central Asian science and technology in medieval times. Vol. II, New Delhy, p. 271-284.

475. Manuskript miniatures from the Oriental Studies Institute of the Uzbek SSR Academy of Sciences. / Bulletin of the Asia Institute. Vol. 4, p. 135-148.

1991.

476. Древности Южного Узбекистана. Токио, с. 19-25, 33-39, 47-54.

477. Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки, с. 10-58.

478. Важный документ по охране и использованию археологического наследия.

/ ОНУ, 8, с. 48-53.

479. Город, построенный на песке (Кувейтские впечатления). / АСУ, 2, с. 26-28.

480. К архитектуре караван-сарая на среднеазиатских трассах Великого шелкового пути (типология и эволюция). / Города и караван-сарай на трассах Великого шелкового пути. ТД. Ургенч, с. 14-17.

481. Культовые курьезы Северной Бактрии. / ИМКУ, 25, Ташкент, с. 98-110.

482. Мерв эпохи Сельджукидов как центр восточнокараханидской школы зодчества. / Мерв в древней и средневековой истории Востока. Культурные взаимодействия и связи. ТД. Ашхабад, с. 8-10.

483. Реплика (к вопросу о сокровищах из Тилля-тепе). / МАИКЦА. Информационный бюллетень, вып. 16, Москва, с. 130-132. *Совместно с Л. Ремпелем.*

484. Средневековая внутригрунтовая инженерия Средней Азии. / Мировая культура, традиции и современность. Москва, с. 172-182.

485. Gold from Tilla-tepe. / Bulletin of the Asia Institute. Vol. V, Michigan, p. 11-35. *Совместно с Л. Ремпелем.*

486. Les fondaments preislamiques de l'architecture du Maverannahr. / Histoire et cultes de l'Asie Centrale preislamique. Paris, p. 213-221.

1992.

487. Введение к кн. Г. Майтдинова. Костюм раннесредневекового Тохаристана. История и связи. Душанбе, с. 3-7.

488. Вклад Э. Ртвеладзе в изучение градостроительства и архитектуры Узбекистана. / Маскан, 5-6, с. 2-3.

489. Л. Ремпель. / Маскан, 7-8.

490. Роль эллинизма в формировании художественной культуры Узбекистана. / Международная конференция «Средняя Азия и мировая цивилизация». Ташкент, с. 121-128.

491. New terracottas from North Bactria. / Mesopotamia, Vol. 42, 1, Roma, p. 49-67.

492. The Buddhist monuments of Airtam. / Silk Road Art and Archaeology. 2 Kamakura, p. 24-41.

1993.

493. Вклад Академии наук Узбекистана в изучение художественного наследия Средней Азии. / ОНУ, 3, с. 23-35., 4, с. 21-34.

494. (Дополнение к главе «Архитектура»). / История Узбекистана, т. III. Ташкент, с. 380-389.

495. Миниатюры гератской рукописи «Калила и Димна» (из фонда института востоковедения АН Узбекистана). / Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1992. М., с. 209-217. Совместно с А. Мадраимовым.

496. Ханак Бехаудина. / Маскан, 7-8, с. 5-7.

497. Ховлы Чарджоуского оазиса / Древний Амуль: проблемы истории и культуры средней Амударьи, Чарджев, с. 54-57.

498. Dalverzin-Tepe. / Encyclopaedia Iranica, vol. VI, fasc. 5. Costa Mesa, p. 514-515.

1994.

499. Архитектура как градостроительный фактор. Средняя Азия - античный период. / Города Центральной Азии на Великом шелковом пути. Самарканд, с. 55-56.
500. Архитектурное наследие времени Улугбека и Гаухаршад. / Мирзо Улугбек таваллудининг 600 йиллигига бағишланган халқаро илмий анжуман маърузаларининг матни. Тошкент-Самарканд, с. 32-33.
501. Буддийский комплекс в Гяур-кале Старого Мерва. / ВДИ, 1, с. 143-171. *Совместно с З. Усмановой.*
502. Герат и Самарканд - два тимуридских центра архитектурной мысли и её воплощений. / Мирзо Улугбек ижоди ва унинг жаҳон цивилизациясида тутган урни. Самарканд, с. 33-34.
503. Kushan Art. / A History of Civilization of Central Asia, vol. 2, p. 331-352.
504. Миниатюры Средней Азии в избранных образцах (Русс, англ). Ташкент, 48 с.
505. Ханак Бохауддина в типологическом аспекте. / Бухара и мировая культура. Вып. I. Бухара, с. 99-101.
506. The Form and Style of Sogdiana Ossuaries. / Bulletin of Asia Institute, New Series, vol. 8, Michigan, p. 227-243.

1995.

507. Очерки искусства Средней Азии. Перев. на китайский язык. Академия общественных наук. Урумчи. *Совместно с Л. Ремпелем.*
508. Архитектурные руины - реставрация или консервация? / АСУ, 1-2, с. 37-39.
509. Домусульманский генезис раннемусульманских мавзолеев Средней Азии. / Узбекистан - вклад в мировую цивилизацию. Бухара и мировая культура. Вып. III, ч. I. Бухара, с. 25-27.
510. М. Массон - основатель среднеазиатской археологической школы. Ташкент, 30с.
511. Научные основы среднеазиатской архитектуры времени Улугбека. / Алломалар сарвари. Мирзо Улугбек таваллудининг 600-йиллигига бағишланган илимий - назарий кенгаши маърузалари туплами. Ташкент, с. 17-21.
512. О спорных атрибуциях некоторых памятников среднеазиатской античности (Полемические заметки). / ОНУ, 1-3, с. 18-24.
513. Очерк о деятельности Тулкиной Кадыровой. / Кадырова Тулкиной Алимджановна. Ташкент, с. 3-5.
514. Памятники архитектуры Узбекистана - реставрация или консервация? / Искусство Узбекистана: древность, средневековье, современность. ТД, Ташкент, с. 34-35.
515. Среднеазиатская нумизматика в работах М. Массона. / Ата-мурза. Сборник статей, посвященных 75-тилетию Южно-Казахстанского областного музея. Шимкент, с. 144-149.
516. Buddhist Monument in Merv. / In the Land of the Gryfons. Paper Central Asian archaeologie and antiquity. Firenze, p. 51-81.
517. The antiquities of Transoxiana in the Light of Investigations in Uzbekistan. (1985-1990). / Ancient Civilisations from Scythia to Siberia, vol 2, 1. Leiden, p. 18-24.
-

1996.

518. Архитектурное наследие Тимура. Ташкент, 126 с. Узб., рус., англ.
519. Темур ва Улугбек даври тарихи. / Темур ва Улугбек давридаги маданият.- Ташкент, с. 165-229.
520. Изох. / Дальварзинтепа шахристони (кадымшунослик таджикотлари якунлари). Хамза номидаги санъат-шунослик институти, Сока Университети. Токио, с. 138-139.
521. Строительная деятельность Туман-ага. / ОНУ, 7-10, с. 128-133.
522. Творческий синтез в архитектуре времени Тимура. / Материалы международной научной конференции «Расцвет науки, культуры и образования в эпоху Тимуридов». Ташкент - Париж, с. 17-23. 61-66. Рус., франц.
523. Туркестанский кружок любителей археологии и домусульманских древностей Средней Азии. К 100-летию Туркестанского кружка любителей археологии. / ВДИ, 4, с. 189-198. Совместно с В. Германовым.
524. Что такое «Ренессанс Тимуридов»? / Амир Темур и его место в мировой истории. ТД, Ташкент, с. 109-11.
525. L'argil materiau fondamentale de l'architecture Bactrienne. / Dossiers d'archeologie, 247. Paris, p. 8-21.
526. Le genese centraleasiatique des minarets indiennes. / Inde-Asie Centrale. Route de commerce et des idees. Cagers d'Asie Centrale, 1-2. Paris, p. 127-132.
527. L'heritage architecturale d'Amir Temour. / L'epanouissement de la culture sous Temur et les princes Temourides Recueil des theses. Paris, p. 8-9.
528. Small stone bases of Baktria. / UNESCO. International Association for the study of the culture of Central Asia. Informatoonal Bulletin, Issue 20. Moscow, 1996, p. 135-140.

243

1997.

529. Амир Темур. Деяния пережившие века. Ташкент, Uzbekistan Airway. 32с.
530. Вклад Б. Веймарна в изучение средневекового Востока. / Жизнь для науки, М., с. 63-65.
531. Интерпретация одного из персонажей на Бия-найманском оссуарии. / ИМКУ, в. 27, Самарканд, с. 41-52.
532. Лазарь Израилевич Ремпель. / Библиография научных работ. Ташкент, с. 1-7.
533. О мавзолее Ишрат-хана и дворце Дилькуша. / Искусство Центральной Азии. Своеобразие исторического развития. II-я международная конференция. ТД. Ташкент, с. 63-65.
534. По городам 20-ти веков - Buchara, Khiva. Uzbekistan Airway, Central Asia. Tashkent.
535. Роль Бухарской архитектурной школы в сложении типологии ранних мавзолеев Мавераннахра. / ОНУ, 9-11, с. 93-97.
536. Архитектура Бухары. / Бухара - жемчужина Востока. Париж, с. 83-102. Узб., рус., франц., англ. Совместно с М. Юсуповой.
537. Заключение. / Там же, с. 186-188.

1998.

538. Бухара. Памятники архитектуры. Ташкент, 56 с. Узб., рус., англ.
539. Будущее начинается вчера. / Общественное мнение, 4, с. 108-113.
-

Г. А. Пугаченкова

540. Вклад УзИскЭ в познание художественного наследия Узбекистана. / Санъатшунослик масалалари. Ташкент, с. 84-90.
541. Вклад народов Узбекистана в архитектуру мусульманского мира. / ОНУ, 12, с. 10-16.
542. Двухкрылый символ в искусстве и нумизматике Средней Азии. / Нумизматика Центральной Азии, III, Ташкент, с. 58-60.
543. К проблеме изучения художественного наследия. / Санъат, 1-3, с. 4-5.
544. К проблеме среднеазиатских архитектурных и художественных школ Центральной Азии. / ОНУ, 4-5, с. 12-16.
545. Михаил Евгеньевич Массон - основатель центральноазиатской археологической школы. / Кумбез, Алматы, 1, с. 2-4.
546. Унгуриканский клад. / РА, 2, с. 149-159. *Совместно с А. Канаи.*
547. Памятники архитектуры - их сохранение, консервация, реставрация. / Культурные ценности - 1996. СПб, с. 7-11.
548. Towards the Portrait of the Uzbekistan Art Expedition. / Общественное мнение. 3, p. 105-109.
549. Art images in theyar advance along The Great Silk Road. / UNESCO. International Association for the study of the culture of Central Asia. Informatoonal Bulletin, Issue 21. Moscow, 1998, p 112-124.

1999.

550. Буддийское искусство кушанской Бактрии. / Изучение культурного наследия Востока, СПб, с. 40-42.
551. Вклад Р. Сулейманова в изучение художественной культуры Согда. / Сугд Марказий Осиенинг маданият алокалари тизимида. ТД, Самарканд, с. 20-22.
552. Dalverzin-tepe - Hodzo la premiere capitale des Kouchans. / Dossiers d'archeologie, 247, October, p. 58-61.
553. Культура, наука (раздел к главе 3-й в кн: Амир Темура. Жизнь и общественно-политическая деятельность). Ташкент. 263 с. *Совместно с Б. Ахмедовым. И Мукминовой.*
554. The role of Bucharra in the creation of the architectural typologie of the former myths mausoleums of Mavarannahr. / Bucharra: the myths and architecture. Cambridge, p. 139-al.
555. К проблеме средневековых архитектурных школ Центральной Азии. / Архитектура и строительство Узбекистана, 3-4, с. 35-36
556. Шахнаме как источник к познанию доисламской материальной и художественной культуры Ирана и Турана. / Узбекистан моддий маданияти тарихи, 30. Самарканд, с. 198-212.
557. Буддийское искусство кушанской Бактрии / Изучение культурного наследия Востока. СПб, с. 40-42.

РЕЦЕНЗИИ

558. Искусство народа. (Народное декоративное искусство Советского Узбекистана. Альбом. Ввод. тексты к разделам Б. Засыпкина, В. Мошковой, О. Сухаревой, М., 1955. - 155 с.) / Звезда Востока, 1956, 4, с. 118-123.
559. Рец. на кн.: Fouilles de Chapour. Publ. sous la direction de G. A. Salles et R. Chirshman. Bishapour, vol. II. Paris, 1956, 202 p. / Советское востоковедение,

1958, 3, с. 191-200.

560. Рец. на кн.: Wilber D. N. The Architecture of Islamic Iran. The Ilkhanid Period. Princeton, 1955-190 p. / СА, 1959, 3, с. 265-266.

561. Книга об арабском искусстве: Веймарн Б., Каптерева Т., Подольский А. Искусство арабских стран. - М., 1960. - 198 с. / Искусство, 1961, 2, с. 71.

562. Глубокое исследование: Усейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М., 1963. 396 с. / Бакинский рабочий, 1966, 15 янв.

563. Рец. на кн.: Degens B. E. A. Monuments preislamiques d'Afghanistan. Memoires de la Delegation archeologique francaise en Afganistan, t. 19, Paris, 1964 / ВДИ, 1966, 2, с. 200-204. Совместно с А. Мандельштамом.

564. Рец. на кн.: Павлов В. Египетский портрет I-IV вв. М., 1967. 88 с. / ВДИ, 1967, 4, с. 162-164.

565. Рец. на кн.: Rosenfield I. M. The Dynastic Art of the Kushans. Berkeley and Los-Angeles, 1967. 377p. / ВДИ, 1969, 3, с. 174-178.

566. Рец. на кн.: Садоков Р. Музыкальная культура древнего Хорезма. М., Наука, 1970. 137 с. / СЭ, 1973, 1, с. 177-180. Тоже. Asian Music., vol. VII-1, 1975, p. 69-74. Совместно с Т. Вызго.

567. Мастерские вселенной. Рец. на кн.: Бунин А., Саваренская Т. История градостроительного искусства. В 3-х томах. Т. 1-2 М.: 1953-1971, Известия, 1975, 11 сентября. Совместно с В. Захидовым, Л. Ремпелем.

568. Рец. на кн.: D. Faccenna. Butkara, I. ISMEO, Roma, 1980 / ВДИ, 1982, 4, с. 132-142.

569. Рец. на кн.: Francfort H. P. Des fortifications en Asie Centrale. Paris, 1979. 93p. / СА, 1983, 4, с. 252-256.

570. Рец. на кн.: Schlumberger D., Leberre M., Fussman G. Surkh Kotal en Bactriane. Memoire de la Delegation archeologique Francaise en Afghanistan, t. XXV, Paris, 1983. / ВДИ, 1984, 3, с. 186-192.

571. Рец. на кн.: Матвиевская Г. Альбрехт Дюрер - ученый (1471-1525). / ОНУ, 1987, 6, с. 66-67.

572. Рец. на кн.: Tissot Fr. Gandhara. Paris, 1985. / ВДИ, 1987, 3, с. 223-229.

573. Рец. на кн.: Руи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403-1406). Пер., предисловие, комментарий И. Мироковой. М., 1990. / ОНУ, 1991, 3, с. 51-52.

574. Рец. на кн.: Горячева В. Город золотого верблюда. / СА, 1990, 1, с. 301-307.

575. Рец. на кн.: M. Le Berre. Monuments preislamiques de l'Hindukush Centrale. / МАИКЦА. Информационный бюллетень, в. 17, М., 1990, с. 159-165.

НАУЧНАЯ РЕДАКТУРА

576. Студенческие научные работы САГУ. Сборник статей. Вып. 3,5,7,10,15. Ташкент, 1953 - 1956.

577. Чабров Г. Восточные окраины России в русском изобразительном искусстве XVIII века. Ташкент; 1957, 71 с.

578. Архитектурное наследие Узбекистана. Сб. статей. Ташкент: 1960, 250 с.

579. Захидов П. Ферганская роспись. Из альбома народного мастера Саидмахмуда Наркузиева. / Ташкент. 1960, 48 с. Узб., рус.

580. Ремпель Л. Архитектурный орнамент Узбекистана. История развития и теория построения. / Науч. ред. Г. Пугаченкова. Ташкент, 1961, 604 с.
581. Искусство зодчих Узбекистана. Сб. статей. Т. I., 3-4. Ташкент, 1962, 1965, 1969. Т. I, 280 с. Т. 3, 152 с. Т. 4, 232 с.
582. Захидов П. Самаркандская школа зодчих XIX-начала XX в. Ташкент. 1965, 176 с.
583. Ташходжаев Ш. Средневековая художественная керамика Самарканда. Ташкент. 1967, 156 с.
584. Из истории искусств великого города (К 2500-летию Самарканда). Сб. статей. Ташкент. 1972, 333 с.
585. Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент. 1973, 136 с.
586. Кадырова Т. Современная архитектура Узбекистана. Ташкент. 1974, 156 с.
587. Дальверзинтепе - кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978, 240 с.
588. Маньковская Л., Булатова В. Памятники зодчества Хорезма. Ташкент. 1978, 192 с.
589. Немцева Н., Шваб Ю. Ансамбль Шахи-Зинда. 1979, 168 с.
590. Исмаилова Э., Полякова Е. А. Восточные миниатюры в собрании Института Востоковедения им. Абу Райхана Беруни. АН УзССР. Ташкент. 1980, 105 с.
591. Вязго Т. Музыкальные инструменты Средней Азии. Ист. очерки. М., 1980, 190 с.
592. Маньковская Л. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX-начало XX в.). Ташкент. 1980, 189 с.
593. Азимов И. Архитектурные памятники Ферганской долины. Ташкент. 1982, 72 с.
594. Исмаилова Э. Искусство оформления среднеазиатской рукописной книги XVIII-XIX вв. Ташкент. 1982, 149 с.
595. Ремпель Л. Далёкое и близкое. Бухарские записи. Ташкент. 1982, 302 с.
596. История искусств народов СССР, тт. 1-9. «Изобразительное искусство». М., 1971-1982.
597. Аршавская З., Ртвеладзе Э., Хакимов З. Средневековые памятники Сурхандарьи. Ташкент. 1982, 132 с.
598. Тезисы докладов V искусствоведческой научно-теоретической конференции молодых ученых 19-22 апреля 1983 г. Ташкент, 1983, 181 с.
599. Сагдуллаев А., Ртвеладзе Э. В стране золотого огня. Ташкент. 1983, 94 с.
600. Булатова В., Маньковская Л. Памятники зодчества Ташкента XIV-XIX вв. Ташкент. 1983, 144 с.
601. Камаладдин Бехзод (К 525-летию со дня рождения). Ташкент. 1984, 128 с.
602. Лунина С. Города Южного Согда в VIII-XII вв. Ташкент. 1984, 126 с.
603. Из истории живописи Средней Азии. Традиции и новаторство. Сб. статей. Ташкент. 1984, 205 с.
604. Массон М., Горячева В. Бурана. Фрунзе. 1985, 96 с.
605. Маньковская Л. Архитектурные памятники Шахрисабза. Ташкент. 1986.
606. Городская культура Бактрии - Тохаристана и Согда. Ташкент. 1987, 176 с.
607. Ремпель Л. Цепь времен. Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. Ташкент. 1987, 190 с.
608. Сагдуллаев А. Усадьбы древней Бактрии. Ташкент. 1987, 110 с.
-

-
609. Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. Ташкент. 1989, 168 с.
610. Культура Среднего Востока. Развитие, связи и взаимодействия (с древнейших времен до наших дней). Градостроительство и архитектура. Ташкент. 1989, 220 с.
611. Культура Среднего Востока. Развитие, связи и взаимодействия (с древнейших времен до наших дней). Изобразительное и прикладное искусство. Ташкент. 1990, 260 с.
612. На среднеазиатских трассах Великого шелкового пути. Очерки истории и культуры. Ташкент. 1990, 196 с.
613. Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент. 1994, 120 с.
614. К истории христианства в Средней Азии XIX-XX вв. Ташкент. 1998, 271 с.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ СТАТЬИ

615. Находки научной экспедиции. / Правда Востока. 1949, 29 ноября.
616. Памятник культуры древнего Тохаристана. / Правда Востока. 1963, 6 января.
617. В поисках угасших цивилизаций. / Правда Востока. 1963, 6 января.
618. Новые памятники - новые перспективы. / Ленинское знамя (Термез). 1963, 13 ноября.
619. Халчаян - памятник древней культуры. / Ленинское знамя (Термез). 1963, 27 октября.
620. В древней Венеции. Заметки участника Международного конгресса архитекторов. / Правда Востока. 1964, 25 июня.
621. История одной находки. / Ленинское знамя (Термез), 1965, 28 мая.
622. Айртом сирлари. / Узбекистон, 1965, 9, б. 13.
623. Ответ на вопрос редакции журнала. / ОНУ, 1966, 2, с. 40.
624. Башня Зурмала (Термез). / Правда Востока. 1966, 8 января.
625. Шедевры древней архитектуры. / Правда Востока. 1966, 9 января.
626. Где же узбекские Кизи? / Правда Востока. 1966, 14 августа.
627. Снова на Айртаме. / Ленинское знамя (Термез), 1966, 18 ноября.
628. Загадки Бактрии. / Правда Востока. 1966, 8 декабря.
629. Халчаён. / Фан ва турмуш, 1966, 6, с. 20-23.
630. Каким быть центру Ташкента. / Правда Востока, 1968, 19 мая. *Совместно с Л. Ремпелем, М. Булатовым и др.*
631. Кадимий маданият улкасида. / Узбекистон маданияти, 1968, 7 июля.
632. Города Гераева рода. (Об археол. раскопках на месте древнего Кушанского государства). / Вокруг света, 1968, 8, с.54-59.
633. Поэзия веков. Земля родная. / Известия, 1968, 8 августа.
634. Царь Канишка спорит с Римом. / Неделя, 1968, с. 9.
635. Кушанлар хакида сузлайди. / Саодат, 1969, 4, б. 23-24.
636. Тош касида. / Фан ва турмуш, 1969, 6, б. 4-8.
637. Речь на заседании Верховного Совета Узбекской ССР. / Правда Востока, 1970, 24 июня.
638. В поисках исчезнувших цивилизаций. / Московский комсомолец, 1971, 22 августа.
-

639. Дальверзинские находки. / Неделя, 1972, 23-29 октября.
640. Музыка в камне. / Памятники Туркменистана, 1972, 1, с. 12-16.
641. Клад драгоценностей (в Дальверзин-тепе). / Падомью Яунате, 1973, 15 апреля. Латыш. яз.
642. Сокровище комнаты 13 (Интервью). / Наука и религия, 1973, 12, с. 36-37.
643. Загадки кушанского царства. Воскресное интервью. / Правда Востока, 1974, 24 февраля.
644. Бактрийский наус. / Правда Востока, 1974, 9 октября.
645. Экспедиция в долину на Сурхандарья. / Народна младеж (БНР), 1974, 24 ноября. Болгарск. яз.
646. О красоте неумирающей. / Правда Востока, 1975, 2 ноября.
647. Создано на века. / Известия, 1976, 18 июня.
648. /Выступление в Страсбургском университете по случаю присуждения почетного звания «Доктора Гонорис кауза» / Collation du Grande de Docteur Honoris Causa. Strasburg, 1976, p. 31-32.
649. Рассказывают древние монеты. (О находке клада древн. монет на территории УзССР). / Правда Востока, 1978, 4 июня.
650. Кадимий маданиятимиз излари: («Урта Осиё ва Козогистоннинг антик маданияти» Бутуниттифок илмий кенгаши булиб утди). / Узбекистон маданияти, 1979, 7 сентября.
651. У переправы македонян. / Ленинское знамя (Термез), 1979, 15 ноября.
652. Город открывает свои тайны. / Правда Востока, 1980, 6 июля.
653. Город античного Согда. / Ленинский путь (Самарканд), 1981, 30 октября
654. Сопол сиёхдон сири. / Ёш ленинчи, 1981, 9 мая.
655. Кочевники и города. / В статье Г. Бельской. Монологи с археологической конференции. Знание - сила, 1983, 1, с. 16-17.
656. Науку - на благо мира. / Правда Востока, 1983, 15 октября. Совместно с С. Сираждиновым, В. Ким, Ю. Ташпулатовым.
657. Вильчек В. Связь времен. Интервью за рабочим столом. / Звезда Востока, 1983, 11, с. 171.
658. Кутлов. / Саодат, 1984, 1.
659. Тепаликлар багридаги сирлар. / Узбекистон маданияти, 1984, 27 июля.
660. Отправить в крепость - надумали в Узбекистане уникальный научный центр. / Правда Востока, 1985, 6 февраля.
661. Требуются дела. / Комсомолец Узбекистана, 1987, 21 ноября.
662. Уходит безвозвратно. / Правда Востока, 1989, 5 ноября.
663. Димов Г. Руины реставрации (Беседа с Г. А. Пугаченковой). / Известия, 1987, 20 мая.
664. Вырождение духовности - вырождение народа. / Академик Г. А. Пугаченкова отвечает на вопросы корреспондента газеты «Народное слово». 1990. 12 января.
665. Нужен закон. / Правда Востока, 1990, 29 января.
666. И таланту нужна поддержка. / Приамурские ведомости, 1991, 12 января.
667. Судьба архитектурного наследия. / Правда Востока. 1991, 20 марта.
668. Узоров, красок многоцветье. / Правда Востока. 1991, 21 марта.
669. Археология и рынок. Сумеем ли сохранить культурное наследие в наше непростое время. / Правда Востока, 1992, 8 сентября
670. Мавзолей Араб-ата. / Узбекистан-контакт, 1993, февраль.
-

-
671. Древнее жилище эрсаринцев. / Чарджевская правда, 1993, 1 октября.
672. Подарившая миру гения. / Народное слово. 1994, 20 июня.
673. Об узбекских шахматах в Санкт-Петербурге. / Народное слово, 1994, 28 июня.
674. Дом звездочетов. / Азия-юнпресс. 1994, 8 октября.
675. Сбереечь и приумножить. / Народное слово, 1994, 2 декабря.
676. Следы христианства на среднеазиатской почве. / Правда Востока, 1995, 19 января.
677. Нужен закон об охране памятников. / Правда Востока, 1995, 5 мая.
678. Хамжихатликда килинадиган ишлар куп. / Халк сузи. 1995, 17 ноября.
679. Сотрудничество, скреплённое дружбой. / Народное слово, 1995, 18 ноября.
680. /Интервью/. Сотрудничество, скрепленное дружбой. / Правда Востока, 1995, 18 ноября.
681. /Интервью/. Добрые всходы дадут добрые плоды. / Правда Востока, 1995, 12 декабря.
682. Археология - моя жизнь. / Народное слово, 1996, 7 февраля.
683. Все возрастающий интерес к культурному наследию Узбекистана. / Народное слово, 1996, 1 мая.
684. Мы увидели огромный интерес к древней культуре Узбекистана. / Голос Узбекистана, 1996, 3 мая.
685. Заглянем в прошлое с пользой для настоящего. / Голос Узбекистана, 1996, 16 июня.
686. Фанга садокат билан хизмат килдим. / Шарк-бизнес хабарномаси. 1996, 13-19 декабря.
687. Прекрасное о великом. / Народное слово, 1997, 27 февраля.
688. Вековая слава Бехзада. / Правда Востока, 1998, 6 февраля.
689. Первый из себе подобных. - «Вечерний Ташкент». 2000, 10 января.
690. Прошлое для будущего. «Правда Востока». 2000, 4 февраля

СЦЕНАРИИ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ КИНО И ТЕЛЕ-ФИЛЬМОВ И КОНСУЛЬТАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ИХ СЪЁМОК

Искусство Центральной Азии. (Полнометражный фильм по заказу ЮНЕСКО).

Короткометражные фильмы:

Регистан.

Шахи-Зинда.

Мечеть Биби-Ханым.

Слово о прекрасной чаше.

Дорогой открытий. Совместно с С. Березанской.

Руками искусных зодчих. Совместно с З. Хакимовым.

Так создавались города.

Вехи веков (Архитектурные памятники Ташкента - к 2000-летию города).

О, этих красок многоцветье! (Архитектурный декор памятников Узбекистана).

Возвращенное тысячелетие. (Античные древности Узбекистана).

Свет далёкой звезды. Архитектурные памятники времени Улугбека.
Архитектурные шедевры Хивы.
Тимур созидатель.

УЧАСТИЕ В ПОДГОТОВКЕ НАУЧНЫХ КАДРОВ

Канд. искусств. Ноткин И. Хивинская школа зодчества конца XVIII-начала XX вв. Ташкент, 1952.

Канд. ист. наук. Левина В. Поздние поселения и жилье Южного Узбекистана (XVIII-XIX). Ташкент, 1955.

Канд. искусств. Захидов П. Народные зодчие Самарканда XIX - начала XX вв. (к проблеме Самаркандской архитектурной школы). Ташкент, 1962.

Канд. искусств. Ташходжаев Ш. Художественная поливная керамика Самарканда IX - начало XIII вв. Ташкент, 1964.

Канд. арх-ры. Кадырова Т. Архитектура советского Узбекистана, 1945-1968. Ташкент, 1970.

Канд. арх-ры. Шваб Ю. Шахи-Зинда (к проблеме формирования мемориального ансамбля в зодчестве Средней Азии). Ленинград, 1971.

Канд. ист. наук. Немцева Н. Шахи-Зинда. К истории ансамбля и исторической топографии Самарканда. Ташкент, 1972.

Канд. ист. наук. Тургунов Б. Айртам (к проблеме античной культуры юга Узбекистана). Ташкент, 1974.

Канд. искусств. Рахимова З. Мавераннахрская (среднеазиатская) миниатюрная живопись как источник по истории костюма. Ташкент, 1984.

Канд. ист. наук. Столярова Н. Средневековая керамика Кашкадарьинского оазиса. (X-начало XIII в.). Ташкент, 1985.

Канд. арх-ры. Азимов И. Архитектурное наследие Ферганской долины (проблемы изучения, охраны и использования). Баку, 1990.

Канд. ист. наук. Перегудова С. История развития градостроительства и архитектуры Чуйской долины в средние века (по археологическим данным). Алма-Ата, 1992.

Канд. арх-ры. Шарденова З. Раннесредневековая жилая архитектура Южного Казахстана и Семиречья (VI - начало IX вв.). Ташкент, 1993.

Канд. ист. наук. Горшенина С. Становление и развитие системы изучения истории искусств Средней Азии в Узбекистане - конец XIX в. - первая половина XX в. (историографические аспекты). Ташкент, 1996.

Канд. искусств. Кувасаки К. Буддийское изобразительное искусство Северной Бактрии-Тохаристана I-IV вв. н. э. (К проблеме интерпретации буддийских образов по археологическим материалам и письменным источникам). Ташкент, 1999.

Д-р искусств. Маньковская Л. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX-начало XX вв.). М., 1982.

Д-р искусств. Исмаилова Э. Искусство оформления среднеазиатской рукописной книги XVIII-XIX вв. Художественные черты и стилистические особенности. Баку, 1984 (защита 16. 01. 85 г.).

УЧАСТИЕ В МЕЖДУНАРОДНЫХ НАУЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ

1960.

Москва, XXV международный конгресс востоковедов (выступление с докладом «К проблеме среднеазиатской миниатюры XVI - XVII вв.»).

1963.

Париж, VIII международный конгресс классической археологии (доклад - «К проблеме искусства Северной Парфии и Северной Бактрии»).

1964.

Венеция, 2-й международной конгресс архитекторов по охране памятников (доклад - «Существенные добавления к истории архитектуры Среднего Востока в результате исследований в Узбекистане»).

1966.

Избрана членом Советского Комитета ИКОМОС (Международного Совета по охране памятников и достопримечательных мест). Участие в его пленумах и конференциях, систематические консультации по вопросам, связанным с памятниками Средней Азии.

1967.

Командировка от Министерства культуры СССР на 1 месяц в Афганистан для проведения экспертизы технического состояния памятников средневековой архитектуры на предмет их будущей реставрации.

1968.

Тегеран, Исфахан, Шираз - V международный конгресс иранского искусства и археологии (доклад - «Открытия и исследования архитектурных памятников Мавераннахра и Северного Хорасана»).

1968.

Избрана членом Международной Ассоциации по изучению культуры Центральной Азии (МАИКЦА); выполнялся ряд работ и поручений.

1968.

Душанбе. Конференция по проблемам кушановедения (доклад - «Кушанское искусство в свете новейших открытий в Северной Бактрии»).

1969.

Оксфорд, участие в составе советской делегации на 2-й Генеральной ассамблее ИКОМОС.

1969.

Самарканд, Ташкент. Конференция ЮНЕСКО по культуре эпохи Тимуридов. (Доклад «Зодчество эпохи Тимуридов в его основных чертах»; проведение экскурсий зарубежных участников по памятникам).

1969.

Возглавила работу группы советских, афганских, иранских ученых по подготовке книги - альбома «Шедевры архитектуры Центральной Азии XIV-XV вв.». С целью пополнения обмеров и фотографий, а также натурного ознакомления с памятниками, в 1969г. выезжала в Афганистан и Иран. Книга была завершена в 1975г., когда выезжала по вызову ЮНЕСКО в Париж. Вышла в свет в 1981 г. в серии изданий ЮНЕСКО.

1970.

По заданию ЮНЕСКО подготовила сценарий кинофильма «Памятники искус-

ства Центральной Азии» и руководила его съемками в Иране, Афганистане, Пакистане, Индии. Фильм был сдан ЮНЕСКО в 1971 году, одобрен и принят.

1970.

Участие в семинаре по проблемам кушановедения, проходившем в Кабуле.

1970.

Москва, участие в XIII Международном конгрессе историков.

1972.

Будапешт, 3-я Генеральная ассамблея ИКОМОС, участие в составе советской делегации.

1972.

Работа в составе Советско-Афганской археологической экспедиции в Северном Афганистане.

1975.

4-я Генеральная ассамблея ИКОМОС в г. Ротенбург об-Таубер (ФРГ) в составе советской делегации. (Доклад - «Хива, как государственный архитектурный заповедник»).

1976.

Париж. а) Участие в коллоквиуме «Средняя Азия и иранское плато в историко-культурных связях» (выступление с докладом «Культура Северной Бактрии в свете археологических исследований в долине Сурхан-Дарьи»); б) чтение лекций и докладов в Музее Гиме, СНРС, Университетах Парижа и Страсбурга.

1976.

Присуждение звания доктора «гонорис кауза» Страсбургского Университета.

1978.

Париж. Чтение четырех лекций в Коллеж де Франс, лекции в Сорбонне и в Страсбургском университете.

1981.

Париж, ЮНЕСКО - участие в качестве эксперта от советской стороны в связи с подготовкой международной выставки «Искусство ислама». Подготовила список и аннотации памятников, находящихся на территории СССР.

1982.

Душанбе, международная конференция МАИКЦА по проблемам древних культур центральноазиатского региона (доклад «К проблеме наследия в художественной культуре античной Бактрии»).

1982.

Ереван-Тбилиси. Международный симпозиум ИКОМОС по охране и реставрации пещерных комплексов (Доклад - «К проблеме консервации пещерной архитектуры Средней Азии»).

1983.

Баку. Международный симпозиум по искусству восточных ковров. (Доклад - «Архитектурный сюжет на миниатюре из «Зафар-наме» XV века «).

1984.

Дрезден-Росток (ГДР) - 7-я Генеральная ассамблея ИКОМОС, участие в составе советской делегации (Доклад «Памятники в системе исторических городов Средней Азии»).

1984.

Избрана членом советского комитета солидарности стран Азии и Африки.

1990.

Поездка для ознакомления с памятниками и научными учреждениями Японии по приглашению Университета Сока.

ДИПЛОМЫ

1964.

Почетное звание «Заслуженный деятель науки Узбекской ССР».

1966.

Лауреат Республиканской премии имени Хамзы.

1969.

Союза архитекторов СССР за книгу «История искусств Узбекистана».

1972.

Союза архитекторов СССР за авторское участие в книге «Всеобщая история архитектуры», т. I.

1973.

Государства Турции в связи с 50-тилетием его образования, за вклад в изучение культуры Востока.

1976.

Союза художников СССР за авторское участие в книге «История искусств народов СССР», т. 3.

1981.

Союза художников СССР за книгу «Миниатюры Средней Азии».

1983.

Союза художников СССР за книгу «Скульптура Халчаяна».

1985.

Член-корреспондент Немецкого археологического института.

1987.

Член-корреспондент итальянского института Среднего и Дальнего Востока.

1992.

Лауреат Государственной премии имени Беруни.

1993.

Почетный академик Международной Академии архитектуры стран Востока - МААСВ.

1995.

Почетный член Академии архитектуры Таджикистана.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.

АО - Археологические открытия.

АСУ - Архитектура и строительство Узбекистана.

БСЭ - Большая Советская энциклопедия.

ВДИ - Вестник древней истории.

ИЗУ - Искусство зодчих Узбекистана.

КСИА - Краткие сообщения института археологии АН СССР.

НАА - Народы Азии и Африки.

ОНУ - Общественные науки в Узбекистане.

РА - Российская археология.

СА - Советская археология.

САГУ - Среднеазиатский Государственный Университет.

Г. А. Пугаченкова

САУ - Строительство и архитектура Узбекистана.

СЭ - Советская этнография.

ТД - Тезисы докладов.

ЮТАКЭ - Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.

ИМКУ - История материальной культуры Узбекистана.

УСА - Успехи среднеазиатской археологии.

BCO - Bibliotheca Classica Orientalis.

Данное издание — оригинальный проект, подготовленный в рамках программы «Искусство и культура», осуществляемой Институтом Открытое Общество — Узбекистан.

Институт Открытое Общество представляет в Узбекистане международную гуманитарную организацию, учрежденную известным американским финансистом и филантропом Джорджем Соросом. Аккредитованный Министерством иностранных дел Республики Узбекистан в октябре 1996 года, Институт Открытое Общество разрабатывает собственные программы, а также поддерживает участие Узбекистана в различных сетевых программах Фонда Сороса — в сферах высшего и среднего образования, правовой реформы, Интернета и электронной почты, средств массовой информации, медицины, английского языка, библиотечного дела, искусства и культуры и др.

Институт Открытое Общество — Узбекистан.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	5
Вместо предисловия	9
Перебирая жизни черепки	13

СВЕТЛАНА МИХАЙЛОВНА ГОРШЕНИНА

ГАЛИНА ПУГАЧЕНКОВА

ПЕРЕБИРАЯ ЖИЗНИ ЧЕРЕПКИ...

Подготовка издания:

«MEDIA LAND»

директор С. Миргородский;

коммерческий директор Г. Бондаренко;

редактор Б. Голендер;

корректор Л. Леус;

художник В. Шумилов;

компьютерное обеспечение:

Д. Акифьев, А. Дроздов, Е. Миргородская,

Н. Рузыбаев, Н. Шамухамедов.

Использованы фотографии Д. Михайлова

и из личного архива Г. Пугаченковой.

Фото на второй странице А. Шепелина.